

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ СXXX

ВѢРА НАВАЛЬ

НАВОЖДЕНІЕ

РОМАНЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА / ГРѢШНАЯ УЛИЦА № 25
1 9 3 2

**Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ДРАУГСЪ»
Рига, Петроцерковная площ. 25-27.**

I

— Котикъ, пальто возьми. Тучи собираются,— умоляюще крикнула Марія Михайловна вслѣдъ спускающемуся съ лѣстницы сыну. Но тотъ только разсмѣялся, роняя за собою дверь.

Марія Михайловна торопливо побѣжала въ столовую, бросилась къ окну и хотѣла еще разъ посовѣтовать Котику все-таки взять съ собою пальто, но было жарко и она раздумала. Какъ разъ въ эту минуту онъ, переходя улицу, поднялъ къ ней голову и улыбаясь сдѣлалъ ей прощальный знакъ рукою. Она ласково закивала ему головою и облокотившись на подоконникъ безпокойными, грустными глазами проводила стройную фигуру молодого человѣка до поворота узкой Нью-Йоркской улочки, за которою онъ скрылся. Потомъ Марія Михайловна глубоко вздохнула, скрестила привычнымъ движеніемъ руки на пруди, опустилась въ кресло и, вдругъ почувствовавъ внезапное душевное облегченіе, пріятно вздохнула и тѣснѣе завернулась въ кимоно.

„Вотъ и всегда такъ,“ подумала она: „Когда уйдетъ куда-нибудь Котикъ, точно легче мнѣ дышать. Странно. И почему-бы это? Вѣдь онъ такой внимательный, скромный. Ничего не требуетъ, никогда

слова рѣзкаго не скажетъ. Часто я слышала, что дѣти благословеніе Господне, высшая радость на свѣтѣ. Можетъ быть у другихъ это и такъ, а вотъ у меня вышло наоборотъ. Я нахожу, что тяжело быть матерью. Безпрестанная мука мнѣ мой ребенокъ... Раньше я въ институтѣ, какъ мотылекъ, порхала. Да и когда замужъ вышла заботъ не знала, а какъ родился мой Котикъ, навсегда наступилъ конецъ моей безпечной жизни. Пока онъ маленькій былъ, вѣдь минуты я спокойной не знала. Первые дни и ночи все пугалась, живъ-ли? Прислушивалась, бьется-ли его сердечко... Когда бѣгать сталъ, упадетъ бывало, плачетъ, а я газнюсь, — зачѣмъ не досмотрѣла. Заболѣетъ, — совсѣмъ голову потеряю, — зачѣмъ отъ простуды, или заразы не уберегла. Нашалить, — я виновата, — воспитывать не умѣю. Въ школѣ не успѣваетъ, опять мнѣ мученіе. А то бывало и такъ: онъ спокойно спитъ въ своей кроваткѣ, а я смотрю на него и плачу, сама не зная почему. Точно предчувствіе какое. А ужъ съ тѣхъ поръ, какъ мы эмигрантами стали, да въ Нью-Йоркѣ попали, не осталось и мѣста живого у меня на душѣ. Такъ и прызетъ, такъ и грызетъ меня чувство ответственности и виновности какой-то передъ Котикомъ за все, что дѣлаетъ съ нимъ жизнь. Точно въ моей власти бороться съ его судьбой. И всегда такъ было. Всегда... И съ каждымъ годомъ будто все труднѣе становится. Силы что-ли убываютъ, или кажется мнѣ это только, что Котикъ все дальше и дальше отъ меня уходитъ. Маленькимъ бывало посадишь его къ себѣ на колѣни, приласкаешь, сказку

разскажешь и чувствуешь мой онъ, мой ребенокъ, такой тепленькій, тяжеленькій, и хорошо на душѣ... Какъ быстро ускользнуло это время, кануло въ вѣчность. И не вспомню, когда въ послѣдній разъ я его на колѣни брала, когда въ послѣдній разъ читалъ онъ за мною „Отче нашъ“. Разсѣялось все это... Забылось...”

Марію Михайловну клонило ко сну. Мысли ея стали заволакиваться дремотой и вереницы воспоминаній туманно поплыли въ я воображеніи.

Марія Михайловна родилась въ средней дворянской семьѣ, воспитывалась въ институтѣ и въ девятнадцать лѣтъ вышла за товарища брата, художника-футуриста Петра Николаевича Носкова.

Наивная, сентиментальная, чуткая, съ душою робкою, но способною подняться до бысшаго подвига, она не умѣла выражать своихъ мыслей рядомъ со своимъ мужемъ-сангвиникомъ, называющимъ себя „разрубителемъ узловъ“.

Онъ бурно вошелъ въ ея жизнь. Поколебалъ всѣ, составившіяся въ ней подъ вліяніемъ среды и воспитанія, убѣжденія и внесъ совершенный хаосъ въ ея религіозныя понятія. Началъ онъ ея „развитіе“ съ того, что заперъ Евангеліе въ шкапъ и сталъ читать съ нею теософическія и антропософическія книги. Эмерсена и Ревана и объяснять ей Буддизмъ.

Марія Михайловна смутно сознавала, что во всѣхъ этихъ ученіяхъ есть непостижимая для нея глубина, таинственность и возвышенность, но что православная ея душа всего этого не пріемлетъ. Однако, возражать супругу она не рѣшалась и послуш-

но переставъ представлять себѣ Бога-Отца старцемъ съ сѣдою бородой, стала называть Его даже про себя то „предвѣчнымъ источникомъ“, то „извѣчной силой“, при чемъ часто сбивалась. Но это не тревожило ее. Она знала, что Богъ есть, а какъ представлять себѣ Его, или какъ называть, ей было безразлично. Несмотря на это, когда Петръ Николаевичъ изобразилъ Пресвятую Троицу огненнымъ винтомъ на черномъ фонѣ полотна, ей стало какъ-то не по себѣ и она даже сходила ко всенощной.

Но все это продолжалось недолго. Послѣ рожденія Котика Марія Михайловна вся такъ ушла въ ребенка, что для разглагольствованій мужа у нея не осталось времени.

Котикъ росъ страннымъ ребенкомъ: разсѣяннымъ, мечтательнымъ, равнодушнымъ къ людямъ, влюбленнымъ въ природу. Онъ былъ чутокъ ко всякому проявленію красоты и уже мальчикомъ сталъ проявлять положительную страсть ко всѣмъ искусствамъ. Однако, самъ, къ великому огорченію родителей, не былъ одаренъ никакимъ талантомъ. Учился онъ не плохо. Товарищей и учителей близко къ себѣ не подпускалъ. Попасть въ концертъ, въ музей было для него высшимъ счастьемъ. Всѣ стѣны его комнаты были покрыты открытками-воспроизведеніями классическихъ картинъ.

Отецъ, по-своему, любилъ, но какъ-то чуждался его, сознавая, что ему недоступенъ внутренний міръ этого страннаго ребенка, міръ, полный безсвязныхъ стремленій и порывовъ, находящихся удовлетвореніе

лишь въ гармоничныхъ звуковыхъ и зрительныхъ переживаніяхъ.

Оставаясь наединѣ съ сыномъ, Петръ Николаевичъ совершенно терялся. Не зналъ о чемъ съ нимъ говорить, впадалъ въ заискивающій тонъ и особенно больно ощущалъ въ сердцѣ чувство неисполненнаго родительскаго долга.

Иногда онъ осторожно пробовалъ говорить съ Котикомъ о своей теоріи огненного винта, о Богѣ, о вопросахъ морали, но непонимающіе, холодные глаза мальчика дѣйствовали на него парализующе и онъ смущенно умолкалъ, проклиная себя за то, что не умѣетъ взяться за воспитаніе своего ребенка и вѣчно начинается съ нимъ серьезные разговоры невпопадъ. Это ощущеніе неисполненныхъ отцовскихъ обязанностей мучило его всечасно. Онъ видѣлъ, что мальчикъ его нуждается въ поддержкѣ, что онъ какъ-то особенно одинокъ духовно, что онъ не похожъ на другихъ дѣтей, радостныхъ и простыхъ, что въ душѣ его происходятъ иногда какія-то необъяснимыя дѣтскія драмы. Но случалось такъ, что какъ разъ въ такихъ случаяхъ Николай Петровичъ совершенно пасовалъ. Напримѣръ, какъ-то весною, въ деревнѣ, вернувшись изъ парка, Котикъ за столомъ спросилъ родителей, правда-ли, что, какъ рассказалъ ему сейчасъ сынъ сторожа, птицы съ выколотыми глазами лучше поютъ.

— Глушости, — пожала плечами мать.

— Твой сынъ сторожа просто идіотъ, — декретировалъ отецъ.

Неразрѣшенный вопросъ крѣпко засѣлъ въ го-

ловъ мальчика и изгнавъ изъ его воображенія всѣ другія мысли всецѣло завладѣлъ имъ, сталъ мучить его.

Его безпрестанно тянуло въ столовую, гдѣ въ золотой клѣткѣ заливалась трелями желтенькая темноглазая канарейка. Наблюдая за игрою ея горлышка, онъ старался представить себѣ, какъ стала-бы она пѣть еще лучше, ослѣпнувъ. Ея темные круглые глаза все сильнѣе приковывали къ себѣ его вниманіе.

— Мама, — спросилъ онъ читающую книгу Марію Михайловну, — что, если птицѣ булавкой проколоть глаза, она ослѣпнетъ?

— Конечно, — разсѣянно отвѣтила она перевертывая страницу.

— Если просто взять булавку и просто проколоть ей глаза, она ослѣпнетъ? Совсѣмъ ослѣпнетъ? — сосредоточенно повторилъ онъ медленно блѣднѣя.

— Ну, конечно-же. Не спрашивай глупостей, — отмахнулась отъ него мать.

Котикъ задумчиво постоялъ на мѣстѣ, потомъ на вдругъ ослабѣвшихъ ногахъ побрелъ къ канарейкѣ въ золотой клѣткѣ. Представленіе о томъ, что птицы съ выколотыми глазами лучше поютъ, какъ-то померкло въ его мозгу. Онъ весь былъ во власти изумляющей и волнующей его мысли, что такъ просто ослѣпить, вотъ хоть-бы эту канарейку, и страшнымъ предчувствіемъ, что онъ выполнить это злое дѣло. Имъ руководила не жестокость, а мучительное, холодное, непреодолимое любопытство. Какая-то скрытая въ немъ самомъ тайная сила уже нѣсколько дней настойчиво толкала его къ этому. Онъ

безсознательно боролся съ нею всей своей дѣтской душой, но въ эту минуту соблазнъ былъ такъ великъ, что онъ не выдержалъ. Внезапно рѣшившись, выхватилъ канарейку изъ клѣтки и крѣпко зажавъ въ рукѣ ея теплое, трепещущее тѣлце прокололъ ей, уже давно приготовленной булавкой, оба глаза, потомъ судорожно разжавъ пальцы, бросилъ ее обратно въ клѣтку и, весь покрытый холоднымъ потомъ, сталъ наблюдать за своей жертвой, ожидая, что вотъ-вотъ зальется она новой, чудесной пѣсней. Но слѣпая канарейка не пѣла. Она безпомощно прыгала, взлетала и билась о стѣнки клѣтки, стараясь зацѣпиться за жердочку и не находя ея. Слепые движенія раненой птицы, струйки крови, бѣгущія изъ ея глазъ, внезапно вызвали такой ужасъ въ ребенкѣ, что онъ съ перекошеннымъ отъ отвращенія лицомъ убѣжалъ въ садъ и долго бѣгалъ тамъ, стараясь забыть ощущение бьющагося тѣлца съ тонкими косточками въ своей рукѣ, забыть этотъ окровавленный, жалко прыгающій комочекъ желтыхъ перьевъ.

Послѣ обѣда преступленіе его обнаружилось и онъ предсталъ на судъ родителей. Тутъ-то Николай Петровичъ и спасовалъ.

— Ну, что-же, братъ, ты человѣкъ новой морали. Жизнь покажетъ, кто правъ, мы люди прошлаго, или вы новые люди, — совершенно неожиданно для себя самого проговорилъ онъ заискивающимъ тономъ и вдругъ почувствовалъ сильную неловкость въ душѣ и во всемъ тѣлѣ, вышелъ изъ комнаты, заложивъ руки въ карманы.

Марія Михайловна оказалась болѣе на высотѣ

положенія, но и ей не удалось вызвать въ душѣ сына ни раскаянія, ни состраданія, не удалось объяснить ему, что онъ совершилъ дурной поступокъ.

Въ этотъ вечеръ, въ спальнѣ, потушивъ свѣтъ, Петръ Николаевичъ и Марія Михайловна долго смотрѣли на зеленый огонекъ лампы, теплящійся передъ иконою въ красномъ углу, и долго молчали.

— Не такъ мы что-то съ ребенкомъ обращаемся, — нерѣшительно проговорилъ наконецъ Петръ Николаевичъ.

— Не такъ, — сокрушенно повторила Марія Михайловна.

— Вотъ вѣдь какую штуку выкинулъ. А почему, откуда это у него, не докопаетесь. Развѣ его поймешь? Неестественный ребенокъ какой-то, точно недоразвитъ его разумъ, а воображеніе переразвито. Бѣдный, точно во снѣ живетъ. Прислушивается къ звукамъ, всматривается во все, часами смотритъ на все тѣ-же картинки, да все на ангеловъ, на Мадоннъ какихъ-то. Подавай ему Рафаэля, а что при этомъ думаетъ, непостижимо. Будто и не думаетъ совсѣмъ. А какъ начнетъ спрашивать, такъ нѣсколько дней подрядъ все тотъ-же вопросъ загвоздить, точно отдѣлаться отъ него не можетъ, а объясненій не слушаетъ. Смотритъ въ одну точку, какъ лунатикъ, и молчитъ. Р збудить-бы его надо, встряхнуть какъ нибудъ...

— Да какъ-же это сдѣлать-то?

— Думаю, что слишкомъ осторожнымъ онъ растетъ. Не подпускаемъ мы къ нему ни жизни, ни людей. Плохо это. Лучше было-бы, если-бы у него

братишки были, съ которыми онъ бы дрался, или придиричивый отецъ взбалмошный, который его и другихъ дѣтей понапрасну-бы поролъ. Это бы его встряхнуло. Научило-бы чувствовать возмущеніе, обиду, состраданіе. Меня пугаетъ это отсутствіе въ немъ человѣческихъ чувствъ...

— И меня. Что-бы это было, Петръ Николаевичъ? А? Понять не могу.

— А я вотъ что-то угадываю въ немъ, а окончательно уловить не могу. Не знаю, какъ за него взяться, что ему сказать, какъ къ нему подойти. Теряюсь въ догадкахъ... Тяжело это.

— Да, тяжело.

Петръ Николаевичъ въ темнотѣ закурилъ папиросу. Марія Михайловна тихо плакала, заглушая всхлипыванія подушкой.

Въ это время Котикъ плохо спалъ въ своей кровати. Ему все чудилось метаніе канарейки въ клѣтку, шорохъ ея крыльевъ. Ему снилось, что она скачетъ по его груди, по его лицу. Проснувшись рано утромъ, когда еще спали всѣ домашніе, онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ путающей его птицы: дрожа всѣмъ тѣломъ, прокрался въ столовую, впустилъ въ нее кошку, поставилъ клѣтку съ неуклюже скачущей въ ней птицей на полъ, открылъ дверцу и стремглавъ убѣжалъ изъ комнаты. Нѣсколько часовъ спустя у него открылся жаръ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но, вспоминая этотъ необъяснимый для нея поступокъ сына, Марія Михайловна и теперь, сидя въ Нью-Йоркской квартирѣ, тихонько застонала. Первымъ большимъ

горемъ была для нея эта дикая выходка Котика, а вслѣдъ за ней такъ и посыпались несчастья: большевики захватили власть, Петръ Николаевичъ былъ арестованъ и разстрѣлянъ. Все ихъ имущество погибло. Американскій консулъ, многолѣтній знакомый Носковыхъ, помогъ Маріи Михайловнѣ бѣжать съ Котикомъ въ Нью-Йоркъ. Какія мытарства они перенесли, какъ голодали долгіе годы! Она пробивалась шитьемъ. Потомъ подросъ Котикъ и нашель работу въ переплетной мастерской.

Онъ никогда не жаловался, но всегда былъ молчаливъ и печаленъ. Его необычайно красивая внѣшность, его изящныя манеры такъ мало подходили къ обстановкѣ его жизни, что квартирная хозяйка, у которой Марія Михайловна снимала кровать для себя и соломенный мѣшокъ для сына, не вѣря, что онъ просто какой-то господинъ Носковъ, повсюду прокричала его русскимъ княземъ и очень гордилась имъ.

Марія Михайловна безъ боли не могла смотрѣть на его блѣдное лицо, на его единственный изношенный костюмъ съ чужого плеча. Ея сердце обливалось кровью, когда она ставила передъ нимъ ихъ скудный обѣдъ, когда онъ, съ плохо скрытымъ отвращеніемъ, вытаскивалъ свой мѣшокъ-постель изъ-подъ дивана.

Николай Петровичъ оживлялся только по вечерамъ, когда садился подъ лампу со своими папками и альбомами, полными воспроизведеніями классическихъ картинъ. Тогда лицо его розовѣло, черты

смягчались и руки дрожали слегка перебирая любимые картоны.

„Бѣдный мой мальчикъ! Душа его рвется къ красотѣ, а жизнь наша такъ убога,“ печально подумала Марія Михайловна.

Зашумѣлъ ключъ въ замкѣ входной двери. Въ комнату вошла хозяйка квартиры, мистрисъ Смисъ съ замужнею дочерью.

Марія Михайловна поспѣшно встала съ кресла.

— Сидите, сидите, — привычнымъ движеніемъ языка поправляя вставную челюсть, воскликнула мистрисъ Смисъ, — вы намъ не мѣшаете. Мы сейчасъ встрѣтили вашего сына. Чудо, какой красавчикъ, но гордецъ ужасный. Даже не взглянулъ на насъ, несмотря на то, что мы сегодня въ новыхъ платьяхъ, — непріятно размѣялась, влюбленная въ Николая Петровича, старуха, садясь на стулъ и кряхтя снимая башмаки. — Ну-ка, Долли, — обратилась она къ дочери, плотной женщинѣ съ лицомъ, усыяннымъ веснушками, — достань-ка нашъ элексиръ.

Долли пошарила за шкапомъ и вытащила изъ-за него бутылку виски.

Марія Михайловна рѣшительно встала, пожелала американкамъ „спокойной ночи“, ушла въ сосѣднюю комнату, гдѣ за ширмой стояла ея кровать, и стала раздѣваться.

„Напьются опять обѣ,“ ворчала она про себя: „потомъ начнутъ драться да дѣлить на словахъ какое-то ожидаемое наслѣдство. А подъ утро заснутъ

вмѣстѣ на одной кровати и будутъ храпѣть, какъ іерихонскія трубы. Вѣдь каждый вторникъ такъ. А въ пятницу Смисиха опять пойдетъ тянуть виски и спать къ Долли. Въ остальные дни недѣли и мать и дочь напиваются врозь. Это у нихъ ужъ такая система. Странныя женщины!“

Марія Михайловна легла, потушила свѣтъ, перекрестилась и повернулась лицомъ къ стѣнѣ. Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди.

„Охъ, что это опять такъ засосало въ сердцѣ? Такъ и сосеть, такъ и сосеть... Къ чему-бы это? Неужели опять какое-нибудь новое горе надвигается... Загадать, развѣ, на Евангеліи?“

Она зажгла свѣчу, взяла съ тумбочки, полученное при выпускѣ изъ института, красное Евангеліе съ золотымъ крестомъ на обложкѣ, раскрыла его и прочла: „Ибо придутъ на тебя дни, когда врати твои обложатъ тебя окопами и окружаютъ тебя и стѣснятъ тебя отовсюду.“

„Не подходитъ, что-то... Какіе-же у меня враги?“ удивилась Марія Михайловна. „Нѣтъ, не подходитъ... Загадать развѣ до трехъ разъ? Лучше не надо... Еще больше разстроюсь... Заснуть бы поскорѣе...“ подумала она, и, задувъ свѣчу, снова повернулась къ стѣнѣ.

Въ это время Николай Петровичъ сидѣлъ въ душномъ, запыленномъ скверѣ, окруженномъ высокими закоптѣлыми домами, и съ тоскою смотрѣлъ на темное небо, усыпанное звѣздами. Онъ мечталъ о томъ, какъ хорошо было-бы вырваться изъ каменной

коробки ненавистнаго города, куда-нибудь, гдѣ чистый воздухъ напоенъ музыкой и тонкими ароматами цвѣтовъ, гдѣ бѣлыя колонны кажутся зелеными подъ свѣтомъ луны, гдѣ пѣнятся бурныя, свѣжія воды или недвижно и таинственно дремлютъ лагуны. „Вѣдь, есть же люди,“ думалъ онъ: „которые всю свою жизнь проводятъ въ дворцахъ, построенныхъ ими тамъ, гдѣ міръ кажется имъ прекраснѣе всего, которые окружаютъ себя произведеніями искусства и которымъ доступны всѣ эстетическія наслажденія. О такомъ счастьѣ было бы, конечно, безуміемъ и грезить. Но я хотѣлъ бы, какимъ-нибудь чудомъ, хоть только нѣсколько дней пережить сказку красивой жизни... но такихъ чудесъ не бываетъ...“

Николай Петровичъ горько усмѣхнулся, досталъ изъ кармана папиросу и закурилъ. При этомъ взглядъ его случайно упалъ на бѣлый свертокъ, лежащій рядомъ съ нимъ на скамьѣ.

„Недоѣденный буттербродъ, или апельсинныя корки,“ съ отвращеніемъ подумалъ онъ, сталкивая пакетъ на землю. Тотъ громко ударился объ асфальтъ. Удивленный его тяжестью, Николай Петровичъ поднялъ его и развернулъ: въ бѣлой бумагѣ, небрежно закрученной веревкой, лежалъ револьверъ. Онъ былъ заряженъ.

„Что за странная исторія,“ подумалъ Николай Петровичъ: „Завтра придется отнести эту штуку въ полицію. Здѣсь оставлять опасно.“

Онъ положилъ оружіе въ карманъ и снова затащился папиросой.

— О, милый, — раздался за ним смѣющійся голосъ хорошенькой, очень молоденькой брюнетки, съ мушкой на щекѣ, — вы уже давно ждете меня? Простите, я запоздала. Мнѣ пришлось послѣ закрытія мастерской летѣть на автомобилѣ на Пятое Авеню, чтобы сдать нѣсколько туалетовъ одной заказчицѣ, которая завтра уѣзжаетъ въ Европу. Она заплатила мнѣ по счету. Представьте себѣ — у меня сейчасъ въ сумочкѣ больше двухъ тысячъ долларовъ.

— Вамъ довѣряютъ такіе суммы?

— И не въ первый разъ. Но я должна была обѣщать вернуться съ ними прямо домой.

— Это было бы благоразуміе.

— Возможно. Но я знала, что вы ждете здѣсь меня, и не могла не придти.

— Вы легко можете потерять вашу сумочку.

— Это правда. Возьмите конвертъ съ деньгами въ вашъ внутренній карманъ, а я заколю его булавкой. Вотъ такъ. Теперь доллары въ надежномъ мѣстѣ. Только не забудьте отдать ихъ мнѣ, когда я буду уходить.

— Ладно.

— О, милый, какъ я рада, что вы пришли. Сегодня мы встрѣчаемся въ третій разъ, а я даже не знаю, какъ васъ зовутъ. Вы не хотите сказать мнѣ вашего имени?

— Нѣтъ.

— Какъ это таинственно... Скажите, я направлюсь вамъ?

— Иначе я не былъ бы здѣсь.

— Но если бы я не заговорила съ вами тогда, у витрины, вы не обратили бы на меня вниманія?

— Вѣроятно нѣтъ.

— Вамъ нравится мое имя? Вы вѣрите, что меня зовутъ Монной-Лизой?

— Конечно нѣтъ.

— Почему же вы не спорите?

— Я никогда не спорю.

— Ну, такъ называйте меня Моникой. Меня правда такъ зовутъ. Скажите, что вамъ нравится во мнѣ?

— Ваша смуглая кожа, ваши длинныя рѣсницы, вашъ всегда болтающій и смѣющійся ротъ, родинка на вашей щекѣ...

— Я веселая? Правда?

— Очень веселая.

— А вы всегда печальный.

— Развѣ?

— Всегда, всегда. Говорятъ, что я похожа на Колинъ Морэ? Вы находите?

— Пожалуй. Сегодня идетъ ея фильма. Вонъ тамъ, за угломъ. Хотите ее посмотрѣть?

— О, милый, вы такъ расточительны сегодня.

— Мнѣ просто надоѣлъ этотъ скверъ. Идемте.

Въ кинематографѣ было душно. Пахло какимъ-то очищающимъ воздухъ средствомъ. Фильмъ былъ преглупый и Николай Петровичъ скучалъ. Его раздражали нѣжные взгляды льнущей къ нему Монике, ея громкій смѣхъ, всѣ ея ужимки. Ему хотѣлось встать и уйти опять въ пыльный скверъ, гдѣ надъ

закопченными домами сверкали яркія звѣзды, гдѣ можно было одиноко мечтать.

„Мнѣ суждена бѣдность, жестокая, грубая; а вотъ есть женщины, которыя могутъ швырять на тряпки тысячи долларовъ,“ думалъ онъ: „Если бы деньги, лежащія въ моемъ карманѣ, принадлежали мнѣ, я могъ бы, пожалуй, осуществить мечту, прожить нѣсколько красивыхъ дней гдѣ-нибудь во Флоридѣ. Какая сила въ деньгахъ! Если бы я захотѣлъ, мнѣ легко было бы присвоить себѣ эти двѣ тысячи долларовъ. Нѣтъ ничего проще, какъ выйти сейчасъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, одному изъ кинематографа и исчезнуть. Вѣдь эта глупенькая Моника даже не знаетъ моего имени... Насъ никто, никогда не видѣлъ вмѣстѣ. Когда мы вошли, было темно, и теперь я могъ бы выскользнуть въ темнотѣ. Все было бы шито-крыто, и я сталъ бы на нѣсколько дней богатымъ человѣкомъ, не причинивъ никому особеннаго вреда. Моникѣ бы только сильно влетѣло за легкомысліе, а для миллионерши, хозяйки ма-стерской, двѣ тысячи долларовъ не деньги. Ставъ „Крезомъ на часъ“, я уѣхалъ бы на океанъ... Въ Міами. Тамъ воздухъ чистый... Влажный вѣтерокъ вѣетъ съ океана... Безконечный водяной просторъ, а надъ нимъ прозрачный куполъ неба...“

— О, милый, посмотрите, какіе на ней чудесные, вышитые чулки, — вернулъ его къ дѣйствительности возгласъ Моника.

Онъ вздрогнулъ весь и раздраженно отклонился отъ нея. Какъ далека онъ только-что былъ отсюда!

Здѣсь нечѣмъ дышать и такъ противно пахнетъ! Уйти бы... Уйти? Это слово напоминаетъ какую-то недавнюю, занимательную мысль... Что это было?

Николай Петровичъ усмѣхнулся про себя: „Ахъ, да. Я собирался бѣжать отсюда съ долларами Монники. Придетъ же въ голову такая сумасбродная мысль!.. А! выполненіе ея было бы дѣйствительно легко... Но необходимо было бы дѣйствовать неотложно. Фильмъ подходитъ къ концу... Да что это у меня такъ разыгралось воображеніе, точно я и дѣйствительно собираюсь обокрасть эту довѣрчивую дѣвочку.. Какая пошлость!.. Однако, какъ неосторожно она поступила. На моемъ мѣстѣ никто не этдалъ бы ей этихъ денегъ. Ужъ слишкомъ просто ихъ унести. Меня даже тянетъ разыграть для себя комедію этой кражи... Какое ребячество! Но почему же мнѣ не позабавиться?“ Онъ незамѣтно оцупалъ деньги въ карманѣ; конвертъ хрустнулъ подъ его пальцами. Онъ склонился къ Моникѣ:

— Я пойду купить вамъ шоколаду и сейчасъ вернусь, — шепнулъ онъ ей.

Она улыбаясь кивнула ему головой. Онъ всталъ и, мягко ступая по ковру, неторопливо направился къ выходу. Его охватила странная, непріятная дрожь. Выйдя изъ двери кинематографа на улицу, онъ внезапно остановился, досталъ папиросу и закурилъ.

„Удался мой экспериментъ,“ подумалъ онъ. „Но теперь ни съ мѣста, или я воръ.“

Онъ нервными шагами сталъ маячить передъ ярко

освѣщеннымъ порталомъ, отъ каасы къ вырѣзанному во весь ростъ силуэту Коллинъ Морэ и обратно.

„Однако, какъ я взволнованъ... Какъ тянетъ меня перейти улицу и исчезнуть въ темнотѣ,“ лихо-радочно неслись мысли у него въ головѣ: „Я, кажется, слишкомъ увлекся своей ролью вора-джентльмена. Какъ странно взглянулъ на меня портъе... какой орангутангъ! Вотъ, смотритъ опять. Чѣмъ я привлекъ его вниманіе? Какъ пронзительно смотритъ, негодяй! Мои руки, кажется, трясутся... Ужъ это совсѣмъ глупо. Вотъ докурю и вернусь туда, къ Моникѣ.“

Въ эту минуту широко раскрылись двери зрительнаго зала и публика разомъ хлынула изъ него.

„Конецъ представленія,“ промелькнула у него мысль. „Теперь легко исчезнуть въ толчеѣ, завернуть за уголъ.. Взять автомобиль...“

— А гдѣ же мой шоколадъ? — неожиданно взяла его подъ руку подошедшая сзади Моника.

Ему захотѣлось оттолкнуть ее, убѣжать, но онъ сдержался.

— Вашъ шоколадъ мы купимъ вмѣстѣ, — спокойно сказалъ онъ. — Пойдемте, я угощу васъ мороженымъ. Вонъ напротивъ въ саду этой маленькой кондитерской.

— О, какъ вы сегодня милы! — прижалась Моника лицомъ къ его плечу.

Садъ кондитерской былъ матово освѣщенъ китайскими фонарями. Николай Петровичъ увлекъ

Монику къ самому отдаленному и слабо освѣщенному столу.

Она достала зеркало изъ сумочки, долго, внимательно пудрилась, крѣпко обтирая пуховкой лицо, поправила завитки на щекахъ, провела языкомъ по губамъ и, рассказывая какой-то вздоръ, принялась за мороженое.

Николай Петровичъ разсѣянно молчалъ.

„Кончено... Я два раза упустилъ моментъ... Чертовски глупо,“ раздраженно думалъ онъ: „Но что это! Я точно упрекаю себя въ чемъ-то!... Развѣ я дѣйствительно собирался... Да нѣтъ же... Нѣтъ. Я просто играю этою мыслью, привязавшейся ко мнѣ. И не мудрено, что играю... Съ этими деньгами моя жизнь могла бы совершенно измѣнить свое теченіе. Сколько новыхъ возможностей открыли бы мнѣ эти двѣ тысячи долларовъ, которые исчезнутъ завтра въ кассѣ моднаго магазина... Въ общемъ — отдавать ихъ Моникѣ, — это просто идиотская сентиментальность! Но теперь нѣтъ уже другого выхода. Если бы я ушелъ сейчасъ отсюда, эта глупая дѣвченка подняла бы крикъ. Да и вообще это не такъ просто... Даже, не зная моего имени, она, съ помощью полиціи легко сможетъ разыскать меня... Хорошо, что я не убѣжалъ изъ кинематографа. Это было бы большимъ легкомысліемъ. Чтобы завладѣть деньгами теперь, нужно было бы...“ морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ, сердце его забилося такъ, что ему чуть не сдѣлалось дурно.

„Да что, я съ ума схожу, что ли?“ воскликнулъ

онъ про себя, съ холоднымъ ужасомъ смутно чувствуя, что, гдѣ-то въ подсознаніи, преслѣдующая его мысль дозрѣвала до замысла и, ослабивъ волю, неудержимо толкаетъ его къ преступленію. Онъ понялъ, что совершить его. Невѣроятной казалась ему только минута исполненія.

— О, милый, дайте мнѣ папироску и огня, — заглянула ему въ глаза Моника.

Онъ сталъ по всѣмъ карманамъ искать зажигалку; рука его случайно нащупала револьверъ.

„Предназначеніе?“ промелькнуло у него въ головѣ. Ему стало страшно. Онъ почувствовалъ, что его воля не имѣетъ больше власти надъ нимъ. Наливъ стаканъ ледяной воды, онъ жадно выпилъ ее.

Его неразговорчивость стала удивлять Моника. Придвинувшись къ нему поближе, она продѣла руку подъ его локоть.

— Милый, мнѣ кажется, что вы ни чуточки не влюблены въ меня. Вы даже никогда не попробовали меня поцѣловать.

— Я не цѣлуюсь при публикѣ, — съ усиліемъ усмѣхнулся онъ.

— Здѣсь темно... Впрочемъ, я знаю одно мѣстечко, которое называется „Гротомъ поцѣлуевъ“. Это недалеко отсюда; за скверомъ и за пустыремъ, подъ мостомъ высохшаго канала.

„Предназначеніе?“ опять подумалъ Николай Петровичъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Откуда же вамъ знакомы такія мѣста, Мо-

ника? Это подозрительно... — пошутить онъ разомъ охрипшимъ голосомъ.

— Я часто гуляю тамъ съ подругой. Тамъ никогда нѣтъ ни души. Только надъ головою подъ мостомъ грохочутъ автомобили и омнибусы. Это очень жутко. Точно громъ гремитъ. Хотите, пойдемте туда. Вамъ не страшно? — лукаво разсмѣялась она.

Не отвѣчая ей и не глядя на нее, Николай Петровичъ всталъ и испугался неожиданной слабости своихъ ногъ и рукъ. Онъ чувствовалъ себя обреченнымъ на что-то страшное, на что-то неотвратимое. Ни одной ясной мысли не было въ его головѣ. Онъ какъ сквозь сонъ слышалъ неумолчную болтовню льнувшей къ нему Моники. Недлинный путь, ведущій мимо пустыря, обнесеннаго лѣсами, показался ему безконечнымъ. Когда они дошли до слабо освѣщенной платановой аллеи, бѣгущей вдоль вымощеннаго асфальтомъ широкаго и глубокаго, почти иссохшаго канала, надъ которымъ былъ переброшенъ чугунный мостъ, силы начали оставлять его.

— Вотъ здѣсь есть узенькая лѣстница, по которой легко сойти внизъ. Идите за мною, — таинственно шепнула ему Моника, осторожно спускаясь по узкимъ ступенямъ.

Крѣпко держась за чугунный пруть, замѣняющій перила, Николай Петровичъ, тяжело ступая, послѣдовалъ за нею.

„Этого не будетъ... не можетъ быть...“ смутно билась въ его мозгу обезумѣвшая мысль.

— Вотъ мы и въ „Гротъ поцѣлуевъ“, — томно

проговорила Моника, когда они очутились подъ мостомъ. Она положила руки на плечи Николая Петровича. — Скажите, милый, почему мужчины всегда замолкаютъ и такъ тяжело дышать передъ тѣмъ, какъ начать цѣловать? — вырвался у нея нервный смѣшокъ.

Надъ ихъ головами прогремѣлъ автомобиль.

„Теперь...“ пронеслось въ головѣ Николая Петровича. Рука его опустилась въ карманъ, захватила револьверъ... Но автомобиль уже промчался и на мгновеніе наступила тишина. Вдругъ совсѣмъ близко раздался сигналъ омнибуса. Николай Петровичъ безсознательно, точно по инерціи принятаго раньше рѣшенія, выхватилъ револьверъ изъ кармана, отскочилъ отъ Моника и надавилъ курокъ. Осѣчка. Онъ надавилъ еще разъ. Грянулъ выстрѣлъ. Не вскрикнувъ даже, Моника упала куда-то въ темноту.

Бросивъ револьверъ на землю, Николай Петровичъ пустился бѣжать по каналу. Вскорѣ ноги его стали подкашиваться.

„Куда я?“ спросилъ онъ себя, какъ въ страшномъ снѣ. „Если меня увидятъ здѣсь, меня схватятъ. Кто бѣгаетъ ночью по каналамъ? Надо идти медленно и поскорѣе выбраться отсюда. Но какъ? Не видно ни одной лѣстницы. Ту я пробѣжалъ. Вернуться къ ней назадъ? Ни за что...“

Страшная слабость охватила Николая Петровича. Онъ весь былъ покрытъ холоднымъ потомъ.

Ему казалось, что у него отнялись и распались всё мускулы, что его тѣло мѣшокъ съ костями.

Какъ разъ надъ нимъ въ аллеѣ раздалися мужскіе голоса. Онъ прижался къ темной стѣнѣ канала и замеръ въ безграничномъ ужасѣ. Голоса умолкли, но Николай Петровичъ не уловилъ звука удаляющихся шаговъ и ему казалось, что его кто-то выслѣживаетъ наверху. Онъ боялся пошевелинуться. Боялся дышать. Мука этихъ короткихъ минутъ была такъ велика, что ему захотѣлось крикнуть, выдать себя, чтобы только положить конецъ душившему его безумному страху. Отдѣлившись отъ стѣны, онъ попробовалъ сдѣлать нѣсколько шаговъ и не смогъ: ноги отказывались служить ему, сердце билось, готовое разорваться. Онъ подползъ къ ручью, узкою косичкою бѣгущему посреди асфальтоваго дна канала, опустил въ воду носовой платокъ и нѣсколько разъ обтеръ имъ лицо и руки; намочилъ виски. Это освѣжило его. Вернувшись къ стѣнѣ, онъ внимательно осмотрѣлъ ее, надѣясь найти возможность подняться по ней на дорогу, но она была такъ отвѣсна и гладка, что это оказалось невыполнимымъ.

Николай Петровичъ чувствовалъ себя пойманнымъ въ каналѣ, какъ въ ловушкѣ. Страхъ гналъ его все дальше и дальше. Наконецъ, за полукруглымъ поворотомъ, показался второй, сильно освѣщенный канделябрами, мостъ.

„Тамъ навѣрно есть лѣстница,“ вспыхнула надежда въ сердцѣ Николая Петровича: „Только бы

удалось мнѣ подняться по ней, не возбуждая вниманія прохожихъ.“

У самого моста дѣйствительно прилѣпилась узкая чугунная лѣстница безъ перилъ. Добравшись до нея на мягкихъ ногахъ, Николай Петровичъ, собравъ всѣ свои силы, медленно поднялся по ея узкимъ ступенямъ и чуть не лишился чувствъ, очутившись подъ яркимъ свѣтомъ канделябръ, среди снующихъ вокругъ него людей. Какъ разъ передъ нимъ остановился омнибусъ. Онъ бросился въ него, шатаясь дошелъ до первого свободнаго мѣста и въ изнеможеніи опустился на мягкое сидѣніе. Никто не обратилъ вниманія на его блѣдность, на его трясущіяся руки, но ему казалось, что всѣ взгляды устремлены на него, и онъ чуть не вскрикнулъ, когда кондукторъ, подойдя къ нему, протянулъ къ нему руку съ билетомъ.

Однако быстрота ѣзды, шумъ и яркій свѣтъ улицъ успокоительно дѣйствовали на него. Онъ постепенно сталъ приходить въ себя, и, все только что происшедшее съ нимъ, стало отходить отъ него все дальше и дальше, становилось все невѣроятнѣе и подъ конецъ начало казаться ему точно приснившимся.

Онъ нѣсколько разъ доѣзжалъ до послѣдней остановки, пересаживался въ другой омнибусъ и проколесилъ такъ полночи.

Вернувшись домой, онъ неслышно прошелъ въ столовую, гдѣ спалъ, заперъ за собою дверь на ключъ, раздѣлся, вытащилъ изъ-подъ дивана свой мѣшокъ-

кровать, привычными движеніями покрылъ его хранившимся въ буфетѣ бѣльемъ, потушилъ свѣтъ, въ изнеможеніи растянулся и обезсиленный, измученный мгновенно заснулъ; какъ камень пошелъ ко дну, но не надолго. Часа три спустя, онъ какъ-то сразу очнулся и съ какою-то особенною, острою яркостью мысли вспомнилъ все.

„Что за навожденіе нашло на меня? Какъ я могъ?“ съ отчаяніемъ думалъ онъ, забившись лицомъ въ подушку: „Я убилъ эту дѣвочку? Я убилъ ее съ цѣлю грабежа? Нѣтъ... я не чувствую себя убійцей... Я не убилъ... Я только выстрѣлилъ въ темноту... вотъ и все... Я не слышалъ предсмертнаго крика... Не видѣлъ ни искаженного предсмертнымъ страхомъ лица... ни крови... Крови?“ Страшная мысль подняла его съ постели. Онъ зажегъ люстру, бросился къ своему костюму и лихорадочно сталъ осматривать его: „Нѣтъ никакихъ слѣдовъ... Ни одного пятна...“

Николай Петровичъ облегченно вздохнулъ. Сѣвъ на диванъ, онъ нерѣшительно ощупалъ заколотый Моникой карманъ; въ немъ хрустнулъ конвертъ съ деньгами. Онъ вынулъ, пересчиталъ ихъ: двѣ тысячи триста долларовъ.

„Что мнѣ дѣлать съ ними?“ растерянно подумалъ Николай Петровичъ: „Сжечь бы ихъ, чтобы одновременно съ ними отдѣлаться отъ ужаснаго кошмара... Но тогда придется остаться въ Нью-Йоркѣ... Жить, какъ прежде, а это теперь невозможно... Здѣсь я или самъ выдамъ себя, или сойду

съ ума. Надо бѣжать. Ни одинъ слѣдъ не ведетъ ко мнѣ... Никто никогда не узнаетъ,.. Только, какъ вырваться отсюда, не возбуждая удивленія мамы и всѣхъ живущихъ въ домѣ...”

Николай Петровичъ опять легъ на свой мѣшокъ, но заснуть больше не могъ. Подъ утро планъ его былъ готовъ, и когда въ шесть часовъ, какъ обычно, пришла будить его Марія Михайловна, ему удалось ничѣмъ не выдать ей своего волненія.

— У меня для тебя новость, — какъ всегда сдержанно, сказалъ онъ, завязывая галстукъ передъ зеркаломъ. — Я познакомился съ однимъ русскимъ, очень богатымъ господиномъ. У него плантаціи въ Калифорніи. Я почему-то понравился ему и онъ беретъ меня своимъ секретаремъ. Сначала только на пробу. Это очень симпатичный старикъ, но у него есть одна странность, — онъ ищетъ секретаря совершенно одинокаго. Я долженъ былъ умолчать о тебѣ, пока. Потомъ, навѣрно, все уладится. Однако первыя недѣли намъ нельзя будетъ писать другъ другу. Съ этимъ надо примириться. Мой новый шефъ далъ мнѣ авансъ. Вотъ... триста долларовъ я оставляю тебѣ.

— Силы небесныя! Котикъ! Такія деньги онъ тебѣ далъ, да такъ сразу? Ни за что, ни про что? — изумилась Марія Михайловна.

— Я сказалъ ему, что не могу уѣхать съ нимъ не уплативъ долговъ. Къ тому же онъ требуетъ, чтобы я прилично одѣлся.

— Боже мой! Котикъ, вотъ и намъ улыбнулось

счастье! — Слезы радости хлынули изъ глазъ Маріи Михайловны. Она торопливо стала утирать ихъ рукавомъ халата.

Острая жалость къ матери въ первый разъ въ жизни шевельнулась въ сердцѣ Николая Петровича, но онъ тотчасъ же подавилъ ее въ себѣ.

— Не будемъ заглядывать впередъ, но будемъ надѣяться на удачу, — спокойно прозвучалъ его голосъ. — Я уѣзжаю уже сегодня утромъ. Мнѣ нужно еще многое купить. Тебѣ придется пойти въ переплетную мастерскую и сказать, что я нашелъ болѣе выгодное мѣсто. Ну, прощай, мама. Будь здорова...

— Котикъ, а какъ фамилія этого русскаго? Ты мнѣ его адресъ-то все-таки, на всякій случай, дай.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты можешь соблазниться и написать. Это все испортить. Ты должна запастись терпѣніемъ на нѣсколько недѣль. Можетъ быть я напишу тебѣ и раньше. Ну, до свиданія.

Марія Михайловна обняла его и стала быстро крестить. — Ну, храни тебя Господь, мой Котикъ! Не сдѣлать ли мнѣ тебѣ въ дорогу буттербродовъ? Не надо? Ну, не сердись...

— Спасибо тебѣ за все, мама, — неожиданно вырвалось у Николая Петровича. Онъ приникъ губами къ рукѣ матери, схватилъ шляпу со стола и поспѣшно вышелъ изъ квартиры, безшумно затворивъ за собою дверь.

Марія Михайловна какъ-то безпомощно всхлип-

нула и плача опустилась на диванъ. Непривычная ласка сына точно душу перевернула въ ней.

Николай Петровичъ уже нѣсколько недѣль жилъ въ Мiами. Онъ пріѣхалъ сюда почти безсознательно, какъ бы подъ самогипнозомъ выполняя принятое въ ночь убійства рѣшеніе и выполнивъ его окончательно погрузился въ состояніе тяжелаго сна, наяву охватившее его послѣ преступленія. Онъ сознавалъ, что не спитъ, но жизнь потеряла для него всякую реальность: въ ней не было для него больше ни работы, ни заботъ, ни радостей, ни горестей. Она точно угасла вокругъ него и онъ жилъ внѣ времени и пространства, весь погруженный въ свой внутренний міръ, весь поглощенный своими страшными мыслями. Въ душѣ его царилъ хаосъ; все поднялось, все смѣшалось въ ней, и онъ, не привыкшій углубляться въ себя и размышлять, съ ужасомъ стремился разобраться въ себѣ, стремился постигнуть себя до самой глубины своего существа.

„Я убилъ, но я знаю, что я не убійца, не преступникъ,“ думалъ онъ, какъ-то лежа на пляжѣ подъ палящимъ солнцемъ: „Я убилъ съ предвзятымъ намѣреніемъ, и все-таки совершенно неожиданно для себя, дѣйствуя подъ навожденіемъ, — начавшимся въ кинематографѣ, то-есть, подъ аффектомъ... Почему законъ признаетъ „смягчающимъ обстоятельствомъ“ только мгновенный аффектъ, только мгновенное умственное затменіе? Аффектъ можетъ быть про-

должительнымъ, какъ долгая болѣзнь. Судя по тому, что я пережилъ, онъ начинается въ ту минуту, когда зарождается въ душѣ то, что называется предвзятимъ намѣреніемъ совершить преступленіе. Да, съ этой минуты начинается душевная болѣзнь „преступника“. Въ жизни каждого человѣка навѣрно бываетъ періодъ, когда онъ играетъ какою-нибудь преступной мыслью, или, вѣрнѣе, когда преступная мысль играетъ имъ... Къ счастью стеченіе обстоятельствъ не всегда способствуетъ выполненію преступнаго замысла и находящіеся подъ наводненіемъ люди выздоравливаютъ, возвращаются къ своему нормальному состоянію. Со мною судьба поступила жестоко: она вложила мнѣ револьверъ въ руки, доллары въ карманъ... Несмотря на это, не случилось бы несчастья, если бы Моника не завлекла меня подъ этотъ проклятый мостъ... Самое страшное во мнѣ это то, что я не чувствую себя преступнымъ, виновнымъ, раскаивающимся... Я называю себя преступникомъ, но это слово не вызываетъ во мнѣ ничего. Я только полонъ какимъ-то безконечнымъ недоумѣніемъ. Отъ убійства у меня осталось въ памяти только движеніе моего пальца, нажавшаго курокъ... потому что этотъ сумасшедшій страхъ. Но онъ былъ менѣе ужасенъ застывшаго ужаса, въ которомъ я живу теперь... Въ немъ было что-то живое, связанное съ міромъ и людьми... Это мое мертвое одиночество, эта замкнутость въ самомъ себѣ — самая невыносимая пытка...”

Николай Петрович невольно застоналъ. Пальцы его судорожно погрузились въ горячій песокъ.

— Вы нездоровы? — раздался возлѣ него нѣжный голосъ и узкая, загорѣвшая рука легла на его руку.

Онъ вздрогнулъ весь. На пескѣ, около него, лежала тоненькая рыжая женщина въ черномъ трико. Она была не первой молодости, но очень привлекательная и вся такъ и свѣтилась жизнерадостной улыбкой.

— Я испугала васъ, — вкрадчиво прозвучалъ ея красивый грудной голосъ. — Простите. Но я такъ давно мечтаю познакомиться съ вами. Вы всегда такъ одиноки, такъ печальны. Все Міами заинтересовано вами. Говорятъ, что вы русскій великій князь. Это правда?

Ея большіе круглые глаза, ея маленькій круглый ротъ выражали такое жгучее любопытство, что Николай Петровичъ невольно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, неправда, — отвѣтилъ онъ ей въ тонъ, довольный тѣмъ, что чувствуетъ вблизи живое существо, слышитъ обращенный къ нему привѣтливый голосъ.

— Вы не хотите довѣриться мнѣ, — огорчилась она. — Я знаю, вы здѣсь инкогнито. Повѣрьте, я никому не выдамъ вашей тайны. Я бы только хотѣла узнать, какъ васъ зовутъ. Я слышала, что всѣхъ великихъ князей зовутъ Николаевичъ, или Павловичъ? Это правда?

— Нѣтъ и это неправда.

— Почему вы всегда так задумчивы? Так одиноки? Вы тоскуете по вашей родинѣ? По вашимъ степямъ? По вашему дворцу?

— Да, особенно по дворцу, — съ ироніей уронилъ Николай Петровичъ.

— Вы улыбаетесь? Къ вамъ удивительно идетъ улыбка! — воскликнула Коринна. — Вы курите? — протянула она ему золотой портсигаръ.

Онъ закурилъ и щурясь отъ дыма сталъ любоваться ею:

„Она очаровательна,“ подумалъ онъ: „Точно вся выточена изъ слоновой кости и отлично сложена: полная грудь, гибкій станъ, изящные бока. Хоть-бы мнѣ увлечься ею. Забыться... ахъ забыться...“

Ему вдругъ захотѣлось ласки человѣческаго тепла

— Меня зовутъ Коринна Свифдъ, — представилась ему молодая женщина, пудря свой вздернутый носикъ. — У меня здѣсь свой бунгалоуъ. Я вдова и совершенно свободна. Будемъ друзьями? Хотите? — протянула она ему свою тонкую руку, на которой сіяла огромная жемчужина.

Николай Петровичъ коснулся губами ея пальцевъ:

— Очень хочу, — отвѣтилъ онъ, лаская ее долгимъ взглядомъ.

— О, какъ мнѣ теперь будутъ завидовать всѣ мои подруги, — задорно разсмѣялась она. — Я сейчасъ-же беру васъ въ плѣнъ и везу къ себѣ завтракать. Идемте одѣваться...

Николай Петровичъ не протестовалъ. Внезапное вторженіе Коринны въ его жизнь отвлекло его отъ себя, сняло на время тяжелый камень съ его души.

Бунгалоу мистрисъ Свифдъ, весь прорѣзанный огромными зеркальными окнами, былъ похожъ на стеклянный фонарь. Въ комнатахъ было свѣтло, какъ подъ открытымъ небомъ. Повсюду висѣли и стояли переливающиеся тонами мыльныхъ пузырей стеклянные шары, вѣдутые изъ стекла звѣрьки. На нихъ, на металлической мебели, на золотыхъ клѣткахъ, въ которыхъ щебетали птицы, сверкали безчисленные солнечные блики. На длинныхъ подоконникахъ и на яркихъ этажеркахъ цвѣли кактен. Стѣны были расписаны радужными полосами. На блестящихъ паркетахъ лежали свѣтлые ковры.

— Ну, какъ вамъ нравится у меня? — спросила Николая Петровича Коринна, когда они послѣ завтрака перешли пить кофе на диванъ, стоящій въ углу столовой.

— У васъ очаровательно, — улыбнулся онъ, откидываясь на подушки. — Все въ вашей обстановкѣ такъ чуждо для меня, что я воображаю себя не на землѣ, а на какой-то другой планетѣ... Жаль, что это только иллюзія. Однако это множество свѣта ослѣпляетъ, утомляетъ меня...

— Тогда закройте глаза, — прошептала Коринна, придвигаясь къ нему.

Онъ послушно опустилъ рѣсницы и въ то-же мгновеніе обнаженные руки Коринны обвились во-

крутъ его шеи. Опыаненный близостью теплой, дышащей плоти, онъ, полный безумной жажды забвенія, не раскрывая глазъ, сжалъ ее въ тѣсномъ объятіи и, найдя губы, впился въ нихъ жаднымъ долгимъ поцѣлуемъ.

Весь этотъ день, весь вечеръ и ночь пролетѣли для Николая Петровича въ угарѣ внезапно вспыхнувшей страсти и только подъ утро, когда Коринна крѣпко заснула, утопая въ кружевахъ своей постели, онъ почувствовалъ, какъ отрезвленіе холодными клещами сдавило ему сердце. Онъ всталъ, безшумно одѣлся и вышелъ въ столовую. Она вся еще была полна сѣрыми предразсвѣтными сумерками. Чувство безнадежности тяжело легло на его грудь. Онъ придвинулъ кресло къ окну; устало опустил въ него и невидящими глазами сталъ смотрѣть вдаль, на вздувающійся у горизонта свинцовый океанъ.

„Какъ уйти отъ себя? Какъ забыть? Развѣ мыслимо такъ жить? — медленно складывались мысли въ его головѣ. — Не положить-ли всему этому конецъ пулей въ лобъ? Вѣдь жизнь сама по себѣ такъ безцѣнна. Она... только аппаратъ, создающій нравственныя цѣнности. Какая странная мысль! Раньше мнѣ никогда не приходили такія мысли... Теперь онѣ приходятъ часто и доставляютъ мнѣ радость. Да, какъ это ни странно звучитъ изъ мрака моего отчаянія, радость! Во мнѣ развернулась глупина, въ которую мнѣ страшно заглянуть... Мнѣ чудятся новыя дали... А вмѣстѣ съ тѣмъ моя жизнь разбита, уничтожена одной этой минутой умствен-

наго затменія подъ мостомъ. Страшно преступленіе, но еще страшнѣе то, что оно дѣлаетъ изъ человѣка. Я никогда не переболѣю, не забуду... Меня задушить моя тайна. Мнѣ не угрожаетъ ни разоблаченіе, ни наказаніе. Никто не узнаетъ никогда... Но можетъ быть это-то и есть самое ужасное. Вѣдь всякій поступокъ имѣетъ логическія послѣдствія... Долженъ ихъ имѣть... Они вплетаются въ сѣть жизни и связываютъ прошлое съ настоящимъ и будущимъ. Поступокъ безъ послѣдствій, — это, какъ человѣкъ безъ тѣни. Я совершилъ поступокъ безнравственный, безумный и скрылъ его концы въ воду. Этимъ я оборвалъ цѣпь причинъ и слѣдствій, составляющую мою жизнь. Я живу теперь внѣ моей жизни... Да, я только зритель моей жизни и все-же, несмотря ни на что, я хочу жить. Но что можетъ теперь вернуть мнѣ мое утраченное мѣсто въ жизни? Наказаніе? Нѣтъ, только покаяніе. Только гласное обсужденіе преступленія и его гласное оправданіе... Надо, чтобы мнѣ сказали, что въ минуту убійства я былъ невмѣняемъ... Однако, этого не скажетъ никто... Никто не повѣритъ, что я убилъ неожиданно для себя. Ахъ, если-бы зналъ я хоть одного человѣка, которому я могъ-бы довѣриться, съ которымъ могъ-бы громко говорить о моемъ убійствѣ. Теперь я понимаю великій смыслъ исповѣди и отпущенія грѣховъ. Но священникъ, которому я могъ-бы довѣриться, долженъ былъ-бы быть сверхчеловѣкомъ, или просто человѣкомъ..."

Николай Петровичъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Его

колотило, какъ въ ознобѣ. Ему хотѣлось забиться въ какой-нибудь темный уголь. Не видѣть ничего, не думать...

— Куда-же вы исчезли, мой принцъ? — театральнымъ тономъ воскликнула появившаяся на порогѣ спальни Коринна.

Николай Петровичъ устался на нее длиннымъ, непонимающимъ взглядомъ, потомъ съ ужасомъ устался на ея сине-бѣлую полосатую пиджаму:

„Такъ одѣваютъ гвіанскихъ каторжниковъ, людей, какъ я, совершившихъ преступленіе. Зачѣмъ ихъ одѣваютъ такъ нелѣпо, такъ шутовски... Зачѣмъ дѣлаютъ изъ нихъ скомороховъ?“ подумалъ онъ, невольно проводя руками по своему тѣлу, какъ-бы для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что на немъ еще нѣтъ полосатаго халата, что на немъ все еще его новый, свѣтло-сѣрый костюмъ.

Почти безумное выраженіе его лица такъ испугало Коринну, что она бросилась къ нему:

— Что съ вами, мой бѣдный мальчикъ? У васъ большое горе? Не скрывайте его отъ меня.

Онъ рѣзко отстранилъ ее отъ себя:

— Нѣтъ, у меня нѣтъ горя... Я только боленъ. Я хочу вернуться къ себѣ въ гостиницу.

— И не думайте объ этомъ. Я пошлю за вашими вещами, устрою васъ у себя и буду ходить за вами. Вы стали мнѣ такъ дороги.

— Нѣтъ, я не могу остаться. Я хочу на воздухъ, я задыхаюсь здѣсь... — Николай Петровичъ

вскочилъ на ноги, но покачнулся и, упавъ въ кресло, глухо зарыдалъ.

— Бѣдный, бѣдный, мой мальчикъ, — поблѣвшими губами шептала Коринна, проводя рукою по его волосамъ. — Я никогда не оставлю васъ больше. Буду ходить за вами и ни о чемъ не буду спрашивать васъ.

II

Послѣ отъѣзда сына, Марія Михайловна мѣста не находила себѣ отъ внутренняго безпокойства. Первыя недѣли она, подготовленная къ молчанію Николая Петровича, не тревожилась, не получая отъ него писемъ, но когда прошло больше мѣсяца безъ извѣстій отъ него, положительно заболѣла отъ огорченія и стала проклинать себя за то, что отпустила его съ какимъ-то неизвѣстнымъ въ Калифорнію.

„Богъ его знаетъ, кто онъ, этотъ русскій,“ думала она: „выдаетъ себя за богача и плантатора, а въ дѣйствительности онъ можетъ быть самый ужасный злодѣй. Теперь всѣ газеты полны преступленіями. То и дѣло читаешь: молодого человѣка заманили, убили... Котикъ молодъ, легковѣренъ, долго ли его обойти? Вѣдь кому нужно обмануть, завлечь, ужъ тотъ сумѣетъ прикинуться безобиднымъ и симпатичнымъ. Ахъ, зачѣмъ мнѣ это не пришло въ голову раньше? Зачѣмъ я не предупредила Котика? Вотъ я заднимъ-то умомъ крѣпка. Да только развѣ Котикъ повѣрилъ-бы мнѣ? Послушался-бы меня?“

Марія Михайловна часами обсуждала сама съ собою этотъ вопросъ. Мысли ея часто искали сына

вдалекѣ и находили его то среди фруктовыхъ садовъ съ плодами феноменальныхъ размѣровъ, какъ тѣ, которые рисуются на банкахъ калифорнійскихъ компотовъ, то среди безкрайныхъ полей диковинныхъ сверхъ-цвѣтовъ Бурбенкса. Впрочемъ, эти мирныя картины часто смѣнялись страшными видѣніями, созданными ея возбужденнымъ воображеніемъ, и она съ трудомъ сдерживала желаніе пойти въ полицію и заявить тамъ о пропажѣ Николая Петровича.

„Боже мой! Его можетъ быть тамъ мучать, истязаютъ, а я сижу здѣсь дура-дурой, жду письма и ничего не предпринимаю,“ думала она, засыпая въ слезахъ.

Какъ-то вечеромъ ее охватила такая тоска по сыну, что захотѣлось прикоснуться хоть къ его вещамъ. Она достала изъ шкапа его альбомы, сѣла подъ лампу, какъ это дѣлалъ онъ, и стала разсматривать воспроизведеніе картинъ умбрійской школы. Однако, это очень скоро утомило ее и она, перевернувъ нѣсколько страницъ, закрыла тетрадь.

— Можно мнѣ взглянуть на ваши картинки? — спросила ее мистрисъ Смисъ, штопавшая чулки на другомъ концѣ стола.

— Пожалуйста, — неохотно отвѣтила Марія Михайловна, — но потомъ заприте альбомы въ шкапъ. Я устала. Пойду спать. Спокойной ночи.

Мистрисъ Смисъ аккуратно сложила работу въ корзину, закурила папиросу и, сѣвъ на мѣсто Маріи Михайловны, въ свою очередь стала просматривать альбомъ умбрійской школы. Подойдя къ концу, она

нашла между двумя послѣдними страницами небольшую фотографію хорошенькой брюнетки съ мушкой на щекѣ.

„Вотъ какова подруга мистера Носкова,“ подумала она, съ любопытствомъ разсматривая фотографію своими близорукими глазами: „Однако, какъ мнѣ знакомо это лицо. Я уже гдѣ-то видѣла этотъ снимокъ... Знаю навѣрно, что видѣла, но гдѣ?“

Мистрисъ Смисъ напряженно думала нѣсколько минутъ и вдругъ, сорвавшись съ мѣста, бросилась въ корридоръ, къ корзинѣ, въ которой хранились старыя газеты, и стала нетерпѣливо перебирать запыленные номера.

— Ахъ вотъ, — сорвалось съ ея губъ, когда въ рукахъ ея очутился листокъ желтой прессы съ сенсационнымъ заголовкомъ: „Преступленіе подъ мостомъ. Кто убилъ?“ и съ овальнымъ портретомъ убитой дѣвушки. Мистрисъ Смисъ сличила его съ фотографіей, найденной въ альбомѣ. Это было одно и то-же лицо.. Она долго стояла, какъ громомъ пораженная, потомъ вернулась въ столовую, надѣла вторыя очки и стала внимательно читать желтый листокъ.

„Убийство было совершено двадцатаго мая... А когда уѣхалъ мистеръ Носковъ?“ соображала она: „Онъ уѣхалъ въ день рожденія Долли, значитъ двадцать перваго мая утромъ. Уѣхалъ съ бумажникомъ, полнымъ денегъ, и оставивъ матери триста долларовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это онъ ограбилъ дѣвушку и бѣжалъ... За нахожденіе преступника назна-

чено вознагражденіе въ пять тысячъ долларовъ... Цѣ-
лое состояніе... Какъ мнѣ повезло... Вотъ удивится
и позавидуетъ мнѣ Долли, когда узнаетъ. Но кто-бы
могъ подумать, что мистеръ Носковъ, такой изящ-
ный и строгій молодой человѣкъ съ такими прекрас-
ными манерами окажется преступникомъ, убійцей,
грабителемъ! Какъ-же мнѣ теперь поступить?
Пойду прямо въ полицію. Нельзя терять ни ми-
нуты.“

Она торопливо стала одѣваться.

— Мистрисъ Смисъ, вы заперли альбомы? — раз-
дался издали голосъ Маріи Михайловны.

Американка вздрогнула отъ испуга съ ногъ до го-
ловы. Она совсѣмъ забыла о своей жилищѣ. Вне-
запно, что-то похожее на человѣческое чувство ше-
вельнулось въ ней. Ей стало жаль эту безобидную,
кроткую мистрисъ Носкову, такъ жаль, что даже
слезы появились у нея на глазахъ, однако, ничто на
свѣтѣ не заставило бы ее отказаться отъ ожидаю-
щихъ ее пяти тысячъ долларовъ. Она подошла къ
двери комнаты, въ которой лежала Марія Михай-
ловна:

— Спите, спите... Все въ порядкѣ, — сказала
она ей дрожащимъ голосомъ. — Желаю вамъ спокой-
ной ночи... И вотъ еще... Что бы ни случилось...
вѣрьте въ мою симпатію къ вамъ. — Послѣ этихъ
многозначительныхъ словъ мистрисъ Смисъ стреми-
тельно удалилась и захлопнула за собою входную
дверь

„Что это съ нею?“ удивилась Марія Михайловна: „когда она успѣла такъ напиться и куда такъ поздно ушла? Наказаніе съ нею! Какъ только все выяснится съ Котикомъ, буду искать себѣ новый уголь.“

III

Коринна сидѣла въ легкомъ бѣломъ платьѣ, между затянутымъ шелковой занавѣской высокимъ окномъ и круглымъ столомъ, накрытомъ для утренняго чая. Она только что допила свою чашку. Чашка Николая Петровича, какъ всегда, стояла нетронутой.

Онъ самъ небритый, въ измятой пиджамѣ лежалъ на широкой отоманкѣ лицомъ внизъ. Такъ онъ могъ лежать часами, и Коринна больше не пыталась вырывать его изъ этого оцѣпенѣнія, такъ какъ это вызывало въ немъ порывы ярости. Къ тому-же, придя въ себя, онъ одѣвался и уходилъ бродить у океана. Часто онъ возвращался только ночью и молодая женщина дрожала отъ страха, боясь, что онъ покончитъ съ собою или не вернется къ ней. Она полюбила этого страннаго, вынашивающаго въ себѣ какое-то непосильное горе человѣка съ глубокимъ самоотверженіемъ послѣдней страсти. Всѣ ея чувства, всѣ ея мысли ушли въ него, и ей казалось невѣроятнымъ, что еще такъ недавно его не было въ ея жизни. Она съ материнскимъ терпѣніемъ ухаживала за нимъ, цѣлыми днями сидѣла съ нимъ, какъ сидѣлка съ тяжело

большимъ. Николай Петровичъ рѣдко замѣчалъ ее, но бывали минуты, когда, точно изнемогая отъ душевнаго одиночества, онъ горячо прижималъ ее къ себѣ, точно искалъ у нея защиты. Тогда она чувствовала всю силу его страха, который передавался ей. Это были жуткіе часы...

Николай Петровичъ перемѣнилъ положеніе на отоманкѣ и тихонько застоналъ. Коринна подошла къ нему съ чашкою въ рукѣ.

— Выпейте нѣсколько глотковъ, мой мальчикъ. Скорѣе... Скорѣе... мнѣ трудно такъ стоять, — торопливо проговорила она, сдѣлавъ наблюденіе, что торопливость тона внушающе дѣйствовала на него.

Дѣйствительно, онъ поднесъ чашку къ губамъ и выпилъ ее не для того, чтобы выпить, а для того, чтобы выполнить то, что надо сдѣлать очень быстро, не обсуждая и не откладывая. Сдѣлавъ это усиліе надъ собою, онъ снова упалъ лицомъ въ подушки.

Коринна вернулась въ свое кресло и долго сидѣла въ немъ, блѣдная и потерянная.

Въ саду раздался хрустъ гравія подъ тяжелыми шагами.

„Почта,“ подумала молодая женщина и, приподнявъ кусочекъ занавѣски, взглянула въ окно.

Пальмы... солнце... Вдали сверкающій безкрайній водяной просторъ.

„Какъ хорошо было-бы теперь на пляжѣ. Какъ хочется радости... Яркаго счастья...“ подумала Коринна. „Неужели я еще надолго заключена въ эту

тихую, полутемную комнату, въ которую никогда больше не проникаетъ солнце?.. Неужели мой бѣдный мальчикъ никогда не излѣчится отъ своей тайной муки?“

Дверь безшумно растворилась. Осторожно ступая по ковро, вошла молоденькая горничная и, поставивъ на столъ передъ Коринной серебряный подносъ, на которомъ лежали письма и газеты, молча удалась.

Молодая женщина сорвала бандероль съ новаго моднаго журнала и долго разсматривала его, потомъ развернула газету: „Преступленіе подъ мостомъ раскрыто. Найдень убійца Моники Динтонъ, — русскій эмигрантъ Николай Носковъ,“ упаль ея взглядъ на крупный заголовокъ. Она вздрогнула вся, какъ отъ прикосновенія электрическаго тока, попробовала перечесть поразившія ее слова, но буквы разползались подъ ея взволнованными глазами. Слѣва отъ статьи былъ напечатанъ мужской портретъ. Коринна невольнымъ движеніемъ закрыла его рукою, боясь узнать въ немъ любимыя черты... Она была такъ сражена внезапно раскрывшейся передъ нею страшной тайной, что на время утратила способность думать и разсуждать.

Въ саду раздался сигналъ подъѣхавшаго къ бунгалову автомобиля. Невѣроятный ужасъ поднялъ Коринну на ноги. Она была увѣрена, что пріѣхали арестовать Николая Петровича. Скрыть, спасти его было ея первой мыслью. Но какъ? Спрятать его было невозможно... Бѣжать невысмыслимо...

Въ комнату заглянула та-же молоденькая горничная:

— Мистеръ Дорнъ, — прошептала она, вопросительно глядя на свою госпожу.

Та облегченно вздохнула и послѣдовала за нею въ переднюю.

— Хэлло, Джонни, — протянула она руку высокому молодому человѣку въ свѣтломъ спортивномъ костюмѣ. — Какими судьбами вы здѣсь?

Онъ крѣпко сжалъ ея пальцы:

— Хэлло, Коринна! Я не умѣю лгать. Я просто стосковался по васъ и прилетѣлъ изъ Нью-Йорка на своей новой машинѣ, чтобы взглянуть на васъ.

Она увлекла его въ сосѣднюю небольшую комнату, въ которой стояли шкапы съ ея платьями.

— Джонни, — негромко проговорила она, — сама судьба посылаетъ васъ ко мнѣ... Дѣло въ томъ, что у меня здѣсь лежитъ тяжело больной. Его необходимо отвезти въ больницу въ Тампу. Но тамъ его не примутъ безъ удостовѣренія личности, а у него украли бумаги. Позвольте ему воспользоваться вашимъ паспортомъ на нѣсколько дней. Онъ вашего роста, вашихъ лѣтъ, говоритъ по англійски, какъ американецъ. Прошу васъ, сдѣлайте это для меня.

— Съ удовольствіемъ, — поспѣшно доставая изъ бумажника документъ, отвѣтилъ Джонни. — Я живу здѣсь, у дяди и паспортъ не нуженъ мнѣ. Только дайте мнѣ слово, что этотъ таинственный больной не слишкомъ дорогъ вашему сердцу.

— Это женихъ одной подруги... Я расскажу

вамъ сегодня вечеромъ... Теперь, до свиданія, мой милый Джонни. Не теряя ни минуты, я отвезу больного въ больницу.

— All right, Коринна. Я, какъ всегда, вашъ вѣрный рабъ! Итакъ до вечера?

— Я жду васъ къ обѣду.

Зайдя въ спальню и захвативъ съ собою вещи Николая Петровича, Коринна поспѣшно вернулась въ гостиную. Она была полна рѣшимости, не теряя ни минуты, поднять его на ноги, вдохнуть въ него энергію, но увидѣвъ его все еще лежащимъ ничкомъ на подушкахъ, разомъ потеряла мужество. Сѣвъ на отоманку, она обвила его шею руками, прильнула щекой къ его волосамъ:

— Мой мальчикъ! Мой бѣдный! — горячо вырвалось у нея.

Что-то въ голосѣ ея заставило его насторожиться. Онъ приподнялся, отстранилъ ее отъ себя, тревожно заглянулъ ей въ лицо:

— Почему вы жалѣете меня? Почему вы такъ смотрите на меня? Что вы знаете обо мнѣ? — грубо спросилъ онъ.

— Я знаю все, — тихо отвѣтила она.

Онъ отбросилъ ее отъ себя, вскочилъ дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Что вы сказали? Повторите, что вы сказали. Хотѣлъ-бы я знать, кто изъ васъ потерялъ рассудокъ, вы, или я?

Коринна съ рѣшимостью отчаянія подошла къ нему:

— Все раскрылось. Ваши портреты въ газетахъ... Васъ ищутъ. Я раздобыла вамъ паспортъ моего друга, миллионера Джонни Дорна. Онъ не выдастъ васъ. Скорѣе одѣвайтесь. Я дамъ вамъ денегъ. Вы сможете бѣжать въ Европу, скрыться тамъ. Торопитесь. Вѣдь сюда каждую минуту должна явиться полиція, чтобы васъ арестовать.

— Это ложь. Это клевета... Никто не ищетъ меня, — окончательно потерявъ власть надъ собою, заметался онъ по комнатѣ.

— Умоляю васъ, не теряйте времени. Я слышу шаги въ саду, — задыхаясь прошептала Коринна.

Николай Петровичъ пошатнулся, схватился за сердце. Коринна бросилась къ окну.

— Нѣтъ... Это только садовникъ. Да одѣвайтесь-же...

Она раскрыла потайной ящикъ, скрытый въ стѣнѣ, достала изъ него деньги, вложила ихъ вмѣстѣ съ паспортомъ Джонни Дорнъ во внутренний карманъ жакета Николая Петровича. Тотъ не сопротивлялся больше. Онъ стоялъ передъ нею мертвенно-блѣдный, не поднимая глазъ, не разжимая челюстей.

— Коринна, что вы думаете обо мнѣ? — хрипло прозвучалъ его голосъ.

— Я люблю васъ и вѣрю, что вы, по какой-нибудь причинѣ, не могли поступить иначе, — горячо сказала она. — Но теперь торопитесь-же... Мы свидимся когда-нибудь... Я это знаю... Ахъ да, дайте мнѣ вашъ настоящий паспортъ... Я его сожгу....

— Коринна, вотъ адресъ моей матери. Ей нужна будетъ опора. — Онъ досталъ свою визитную карточку. — Вотъ, запомните улицу, номеръ и уничтожьте картонъ. Если васъ будутъ допрашивать, скажите правду; скажите, что вы не знали, кто я... а когда узнали, я внезапно исчезъ...

— Да... я найду что сказать... Идите-же наконецъ. Что за безуміе...

Николай Петровичъ взялъ ее руки, прижалъ ихъ къ своимъ губамъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Въ передней онъ на лету схватилъ свою шляпу, вышелъ на улицу и быстро зашагалъ по тротуару... Яркій свѣтъ невыносимо слѣпилъ его послѣ долгихъ дней, проведенныхъ въ полутемной комнатѣ... Полуденное солнце мучительно жгло. Мысли Николая Петровича путались, онъ еле держался на ногахъ. Если-бы въ эту минуту подошли арестовать его, онъ почувствовалъ-бы облегченіе.

„Куда-же мнѣ теперь?“ — хаотично неслись мысли въ его головѣ: „На вокзалъ невыносимо... Тамъ меня выслѣживаютъ. Лучше взять автомобиль и ѣхать хоть въ Пальмъ-Бичъ. Оттуда поѣздомъ въ Санктъ Аугустинъ. Тамъ сѣсть на пароходъ. Но вѣдь вездѣ ищутъ меня... Вездѣ могутъ узнать. Какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ преступники? Покупаютъ усы? Красятъ волосы? Костюмируются? Все это ужасно неловко и какъ-то пошло... А главное тщетно... Если меня ищутъ, меня и съ гримомъ узнаютъ и схватятъ. Но какъ

узнали? Что выдало меня? Надо купить газету. Опасно... Все равно..."

Нѣсколько минутъ спустя Николай Петровичъ съ пачкой газетъ сѣлъ въ автомобиль.

— Въ Пальмъ-Бичъ, — бросилъ онъ шофферу. Машина зарычала и двинулась.

— Остановитесь! Остановитесь! — закричала вдругъ, продающая въ газетномъ кіоскѣ, барышня. — Остановитесь...

— Дальше,,. Дальше, шофферъ... — потерявъ отъ страха разсудокъ высунулся Николай Петровичъ изъ автомобиля. — Вы слышите, что я вамъ говорю? Дальше... Дальше... Прибавьте ходу.

Но растерявшійся отъ всѣхъ этихъ криковъ шофферъ остановилъ моторъ. Отъ происшедшаго рѣзкаго толчка Николай Петровичъ упалъ на сидѣнье. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, глаза его съ ужасомъ уставились на подбѣжавшую къ лимузину продавщицу.

„Надо выскочить съ другой стороны и бѣжать,“ промелькнуло у него въ головѣ, но онъ не въ силахъ былъ двинуться...

— Вы забыли ваше портмоне, — любезно проговорила барышня протягивая ему забытый кошелекъ.

Онъ понялъ, поблагодарилъ. Шофферъ тронулъ.

„Такъ нельзя,“ подумалъ Николай Петровичъ, „Такъ я самъ привлеку къ себѣ вниманіе... Выдамъ

себя... Да все равно мнѣ не спастись... Однако, какъ узнали?“

Онъ развернулъ газету и весь внутренне вздрогнулъ увидѣвъ свой портретъ. Глаза его жадно пробѣжали статью:

„Портретъ Моники,“ промелькнуло у него въ головѣ... „Меня выдалъ портретъ Моники... Въ первый вечеръ знакомства она дала мнѣ свою карточку. Я сунулъ ее куда-то и совсѣмъ забылъ... Проклятіе...“

Остальныя газеты были быстро просмотрѣны. Во всѣхъ стояло то-же: найденная въ квартирѣ преступника фотографія Моники Динтонъ уличила его; полиція надѣется скоро напасть на его слѣдъ.“

Автомобиль остановился.

„Что дѣлать теперь съ газетами?“ — растерянно спросилъ себя Николай Петровичъ, — „Оставить ихъ здѣсь? Нѣтъ, шофферу это можетъ показаться страннымъ. Лучше взять ихъ съ собою, а потомъ бросить куда-нибудь...“

Онъ вышелъ изъ автомобиля, заплатилъ таксу, избѣгая смотрѣть на шоффера и, почему-то стараясь особенно медленно идти, перешелъ улицу. Передъ нимъ оказался оптическій магазинъ. Онъ вошелъ въ него, купилъ темныя очки и надѣвъ ихъ поспѣшно вышелъ на улицу. Ему показалось, что приказчикъ слишкомъ пристально смотритъ на него... Сначала очки успокаивающе дѣйствовали на Николая Петровича. Ему пріятно было, что верхняя

часть его лица ими закрыта, но вскорѣ ему стало казаться, что они привлекаютъ вниманіе прохожихъ. Онъ то снималъ, то снова надѣвалъ ихъ. Проходя мимо базара дешевыхъ вещей, онъ внезапно рѣшившись, купилъ себѣ темный костюмъ, парусиновые туфли и кепку. Платя у кассы, онъ поймалъ на себѣ подозрительный взглядъ хозяина магазина. Это наполнило его такимъ страхомъ, что выйдя изъ базара, онъ пустился бѣжать, дѣлая видъ, что догоняетъ трамвай. Однако силы скоро оставили его и онъ долженъ былъ сѣсть на одну изъ скамеекъ, разставленныхъ вдоль тротуара, окаймленного деревьями. Потъ градомъ катился съ его лица, пульсы его бѣшено бились, горло пересохло отъ жажды, но ему казалось ужъ невыносимымъ войти куда-нибудь: обратиться къ кому-нибудь съ рѣчью. Долго сидѣть на одномъ мѣстѣ ему казалось неосторожнымъ и, немного отдохнувъ, онъ поднялся со скамьи. Все еще не рѣшивъ, что дѣлать съ собою, онъ долго кружился по городу. Онъ шелъ не сознавая гдѣ идетъ, часто возвращался назадъ, потомъ шелъ дальше. Звукъ его шаговъ пугали его, онъ старался ступать неслышно. Ему казалось, что всѣ люди, приближающіеся къ нему, намѣренно направляются къ нему одному, чтобы схватить, арестовать его. Потъ градомъ катился съ его лица, колѣни подгибались и все-же онъ продолжалъ идти дальше, все дальше, какъ заблудившійся, какъ слѣпой. Послѣ нѣсколькихъ часовъ скитаній онъ очутился въ одинокой рощѣ широколистныхъ пальмъ. Онъ, какъ затравленный звѣрь, забился въ ея тѣнистую чашу, заросшую

кустарникомъ, и въ изнеможеніи опустился на землю. Безграничная усталость точно приковала его къ ней. Ему казалось, что онъ вросаетъ въ нее, растворяется въ ней. Съ этимъ чувствомъ мысли его стали угасать и онъ погрузился въ глубокій сонъ.

Когда онъ проснулся, пурпурный дискъ солнца уже медленно опускался за океанъ. Вдалекѣ одиноко гудѣла сирена какого-то парохода.

Тяжелая смертельная тоска овладѣла душою Николая Петровича. Поднявшись на ноги и заложивъ руки въ карманы онъ сталъ медленно бродить между деревьями. Голодь и жажда все сильнѣе давали себя чувствовать. Отлетѣвшія отъ него во время сна тяжелыя мысли съ ожесточеніемъ набросились на него. Онъ долго маячилъ между стволами, то спускался на гравій къ самой линіи прибоя, то снова возвращался въ пальмовую рощу:

„Что мнѣ дѣлать съ собою? На что рѣшиться? Зачѣмъ мнѣ рядиться апашомъ, когда у меня въ карманѣ паспортъ миллионера Джонни Дорна. Вѣдь если умѣло воспользоваться имъ, это вѣрное спасеніе. Однако, чтобы продѣлать процедуру бѣгства въ Европу, необходимо адское хладнокровіе и невѣроятный апломбъ... А главное нужно для этого желаніе спастись и жить... жить во что-бы то ни стало. Во мнѣ его нѣтъ. Я вымотанъ совсѣмъ. Потомъ, даже если и удастся мнѣ бѣжать въ Европу, я заболѣю тамъ маніей преслѣдованія. Моя тайна задушитъ меня... Такъ что-же, что мнѣ дѣлать съ собою? Проще всего было бы броситься въ море вонъ хоть съ того утеса. Но меня удерживаетъ отъ

этого какая-то внутренняя сила. Точно предстоитъ мнѣ еще что-то важное. Да, я знаю, мнѣ нужно еще жить. Только, чтобы сдѣлать жизнь возможной, я долженъ побороть этотъ животный страхъ. Развѣ я трусь? Я всегда думалъ, что безъ страха пойду на смерть. Впрочемъ, смерти я не боюсь и теперь. Я боюсь тюрьмы, боюсь насилія. А особенно боюсь я быть обличеннымъ въ низкомъ преступленіи. Да, этого боюсь я больше всего. Это и есть крадущійся за мною цѣпкій ужасъ...”

Быстро темнѣло. Когда зажглись первыя звѣзды, Николай Петровичъ поднялся на утесъ и легъ на скалу, нависшую надъ океаномъ. Подъ ея каменной глыбой шипѣли и пѣнились волны... Налѣво, внизу, въ долину свѣтился рой словно разсыпанныхъ по землѣ огоньковъ.

„Ферма,“ подумалъ Николай Петровичъ: „Тамъ можно достать чего-нибудь поѣсть. Это безопасно. Никто не будетъ искать меня тамъ ночью. Скажу, что безработный. Но въ этомъ видѣ нельзя идти. Надо переодѣться. Пригодился-таки костюмъ.“

Послѣ часа ходьбы по гладкой, бѣлой отъ луннаго свѣта дорогѣ, бѣгущей среди темныхъ и высокихъ травъ, посеребренныхъ легкимъ туманомъ охлаждающейся земли, Николай Петровичъ остановился передъ деревянными, вдѣланными въ грубо сложенную деревянную изгородь, воротами и остановился въ нерѣшительности.

— Что такъ поздно? — спросилъ его мирный вечерній голосъ откуда-то изъ темноты.

Напрягая зрѣніе, Николай Петровичъ взглянулъ въ то направленіе, откуда онъ доносился. Съ другой стороны дороги, на широкомъ пнѣ сидѣлъ потягивающій трубку старикъ. У ногъ его лежала овчарка. Увидѣвъ приближающагося незнакомца она вскочила на ноги и наострила уши.

— На мѣсто! — приказалъ старикъ и она, поджавъ лапы, послушно опустилась на траву.

Николай Петровичъ снялъ кепку:

— Прошу извинить меня за поздній часъ, — обратился онъ къ старику.

— Хозяинъ прождалъ васъ весь день. Вѣдь вы новый рабочій? — спросилъ тотъ.

— Да. Рабочій.

— Ну такъ идите въ ворота. Они не заперты. Идите все прямо мимо сараевъ и амбаровъ, а когда подойдете къ дому, окруженному цвѣтникомъ, позвоните у крыльца.

Николай Петровичъ поблагодарилъ и надѣлъ кепку. Пройдя черезъ узкую скрипнувшую калитку, онъ очутился подъ глубокой ночной тѣнью деревьевъ широкой аллеи. Глаза его, привыкшіе къ прозрачному лунному мраку, были на время ослѣплены этою черною тѣмою и онъ пошелъ наугадъ по направленію тускло мерцающаго окна какого-то домика. Когда онъ подошелъ къ нему, глаза его уже привыкли къ темнотѣ и онъ осмотрѣлся. Между стволами деревьевъ и сквозь кустарникъ виднѣлись службы. Узкая рыхлая дорога, слегка загибая влѣво, вела къ лунной полянкѣ, за которой виднѣлся длинный одноэтажный бѣлый домъ, немного чуждый и

таинственный, какъ всѣ дома освѣщенные луной. Николай Петровичъ медленно направился къ нему. Легкій вѣтерокъ повѣялъ ему въ лицо нѣжнымъ ароматомъ табака и петуній.

„Какъ у насъ въ Россіи... Какъ у насъ въ саду... Какъ въ потерянномъ раѣ дѣтства, осторожности, чистоты...“ подумалъ, скорѣе почувствовалъ Николай Петровичъ и его вдругъ охватила такая страстная тоска по утраченной непорочности прошлаго, онъ почувствовалъ себя такимъ зачумленнымъ, вытолкнутымъ изъ жизни, такимъ недостойнымъ окружающаго его прекраснаго міра, что обильныя горячія слезы самаго безнадежнаго отчаянія хлынули изъ его глазъ. Онъ бросился на землю и, упавъ лицомъ на свой рукавъ, долго плакалъ протяжно вздыхая, захлебываясь отъ слезъ. Потомъ затихъ и лежалъ почти безъ сознанія, безъ движенія.

— Эй вы? Вы пьяны? — раздался надъ нимъ пріятный спокойный баритонъ.

Николай Петровичъ съ неимовѣрнымъ трудомъ поднялся на ноги и весь дрожа отъ слабости и стыда смотрѣлъ непонимающими глазами на стоящаго передъ нимъ, освѣщеннаго луною толстаго, лысаго господина безъ пиджака.

— Вы пьяны? — опять повторилъ тотъ.

Николай Петровичъ понялъ. Очнулся.

— Нѣтъ, я не пьянъ. Только очень усталъ. Давно не ѣлъ.

— Кто васъ впустилъ сюда? Да кто вы собственно говоря?

— Вы ищете рабочаго?

— Ахъ такъ это вы. Я васъ весь день прождалъ. Впрочемъ Билль предупредилъ меня, что вы можетъ быть и не придете, а возьмете мѣсто въ какой-то гостиницѣ. Что-же у васъ тамъ не вышло?

— Не вышло.

— Мнѣ васъ хорошо рекомендовали. Хочу думать о васъ самое лучшее. Но ваше поведеніе странно. Вы приходите такъ поздно вечеромъ. Валяетесь здѣсь на землѣ.

— Извините. Я вдругъ ослабъ.

— Ну ладно. Бумаги при васъ?

— Онѣ не совсѣмъ въ порядкѣ. Мнѣ ихъ пришлютъ на дняхъ.

— У васъ выговоръ сѣвернаго американца, а мнѣ говорилъ Билль, что вы здѣшній.

— Я русскій, — сорвалось у Николая Петровича съ языка.

— Русскій? Вотъ это здорово! — разсмѣялся толстякъ. — Вы русскій и я русскій, а стоимъ мы здѣсь дураками и объясняемся по-англійски. У васъ-то хотъ выговоръ чисто американскій, а у меня нижегородскій. Не замѣтили развѣ?

— Нѣтъ, не замѣтилъ, — виновато улыбнулся Николай Петровичъ.

Столько усталости и горести было во всей его фигурѣ, что улыбка вдругъ сбѣжала съ добродушнаго лица толстяка.

— Ахъ молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, — протянулъ онъ ему руку, — что это съ вами? Совсѣмъ вы какой-то растерянный. Жаль мнѣ васъ.

Значить, вы не тотъ рабочій, котораго рекомендо-
валъ мнѣ Билль.

— Нѣтъ. Я просто въ поискѣ работы забрелъ
сюда.

— А вы можете работать-то? Чѣмъ вы зани-
мались до сихъ поръ?

— Мылъ тарелки въ ресторанѣ. Былъ носиль-
щикомъ. Служилъ на фабрикѣ Форда...

— Однимъ словомъ, прошли черезъ всѣ бѣжен-
скія мытарства. Ну что-же попробуйте у меня.
Работы много, но житья вамъ будетъ не плохо. Ну
давайте знакомиться. Я Анатолій Сергѣевичъ Бар-
суковъ, бывший помѣщикъ и недавній хозяинъ ресто-
рана въ Парижѣ. Ну, а вы откуда изъ Россіи?

— Изъ Москвы.

— А фамилія ваша, какъ?

— Богдановъ, — безъ запинки солгалъ Николай
Петровичъ и поблѣднѣлъ отъ отвращенія къ себѣ.

— А имя и отчество ваше?

— Николай Петровичъ.

— Ну, Николай Петровичъ, въ добрый часъ!
Только ужъ бумаги поскорѣ раздобудьте. А? Да
что-же я васъ здѣсь держу. Пойдемте-ка въ домъ.
Тамъ вы поужинаете. Не хотите ли папиросу?

— Спасибо, у меня есть. Вотъ только огня.

Чиркнула зажигалка.

Николай Петровичъ жадно затянулся папиро-
сой. Ему хотѣлось втянуть дымъ до мозга костей,
до самыхъ орбитъ болящихъ глазъ.

Никотинъ быстро подтянулъ его нервы и онъ

твердо зашагалъ рядомъ съ Анатоліемъ Сергѣевичемъ.

— Вотъ садикъ я себѣ тутъ развелъ, — рассказывалъ тотъ. — Клумбы разбилъ по русскому образцу. Боялся, что табакъ и петуніи не примутся здѣсь, а принялись хорошо. Вотъ мы и дома. Пройдемъ черезъ веранду. Вотъ здѣсь... Сейчасъ моя дочка васъ ужиномъ накормитъ. Чѣмъ Богъ послалъ. Вѣрочка! Вѣрунecъ, — крикнулъ онъ входя съ Николаемъ Петровичемъ въ столовую.

Лампа подъ свѣтлымъ абажуромъ уютно освѣщала, уже накрытый къ вечернему чаю, столъ. На пестрой скатерти стоялъ подносъ для самовара, чашки, корзинка съ хлѣбомъ, масло и круглый сыръ подъ стекляннымъ колпакомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались торопливые шаги на высокихъ каблучкахъ и въ комнату вбѣжала улыбаясь всѣмъ своимъ очаровательнымъ лицомъ высокая и тоненькая смуглянка. Она была въ простомъ бѣломъ платьѣ, стянутомъ у таліи краснымъ ремешкомъ. Ея блестящіе темные волосы подстриженные, какъ у средневѣковаго пажы, красиво подчеркивали правильный и нѣжный овалъ ея лица. При видѣ Николая Петровича ея узкія длинныя брови съ капризнымъ изломомъ удивленно приподнялись и она вопросительно взглянула на отца.

— Вотъ, Вѣрушечъ, позволь тебѣ представить: нашъ новый рабочій. Русскій, Николай Петровичъ Богдановъ. Николай Петровичъ очень проголодался, Вѣрушечъ. Вели Яминѣ поскорѣ принести сюда все что осталось отъ обѣда.

Вѣрочка порывисто протянула руку Николаю Петровичу.

— Вы русскій? Настоящій русскій? — воскликнула она съ легкимъ французскимъ акцентомъ. — Вотъ это отлично. Это очень, очень хорошо. Хотите простокваши? У меня есть...

— Вѣрочка воображаетъ, что всѣ русскіе, какъ я, объѣдаются простоквашей, — разсмѣялся Анатолій Сергѣевичъ.

— Неправда, папочка. Ну какой ты насмѣшный, — смущенно тряхнула она волосами.

— Не насмѣшный, а насмѣшникъ, — поправилъ ее отецъ. — Она у меня училась во французскомъ монастырѣ и по-русски говоритъ забавно. Иногда часами говоритъ правильно, а то вдругъ, начнетъ все съ французскаго переводить...

— Ахъ нѣтъ, папочка, я очень хорошо говорю, — разсмѣялась Вѣрочка. — Ну что-же принести вамъ простокваши? — тономъ заговорщицы обратилась она къ Николаю Петровичу.

— Пожалуйста, — невольно улыбнулся тотъ.

„Сколько въ ней жизни... Сколько огня,“ подумалъ Николай Петровичъ, внутренне согрѣтый присутствіемъ доброжелательныхъ людей.

— Хотите умыться? — обратилась къ нему Вѣрочка. — Да? Папочка проводитъ васъ въ умывальную, а я сейчасъ принесу вамъ покушать, — Вѣрочка упорхнула звеня браслетами.

— Вотъ она у меня какая! — съ гордостью воскликнулъ Анатолій Сергѣевичъ. — Огонь-дѣвка. Вы не смотрите, что она нарядная такая, да наду-

шенная. Это она только вечеромъ любить... Къ обѣду переодѣвается, а весь день въ рабочей блузѣ бѣгаетъ и работа горитъ въ ея рукахъ. Она всѣхъ заражаетъ своей энергіей. Обо всемъ хлопочетъ, обо всемъ думаетъ. Вотъ и о васъ позаботилась. Догадалась, что хотите умыться. Пройдите въ умывальную. Если хотите побриться, пожалуйста. Тамъ на столѣ все есть.

Когда Анатолій Сергѣевичъ оставилъ Николая Петровича одного въ умывальной комнатѣ, тотъ взглянулъ на себя въ зеркало и испугался своего блѣднаго, покрытаго синевою небритой бороды лица, своихъ запавшихъ, страдальческихъ глазъ.

„На мнѣ печать Каина. У меня уже черты преступника,“ — подумалъ онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ къ себѣ. — „И несмотря на это, такъ до-вѣрчиво, такъ сердечно приняли меня эти чудесные люди. Я отплачу имъ тѣмъ, что завтра-же уйду отсюда.“

Освѣжившись холодной водой Николай Сергѣевичъ выбрился, зачесалъ волосы назадъ и на него глянуло изъ зеркала его прежнее, но сильно исхудавшее и возмужавшее лицо.

— Вы готовы? — раздался за дверью голосъ Вѣрочки. — Торопитесь, яичница остынетъ.

Когда Николай Петровичъ вошелъ въ столовую, Анатолій Сергѣевичъ уже пилъ изъ стакана чай съ лимономъ. Вѣрочка суетилась у самовара.

— Ну какой вы стали! Совсѣмъ другой. Гораздо лучше! — воскликнула она и вдругъ вспыхнула и разсмѣялась своимъ звонкимъ смѣхомъ. — Ну

садитесь. Вотъ яичница съ колбасой, вотъ хлѣбъ, вотъ масло, а вотъ и знаменитая простокваша. Она на десертъ.

— На десертъ, — поправилъ ее отецъ.

— Ахъ, мой Богъ! Папочка, не приставай.

— Не мой Богъ, а Боже мой, — затрясся отъ смѣха Анатолій Сергѣевичъ. — Уморительно ты по-русски говоришь, Вѣруня. Отличное будетъ для тебя упражненіе разговаривать съ Николаемъ Петровичемъ. Саша придетъ и твоимъ успѣхамъ удивится. Саша это Александръ Александровичъ Серпуховскій, Вѣрочкинъ женихъ, — пояснилъ онъ Николаю Петровичу. — Да она у меня невѣста „безъ мѣста“, а женихъ отъ нея „безъ ума.“ Сейчасъ онъ въ Нью-Йоркѣ; ликвидируетъ тамъ свои дѣла, а такъ черезъ мѣсяцъ придетъ сюда уже совсѣмъ. Мнѣ одному съ фермой-то трудно справиться. Самы увидите завтра, сколько здѣсь работы. Какой нуженъ здѣсь глазъ.

Я перекупилъ эту ферму у вдовы брата. У нея-бы все хозяйство прахомъ пошло.

— Еще-бы, — расхохоталась Вѣрочка. — Тетя Леля иногда сама коровъ доила въ шелковой пиджамѣ, а иногда недѣлями не вставала съ постели. Тетя Леля красавица и душка, но очень плохая хозяйка.

Николай Петровичъ молча слушалъ и ѣлъ, силясь подавить и скрыть свою животную жадность къ ѣдѣ. Горячій чай подкрѣпилъ его, прояснилъ его мысли. Ему вдругъ стало хорошо въ уютной комнатѣ, между Анатоліемъ Сергѣевичемъ и хозяйничающей Вѣрочкой. Онъ неотрывно слѣдилъ за лег-

кими, быстрыми движеніями ея рукъ, опутанныхъ тонкими звенящими золотыми браслетами, любовался ея темной головкой, ея огромными выразительными глазами.

„Вотъ это то, что называется одухотворенной красотой,“ подумалъ онъ: „Взглядъ какой своеобразный, а вмѣстѣ съ тѣмъ кроткій; какая надменная посадка головы, а столько простоты во всемъ.“

— Николай Петровичъ, а какъ-же съ бумагами-то, голубчикъ? — прервалъ его мысли Анатолій Сергѣевичъ. — Здѣсь на этотъ счетъ строго. Ну да завтра объ этомъ поговоримъ. Видно устали вы очень.

— Пойдемте, я провожу васъ въ вашу комнату, — ласково сказала Вѣрочка. — Я сама должна постлать вамъ постель. Прислуга уже спитъ.

— Пожалуйста не беспокойтесь, Вѣра Анатольевна.

— Очень хорошо! Кому-же беспокоиться, какъ не мнѣ? Ну идемте. Прощайтесь съ папой.

Она зажгла стоявшую на буфетѣ свѣчу и, неся ее на уровнѣ лица, стала подниматься по лѣстницѣ. Николай Петровичъ молча слѣдовалъ за нею и все въ ней, начиная съ темныхъ завитковъ ея волосъ и кончая красными туфельками на ея изящныхъ ногахъ казалось ему верхомъ совершенства.

— Вотъ... Здѣсь вамъ будетъ хорошо. Правда? — спросила его Вѣрочка входя съ нимъ въ просторную комнату съ покатымъ потолкомъ. — Днемъ

немного жарко, но днемъ вамъ некогда будетъ здѣсь сидѣть.

Доставъ изъ шкапа бѣлье, она стала обтягивать имъ постель. Николай Петровичъ растерянно стоялъ посреди комнаты и какъ зачарованный смотрѣлъ на молодую дѣвушку.

— Ахъ мой Богъ, — взмахнула она волосами. — Вы такъ устали, а я такъ долго вожусь. Идите помогите мнѣ. Потяните вонъ туда одеяло. Дайте подушки. Вотъ такъ. Ну, готово! Завтра я разбужу васъ въ шесть часовъ. Я будильникъ. Спокойной ночи, — сдѣлавъ прощальный знакъ рукою, Вѣрочка вышла изъ комнаты и закрыла за собою дверь.

„Милая... милая...“ потянулось за ней сердце Николая Петровича.

Онъ сѣлъ къ столу, на которомъ горѣла свѣча, и зажалъ виски руками. Что-то свѣтлое, какая-то обманчивая, легкая и радостная надежда промелькнула въ его душѣ и тотчасъ-же угасла.

„Мнѣ нѣтъ спасенія,“ въ безсильномъ отчаяніи подумалъ онъ: „Жизнь моя разбита... Приближаются страшные дни. Завтра я уйду отсюда. Безчестно было бы обмануть довѣріе Анатолія Сергѣевича, безчестно подойти со своею нѣжностью къ чистой Вѣрочкѣ. Безчестно уже было коснуться своею убившей проклятой рукою ея невинной руки... Да, надо уйти. Не сдѣлать ли это уже теперь, когда всѣ уснутъ...?“

Сердце Николая Петровича сжалось отъ ужаса и отчаянія.

„Опять ночь... Опять одиночество въ лѣсахъ! Одиночество затравленнаго звѣря... Да... именно затравленнаго звѣря. А здѣсь покой... Чистая постель посланная милыми Вѣрочкиными руками... Нѣтъ, зачѣмъ идти навстрѣчу событіямъ, зачѣмъ помогать жестокой судьбѣ? Пусть она сама придетъ за нимъ сюда. Но передъ страшнымъ часомъ пусть она подаритъ ему нѣсколько свѣтлыхъ дней. Послѣднихъ счастливыхъ дней его жизни...

Николай Петровичъ подошелъ къ окну: „Какъ чудесно здѣсь пахнетъ,“ — подумалъ онъ: „Океаномъ, цвѣтами и Вѣрочкиными духами, такими же свѣжими и нѣжными, какъ она сама.“

Онъ медленно раздѣлся, затушилъ свѣчу и растянулся на свѣжей кровати. Вѣрочкино лицо вдругъ удивительно ясно всплыло въ его воображеніи.

„Уголки ея губъ слегка приподняты кверху, какъ у ангеловъ Боттичелли...“ подумалъ онъ и заснулъ улыбаясь.

IV

На утро его разбудилъ стукъ въ дверь и Вѣрочкинъ голосъ:

— Вставайте, Николай Петровичъ. Уже девять часовъ. Я дала вамъ выспаться... Идите чай пить въ столовую. Вамъ нельзя съ рабочими. Вы будете всегда съ нами. Вы скоро?

— Сейчасъ, Вѣра Анатольевна, — крикнулъ онъ и нотка счастья дрогнула въ его голосъ. — Я сейчасъ спущусь.

„Я точно въ новомъ мірѣ, — думалъ онъ, торопливо одѣваясь. — Какъ далеко отошло отъ меня все мое самое недавнее прошлое. Мнѣ кажется, что я разстался съ Коринной не вчера, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Сейчасъ прошлое утратило всю свою власть надо мною... Оно угасло. Его нѣтъ. Настоящее такъ прекрасно... Но страшно будущее... Конецъ моей жизни... Страшная расплата приближается съ каждой минутой... Меня ищутъ, меня схватятъ, а если меня схватятъ, мнѣ предстоитъ смертная казнь... Какъ могъ я забыть объ этомъ, хоть на мигъ...“

Знакомая физическая слабость, охватывающая его всегда передъ припадками горестнаго одѣвненія,

лишила его силъ. Онъ упалъ на постель и долго лежалъ на ней еле дыша отъ тяжести на сердцѣ.

Въ коридорѣ снова раздались Вѣрочкины шаги.

— Николай Петровичъ! Что же вы? Идите скорѣе. Мнѣ нужно уходить на маслобойню, — нетерпѣливо прозвучалъ ея голосъ.

Онъ вскочилъ съ кровати, пригладилъ волосы и вышелъ въ коридоръ.

— Съ добрымъ утромъ, Вѣра Анатольевна.

— Здравствуйте. Ахъ, какой вы зеленый! Я только хотѣла вамъ сказать. Идите въ столовую, кушайте, потомъ пройдите въ конюшню. Папа уже тамъ. Какъ спали?

— Чудесно.

— Ну очень, очень хорошо. До свиданія за завтракомъ. Почему вы не даете мнѣ руки?

— Я?

— Да, вы. Вы видѣли, что я протянула вамъ руку, но сдѣлали видъ, что не видѣли. Почему?

— Вы хотите знать, Вѣра Анатольевна? Ну, такъ я скажу вамъ: потому, что я считаю себя недостойнымъ такой чести. Вы слишкомъ доверчивы. Вѣдь вы не знаете меня...

— Какія глупости! Папа говоритъ, что вы очень милый и образованный. У васъ отличныя манеры. Я это тоже нахожу. Ну, давайте же руку.

— Нѣтъ, — проговорилъ онъ, не разжимая челюстей.

Улыбка сбѣжала съ Вѣрочкинаго лица. Она долгимъ, строгимъ взглядомъ смѣрила Николая Петровича и вдругъ проговорила неожиданно серьезно:

— Хорошо. Мы поговоримъ объ этомъ вечеромъ. Я такъ этого не оставлю. — Слегка кивнувъ ему, она сбѣжала съ лѣстницы.

„Что я ей наговорилъ! Къ чему? Какъ пошло, какъ безвкусно все это вышло!“ проклиналъ себя Николай Петровичъ, поспѣшно глотая въ столовой горячій кофе.

— Когда господинъ кончитъ завтракать, я провожу его къ хозяину въ конюшню, — привѣтливо обратилась къ нему негритянка-прислуга Ясмينا.

— Идемте, я готовъ, — отвѣтилъ ей Николай Петровичъ.

Ему хотѣлось поскорѣе, хоть издали, увидѣть Вѣрочку. Дѣйствительно, проходя черезъ птичникъ, онъ встрѣтился съ нею. Она взглянула на него безъ улыбки. Это причинило ему почти физическую сердечную боль.

— Вѣра Анатольевна, простите меня, — робко протянулъ онъ ей руку. — Я наговорилъ вамъ глупостей. Это со мною бываетъ иногда. У меня ужасный характеръ. Каюсь и прошу прощенія.

Она разсмѣялась и крѣпко сжала его пальцы.

— Хорошо. На этотъ разъ я васъ прощаю. Но я была очень сердита.

— А теперь?

— Теперь нѣтъ. Но работа не подождетъ. Прощайте.

Она вошла въ круглое зданіе птичника.

Анатолій Сергѣевичъ нетерпѣливо ожидалъ Николая Петровича въ конюшнѣ. Ему хотѣлось поскорѣе показать ему своихъ любимыхъ лошадей, хо-

зайство, поскорѣе поставить его на работу, и когда онъ появился, наконецъ, такъ взялся за него, что до самого завтрака не далъ ему передохнуть.

— Ну, какъ вамъ нравится у насъ? — спросила его за завтракомъ Вѣрочка.

— Отлично, — отвѣтилъ онъ ей, чувствуя сильный подъемъ жизненной энергіи.

— Не слишкомъ много для васъ работы? — лუчисто взглянула она на него.

— Нисколько. На воздухѣ работать такъ пріятно. Я никогда еще не чувствовалъ въ себѣ столько силы.

— Ну вотъ, это отлично! — обрадовался Анатолій Сергѣевичъ. — Только, голубчикъ, какъ съ вашими бумагами-то?

— Мнѣ ихъ пришлютъ.

— Когда же?

— Скоро. Мама о нихъ хлопочетъ.

— А гдѣ же ваша матушка?

— Въ Нью-Йоркѣ.

— Да вотъ, вы мнѣ ея адресъ дайте. Саша къ ней заѣдетъ и все устроить.

Николай Петровичъ поблѣднѣлъ до самыхъ губъ.

— Я не хотѣлъ бы никого затруднять. Я напишу матери мой адресъ и она, конечно, поторопится все прислать.

— Ну-ну. Пока я васъ просто скрою, а если что, скажу, что вы мой племянникъ. У меня съ властями отличныя отношенія, но здѣсь строго и я самъ люблю порядокъ.

Этотъ первый день на фермѣ, полный отвле-

кающей отъ тяжелыхъ мыслей работы и озаренный снизошедшей, какъ Всевышняя милость, любовью къ Вѣрочкѣ, прошелъ для Николая Петровича невѣроятно быстро, и когда въ столовой раздался звукъ гонга, зовущаго къ обѣду, онъ спустился внизъ, переодѣтый въ свой изящный сѣрый костюмъ, гладко выбритый, свѣжій и красивый.

— Хорошо, что я надѣла свое лучшее платье! — воскликнула Вѣрочка, увидѣвъ его. — Вы ужасно элегантный сегодня.

— Вотъ этимъ мы русскіе и сильны, — довольно крикнулъ Анатолій Сергѣевичъ. — Мы умѣемъ работать, не теряя вкуса къ изяществу жизни. Днемъ мы простые рабочіе, а вечеромъ культурные люди. Горжусь я русскими и огорчаюсь, что Вѣрочка моя Россіи не помнитъ. Вѣдь всего пять лѣтъ ей было, когда я бѣжалъ съ нею изъ Москвы въ Парижъ. Страшное это было время жизни. По дорогѣ жена моя скончалась. Что мнѣ было дѣлать съ ребенкомъ на рукахъ? Къ счастью въ Парижѣ жила бывшая гувернантка жены, ставшая монахиней. Она взяла Вѣрочку къ себѣ въ монастырь и воспитала ее.

— Мнѣ было въ монастырѣ очень хорошо, — встала Вѣрочка, — но съ десяти лѣтъ я жила у папы и ходила въ монастырь только учиться. Вы знаете, я перешла въ католичество.

— Это жаль! — неожиданно для себя проговорилъ Николай Петровичъ. — Вы сами просты и глубоки, какъ православіе. Вы созданы для него.

— Отлично вы это сказали, Николай Петровичъ, — ударилъ Анатолій Сергѣевичъ рукою по столу. —

Вотъ, великолѣпно-то! Говорилъ я ей, просилъ... Кремень-дѣвка. Закинулась, не пила, не ѣла... Пришлось позволить.

— И даже съ очѣнь хорошими словами ты мнѣ позволилъ, папочка милый. Ты сказалъ: Богъ одинъ, какъ Ему молиться — все равно. Только вѣрить надо. Ты у меня чудесный, папочка...

— Ну ужъ ладно, Лиса-Патрикѣвна. Что объ этомъ говорить! Сдѣланнаго не измѣнишь. А вотъ, что я васъ попрошу, Николай Петровичъ: вы ей побольше о Россіи рассказывайте. Что помните. У васъ-то должны быть воспоминанія оттуда.

— Да, расскажите мнѣ что-нибудь о Россіи, — попросила Вѣрочка, вставая изъ-за стола. — Пойдемте, сядемте на ступеньки веранды. Я это очень люблю. Ну вотъ, теперь рассказывайте, — съ загорѣвшимися вниманіемъ глазами попросила она, расположившись на лѣстницѣ.

Онъ сидѣлъ ниже ея и задумчиво смотрѣлъ на нее снизу вверхъ.

— Что же мнѣ рассказать вамъ? Я не умѣю говорить. Я всегда говорилъ очень мало. Да и уѣхалъ я изъ Россіи, когда былъ еще мальчикомъ.

— Скажите мнѣ, я хочу знать, вы очень православный?

— Я православный, конечно. Однако, сознаюсь вамъ, что я за всю свою жизнь мало думалъ о религіи. Я только что сказалъ вамъ, что православіе просто и глубоко. Какъ это ни странно, я это понималъ только въ ту минуту, когда высказалъ вамъ. Я это понималъ какъ-то черезъ васъ.

— Вы жили безъ религія? Но какъ же могла ваша душа жить безъ Бога? Вѣдь, душа безъ Бога, это — какъ цвѣтокъ безъ воды. Она не можетъ расцвѣсть.

— Да... Вы правы. Я только недавно началъ это понимать. Душа моя очень долго спала. Я долго ничего не зналъ о ней.. Я только что открылъ ее въ себѣ и стремлюсь овладѣть ею. Это нелегко... Не знаю, почему я говорю объ этомъ вамъ... Вы такъ молоды... но я чувствую, вы меня поймете...

— Да, да, я понимаю васъ. Не прерывайте себя, а то вы потеряете нить. Говорите же!

— Въ моей душѣ затаилось что-то новое. Оно еще схоронено гдѣ-то глубоко и пробивается медленно, какъ ростокъ...

— Можетъ быть это зажигается въ васъ святая искра любви... Вы знаете, большой любви ко всему міру... къ человѣчеству. Любви, черезъ которую постигается вся сущность жизни...

— Вѣра Анатольевна, откуда у васъ такія слова?

— О жизни души со мною много говорила сестра Тереза, мамина воспитательница. Она святая. Но отвѣтите мнѣ, вамъ не кажется, что я угадала, и что въ васъ открывается новый источникъ прозрѣнія и любви?

— Возможно... Прежде я жилъ эгоистичной личной жизнью. Я былъ связанъ внутреннею связью только съ природой и съ тѣмъ, что красиво на землѣ. Жизнь другихъ людей не значила для меня ничего. Я холодно проходилъ мимо нихъ, не запоминая ни ихъ именъ, ни ихъ лицъ. Не знаю, люблю ли я ихъ

теперь, но мое воспріятіе жизни расширилось и углубилось. Мгновеніями мнѣ кажется, что я постигаю неуловимое... то, что нельзя выразить словами, и невыразимо счастливъ я въ эти мгновенія.

— У васъ было большое горе?

— Нѣтъ... Да, впрочемъ, да... большое горе.

Изъ веранды послышались тяжелые шаги Анатолія Сергѣевича.

— Ну что, Вѣрушекъ, много онъ тебѣ интереснаго разсказалъ? А? — спросилъ онъ, сядясь возлѣ дочери и обнимая ее за талію. — Ну, Николай Петровичъ, разсказывайте дальше, и я послушаю.

— Разскажите намъ, гдѣ вы проводили лѣто въ Россіи, — бережнымъ голосомъ проговорила Вѣрочка, слегка склоняясь къ ступени, на которой сидѣлъ Николай Петровичъ. Глаза ея, полные ласки, старались утѣшить его за рѣзко прерванный разговоръ, оборванный на такомъ больномъ мѣстѣ.

„Милая... милая... бесконечно дорогая...“ горячо подумалъ Николай Петровичъ и вдругъ опустил рѣсницы, чтобы скрыть навернувшіяся на нихъ слезы умиленія

— Да правда, гдѣ вы лѣто проводили? — чтобы поддержать разговоръ, спросилъ Анатолій Сергѣевичъ.

— Въ небольшомъ имѣніи Тверской губерніи, — взявъ себя въ руки, отвѣтилъ Николай Петровичъ.

— Ахъ, хорошо тамъ на Волгѣ! — блаженно протянулъ Анатолій Сергѣевичъ.

— Какъ тамъ? Разскажите, — еще ниже скло-

нилась къ Николаю Петровичу Вѣрочка, а глаза ея говорили: я знаю, что вамъ больно. Простите.

Онъ благодарно улыбнулся ей.

— Я право не знаю, что рассказать, Вѣра Анатольевна. Я тогда былъ еще мальчикомъ.

— Вотъ и расскажите, что любили, когда были мальчикомъ.

— Что я любилъ? Очень любилъ горбатый березовый мостикъ, переброшенный черезъ овражекъ, за которымъ весною всегда было много ландышей. Завернутые въ трубочку своихъ двойныхъ листковъ, они медленно выползали изъ темной крупчатой земли. Я любилъ слѣдить за ихъ расцвѣтомъ, радовался, когда восковые шарики ихъ бутоновъ превращались въ душистые колокольчики. Но особенно плѣняли меня ихъ стебельки, такіе хрупкіе и блѣдные. Я никогда не рѣшался надломить ихъ. Я никогда не срывалъ ландышей, несмотря на то, что любилъ рвать цвѣты... Вы знаете, Вѣра Анатольевна, я недавно спрашивалъ себя, что рвать цвѣты, это жажда разрушенія, или стремленіе къ соединенію съ природой. Какъ вы думаете?

— Мнѣ кажется — послѣднее... Но рассказывайте дальше. Вы такъ хорошо рассказываете. Вы любили осень?

— Очень любилъ. По вечерамъ отъ скота, вернувшись съ пастбища, шелъ паръ. Какъ-то разъ пастухъ сказалъ: „Сегодня ночью рябину морозомъхватило.“ Меня это почему-то обрадовало и поразило. Я почему-то запомнилъ эту фразу на всю жизнь.

— Я это понимаю, — улыбнулась Вѣрочка одними глазами, — у меня тоже есть такія особенно выразительныя фразы, не выходящія изъ памяти. Вотъ, напримѣръ, разъ въ монастырѣ одна нищая, которой я дала молока, сказала: „с'est bon le lait chaud“. Ахъ, столько было въ этой фразѣ...

— Ну, я вижу, Вѣрочка, ты нашла себѣ въ Николаѣ Петровичѣ собесѣдника по вкусу, — вставая со ступени, довольнымъ голосомъ произнесъ Анатолий Сергѣевичъ. — Не буду вамъ мѣшать. Пройдусь немного. — Закуривъ папиросу, онъ медленно побрелъ къ полянкѣ.

— Папа правъ, — сказала Вѣрочка послѣ короткаго молчанія, — я еще ни съ кѣмъ не говорила такъ легко, какъ съ вами.

— Я же вообще ни съ кѣмъ не говорилъ.

— Почему же?

— Не знаю. Я не могъ.

— Вы такъ чудесно рассказываете о вашемъ дѣтствѣ. Расскажите мнѣ еще.

— Я чудесно рассказываю? Боже мой, я говорю такъ безсвязно!

— Но я вижу все, что вы говорите. Говорите еще о вашемъ имѣніи.

— Ничего больше не могу припомнить... Ахъ вотъ... У насъ была маленькая бѣлая церковь съ синими куполочками. Къ ней вела длинная аллея, усыпанная пескомъ и вся усыянная солнечными бликами. По ней, почему-то всегда по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, бѣгала трясогузка, махая хвостикомъ...

— Вотъ, когда вы сказали „съ синими куполоч-

ками“, мнѣ стало грустно, что я не православная. Вы знаете, я хотѣла взять вуаль.

— Взять вуаль? — удивленно переспросилъ Николай Петровичъ.

— Ахъ, это я опять съ французскаго перевела. Ну вотъ, я хотѣла стать монахиней. Но мнѣ папа не позволялъ. Онъ прямо плакалъ.

— Я это понимаю. Чѣмъ стала бы его жизнь безъ васъ! Но какъ пришла вамъ мысль уйти въ монастырь?

— Это случилось тогда, когда я узнала, что такое жизнь, и испугалась ее. Я очень, очень испугалась жизни. Вамъ будетъ трудно понять. Но я расскажу вамъ все. Вотъ... когда я кончила учиться, я хотѣла помогать папѣ въ его ресторанѣ; онъ не хотѣлъ, онъ все говорилъ, что это не для меня, но сестра Тереза сказала, что я могу, что мнѣ ничего не опасно, а наоборотъ, я должна узнать жизнь, какая она есть. Я стала каждый вечеръ подавать въ ресторанѣ. Познакомилась со всѣми нашими завсегдатаями. Они всѣ были добрые люди, но мнѣ было сначала съ ними очень жутко. Я научилась жить и думать въ монастырѣ, привыкла къ одухотвореннымъ кроткимъ лицамъ монахинь... Меня пугали раскрашенные какъ маски лица молодыхъ женщинъ, приходившихъ къ намъ, пугало то, что выражали ихъ глаза. Меня отталкивало то, о чемъ онѣ говорили, какъ онѣ говорили. А главное: мнѣ было ихъ всѣхъ такъ жаль, такъ жаль! Тамъ была одна грузинская княжна Лиза. Красавица. Какъ-то она сказала мнѣ и еще

одной подругѣ: „У мамы ракъ. Надо операцию. Денегъ нѣтъ. Только мнѣ сегодня повезло: въ буа одинъ толстый за мною полчаса бѣгалъ. Заговорили. Фабрикантъ... Кажется, я его подцѣпила“. Я стала просить Лизу это бросить, а она говоритъ: „А какъ же мама?“ Я побѣжала къ сестрѣ Терезѣ. Она все устроила, заплатила операцию, выходила княгиню въ монастырѣ. Вотъ я помогла Лизѣ, но вѣдь такихъ, какъ она, столько... столько... Всѣ онѣ точно не живутъ, не думаютъ, а отдаются какому-то страшному теченію, которое ихъ уноситъ. Ихъ души гибнутъ. Я же это видѣла, видѣла, точно глазами. Я говорила имъ, но онѣ не понимали, смѣялись, а мнѣ было такъ страшно за нихъ! Жизнь начала казаться мнѣ какимъ-то царствомъ злого духа, въ которомъ гибнетъ все настоящее, все Божье... Разъ какъ-то вечеромъ пріѣхалъ одинъ молодой графъ. Онъ ѣздилъ шофферомъ. Онъ много пилъ и громко бранилъ большевиковъ. Бранилъ ихъ дурными словами, и мнѣ тяжело было это слышать. Ужасно тяжело. А подъ этой тяжестью таилась какая-то мысль, которую я никакъ не могла осознать. На другой день я рассказала объ этомъ сестрѣ Терезѣ. Она, какъ всегда, разгадала эту мысль. Вотъ она сказала: „Большевики одержимы демонами зла, а зло невозможно побѣдить ненавистью и проклятіями. Его можно побѣдить только силою добра.“ Вы понимаете, злу надо противопоставить добро, ненависти — любовь, а злымъ силамъ свѣтлую силу и вѣру духа... Меня поразила эта мысль. Вѣдь это же правда... правда. Это такъ понятно.

— Да, это простая и мудрая мысль, — тихо проговорил Николай Петрович.

— Вотъ вы тоже поняли... И я. Я въ тотъ же вечеръ говорила объ этомъ съ Лизой. Мы ушли въ мою комнату и долго говорили и плакали. Но мы не могли придумать, какой манерой... Нѣтъ, какъ это сказать?

— Какимъ способомъ?

— Да, какимъ способомъ... противопоставить добро злу большевиковъ. Какъ сдѣлать, чтобы добро проникло въ жизнь. Мы вернулись въ ресторанъ совсѣмъ разстроенныя. Тамъ сидѣлъ этотъ графъ. Я подумала: „Я должна ему все это сказать.“ Я сѣла за его столикъ и стала объяснять ему мою мысль. Я говорила долго. Не знаю, откуда находила слова. Онъ слушалъ, потомъ вдругъ уронилъ голову на столъ и зарыдалъ. Его окружили, начали утѣшать, но онъ вскочилъ и сказалъ: „Да, вѣрно, Вѣра Анатольевна, вмѣсто того, чтобы по Парижу шофферами ѣздить, намъ бы всѣмъ слѣдовало крестonosцами стать. Крестonosцами двадцатаго вѣка. Изъ эмигрантовъ мы всѣ должны были бы превратиться въ проповѣдниковъ, мы должны были бы стремиться передѣлать жизнь изнутри... Да только...“ Онъ разсмѣялся такъ дико, такъ страшно, и ушелъ. Но онъ не сталъ Крестonosцемъ... Онъ просто сталъ ходить въ другой ресторанъ, и мы говорили, что онъ сильно пьетъ. Вотъ я рассказала вамъ небольшую часть жизни, которую я узнала. Теперь вы, можетъ быть, поняли, почему я испугалась и хотѣла бѣжать изъ нея, убѣжать въ монастырь, чтобы жить тамъ въ

радости духа, въ благодати чистыхъ помысловъ, въ близости къ Богу. Вѣдь все въ жизни монастыря — стремленіе къ приближенію къ Богу. Подумайте, что это значить, стать невѣстой Христовой. Вѣдь, если вы возьмете это не только какъ простую фразу, а поймете всю глубину этого символа, вамъ откроется, что мало и цѣлой жизни, чтобы достигъ такого душевнаго совершенства. Я никогда не сочла-бы себя достойной этого названія. Я хотѣла-бы всю жизнь мою пробить только послушницей. Я люблю монашескую жизнь: темную церковь, свѣтлый садъ, молитву, тишину, медленную монашескую поступь. Если-бы вы знали, какъ ясно думается, когда ноги такъ медленно и ритмично ступаютъ. Мнѣ нравится аскетизмъ. Ничего лишняго. Сколько въ этомъ красоты и силы. Лѣто и зиму все та-же одежда, простая, суровая..

— Однако, Вѣра Анатольевна, вы любите быть нарядной.

— Да, это правда. Я, какъ это сказать, немножко „мимикри“. Я невольно приспосаблиюсь къ сферѣ, въ которой я живу. Здѣсь все ярко и душисто. Пестрые птицы, бабочки, шелковистые цвѣты. Повсюду сладкіе запахи, солнце. Вотъ меня и тянетъ къ легкимъ тканямъ, къ духамъ, къ золотымъ украшеніямъ. Но это нехорошо. Я знаю, что это нехорошо. Вотъ папочка не пустилъ меня въ холодный, суровый, христіанскій рай монастыря, а привезъ меня сюда, въ этотъ языческій рай. Я люблю его. Я счастлива здѣсь, но часто меня мучить совесть и я думаю: „Вотъ я русская дѣвушка сижу

здѣсь на этой чудесной фермѣ во Флоридѣ, живу въ полномъ довольствѣ съ здоровымъ тѣломъ, здоровой душой, въ постоянной близости къ Богу, а у меня на родинѣ „безпріютныя дѣти“. Вы знаете, что это такое „безпріютныя дѣти“?

— Я читала...

— Мнѣ писала о нихъ папина сестра изъ Москвы. Я не спала всю ночь. Сидѣла вотъ на этой ступенькѣ и думала: „Мой долгъ поѣхать туда въ этотъ адъ. Мой долгъ научить хоть нѣсколькихъ этихъ дѣтей тому, что есть Богъ, любовь, правда...“

— Да васъ и не впускать туда, Вѣра Анатольевна.

— Какъ знать. Я твердо вѣрю, что если суждено, то впускать. Да и чѣмъ я опасна большевикамъ? Политика меня не интересуешь. Я бы стала только добру учить этихъ несчастныхъ дѣтей. Если нельзя тамъ иначе, то тайно...

— Это-бы узнали и васъ просто разстрѣляли.

— Ну и пусть... Тогда дѣти, которыхъ я бы научила стать людьми съ живой душой, никогда не перестали вѣрить въ Бога, за вѣру въ котораго я была бы убита.

— Вѣра Анатольевна, да вѣдь это-же подвижничество. Возвращеніе къ христіанскому мученичеству.

— Да. Но можетъ быть такъ и надо... Николай Петровичъ, а что мнѣ сейчасъ въ голову пришло... Можетъ быть это и есть манера... Какъ это? Ахъ да, способъ, единственный способъ побороть добромъ зло большевиковъ. Вѣдь такая борьба и должна быть

трудной. Должна стоять жизнью. Иначе какъ-же побороть такую чудовищную силу зла?

— Вѣра Анатольевна, вы были-бы способны на подвигъ. Я знаю.

— Подвигъ? Это было-бы только исполненіемъ долга передъ Богомъ. Это было-бы жизнью, изжитою въ своей совершенной полнотѣ. Но для меня это только неисполнимая мечта. Меня не отпустить отсюда ни папа, ни Саша. Саша, это мой женихъ, папа говорилъ вамъ. Когда я рѣшила выйти за него замужъ, сестра Тереза очень испугалась за меня. Она боялась, что мнѣ придется, какъ многимъ, пройти черезъ всѣ сложныя разочарованія земной любви. Однако, въ этомъ она ошиблась. Вотъ уже два года, какъ я невѣста Саши, и онъ еще никогда не причинилъ мнѣ огорченія. Онъ удивительный человѣкъ: энергичный, честный, добрый. Въ немъ всѣ добродѣтели и достоинства, необходимыя мужчинѣ. Для насъ любовь, это что-то гармоничное, свѣтлое, простое.

— Когда-же ваша свадьба?

— Когда Саша пріѣдетъ, мы сейчасъ-же обвѣнчаемся.

— Желаю вамъ много, много счастья... — съ трудомъ проговорилъ Николай Петровичъ.

На душѣ у него снова стало холодно и безнадежно. Онъ всталъ:

— Спокойной ночи, Вѣра Анатольевна. Мнѣ еще надо кое-что записать въ моей комнатѣ.

— Вы уже уходите, — огорчилась Вѣрочка. — Жаль, мнѣ было съ вами такъ хорошо!

— И мнѣ, Вѣра Анатольевна. Вы сказали мнѣ такъ много. Я такъ полонъ всѣмъ этимъ, такъ благодаренъ вамъ. Но сейчасъ я долженъ уйти.

Она довѣрчиво протянула ему руку. Ему захотѣлось коснуться ея пальцевъ губами, но онъ только бережно ихъ пожалъ и медленно поднялся въ свою комнату.

„Что было со мною весь день? Какой иллюзии я поддавался?“ спрашивалъ онъ себя, лежа съ раскрытыми, лихорадочно блестящими глазами на кровати: „Вѣдь ясно, что Вѣрочка не можетъ любить меня, что ничто, ничто не измѣнилось въ моей ужасной судьбѣ... Вѣдь завтра... сейчасъ могутъ придти сюда и взять меня на ея глазахъ. Я долженъ покончить съ собою, или бѣжать въ Европу... Ахъ, если-бы Вѣрочка любила меня... согласилась бѣжать со мною! Тогда у меня хватило-бы энергіи спастись, все перенести. Только вотъ... если-бы Вѣрочка любила меня, она не согласилась-бы бѣжать... Она послала-бы меня на муку искупленія. Я это чувствую... знаю..“

Онъ не спалъ всю ночь. Темныя силы полного душевной растерянности и внутренняго отпора страданія жестоко пытали его долгіе часы. Но подъ утро на него снизошло озареніе: онъ понялъ, что страдаетъ такъ невыносимо потому, что безсознательно стремится своею безсильной волей побороть въ себѣ чувство виновности, стремится вырваться изъ магическаго круга, обведеннаго вокругъ него совершеннымъ имъ преступленіемъ. Онъ понялъ, что только покорившись и добровольно принявъ на себя

всѣ самыя страшныя муки искупленія, онѣ снова обрѣтетъ душевный покой, снова займетъ свое мѣсто въ мірѣ. На мгновеніе онѣ душевно поднялся въ неизмѣримо высокую сферу духа. Глубокое, невыразимое ни словами, ни мыслями блаженство охватило все его существо и, дойдя до его земного сознанія, превратилось въ тихую умиротворенность. Утомленный ночными, лихорадочными мыслями, мозгъ его отказывался соображать, принимать рѣшенія, но Николай Петровичъ почувствовалъ, что съ этой минуты жизнь его приняла новое теченіе.

Когда онѣ спустился къ утреннему кофе, на блѣдномъ лицѣ его было новое выраженіе удивительнаго спокойствія и благодѣянія.

Вѣрочка вспыхнула, увидѣвъ его, и ласково протянула ему руку.

— Сегодня отличный день — уборка сѣна. Я ужасно люблю эту работу и буду помогать вамъ.

Весь день они провели въ полѣ. Работа спорилась. Солнце то пряталось за тучи, то ярко сверкало. Воздухъ былъ напоенъ медвянымъ запахомъ скошенныхъ травъ и цвѣтовъ.

Николай Петровичъ отдавался своей новой спокойной радости жизни, краткость которой онѣ непрерывно сознавалъ.

„Довѣрься своей судьбѣ“, твердилъ ему внутренний голосъ: „радуйся, отдыхай, пока не наступили еще страшные дни. Радуйся часамъ, минутамъ свободы, они сочтены...“

Къ обѣду Вѣрочка вышла вся въ розовомъ, сіяющая и душистая, какъ цвѣтокъ. Они просидѣли весь

вечеръ на ступенькахъ, лѣстницы въ тихой бесѣдѣ, рассказывая другъ другу множество важныхъ для нихъ пустяковъ и глубоко серьезныхъ вещей. Это стало для нихъ ежедневной любимой привычкой и они оба весь день нетерпѣливо ожидали вечера. Николай Петровичъ сознательно наслаждался этими послѣдними свѣтлыми часами своей свободной жизни. Вѣрочка радостно раскрывала ему свою душу и сама того не замѣчая, все больше отдавала ему свое сердце. Рядомъ съ нею онъ забывалъ свою муку и весь отдавался счастьемъ ея присутствія. Но по утрамъ, во время исполненія своихъ обязанностей на фермѣ, его часто, совершенно неожиданно для него самого, охватывали безумное смятеніе и тяжелая тоска. Бросая работу, онъ вдругъ поспѣшно уходилъ на набережную, или въ поле, гдѣ внезапно растерянно оставался съ дрожащими колѣнями, съ трудомъ перемогая чувство слабости и вытирая со лба холодный потъ. Иногда въ конторѣ, расплачиваясь съ рабочими, онъ не понималъ обращенныхъ къ нему словъ, и они подмигивали другъ другу за его спиной, указывая на лобъ.

Такъ шли дни, недѣли.

— Сегодня суббота, — сказала Вѣрочка какъ-то вечеромъ, усаживаясь на свою любимую ступеньку. — Завтра утромъ я, какъ каждое воскресенье, поѣду въ Міами къ обѣднѣ на своемъ маленькомъ Фордѣ. Обыкновенно меня сопровождаетъ Ясмина. Не хотите-ли завтра поѣхать со мною?

— Я не могу, — отвѣтилъ Николай Петровичъ,

сильно затягиваясь папирсой. — У меня завтра утромъ есть дѣло въ конторѣ.

— Вы слишкомъ прилежны. Праздники надо соблюдать.

— Послѣ завтрака я свободенъ. Хотите, поѣдемте на лодкѣ удить рыбу.

— Николай Петровичъ, голубчикъ, вы еще не получили письма отъ вашей матушки? — спросилъ, высунувшись изъ окна столовой, Анатолій Сергѣевичъ.

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ Николай Петровичъ. — Оно, вѣроятно, придетъ на будущей недѣлѣ.

— Хорошо-бы, а то могутъ выйти непріятности. Васъ могутъ втянуть Богъ знаетъ во что. Недавно во всей Флоридѣ отыскивали какого-то русскаго, Носкова. Здѣсь тоже были. Нашли-бы васъ безъ бумагъ, могли-бы арестовать.

Папирса выпала изъ пальцевъ Николая Петровича, но онъ даже не попытался поднять ее. Онъ весь задрожалъ мелкою мучительною дрожью.

— Ну такъ, голубчикъ, поторопите мамашу, — заключилъ Анатолій Сергѣевичъ, исчезая изъ окна.

— Напишите вашей мамѣ срочное письмо, — посоветовала Вѣрочка, не замѣчая его волненія въ темнотѣ. — Скажите мнѣ, Николай Петровичъ, вы очень любите вашу маму? Почему вы никогда не говорите о ней со мною?

— Потому, что я не могу говорить о ней... Не могу даже думать о ней, — съ мукой вырвалось у него.

— Простите... Я коснулась какой-то вашей раны.

— Нѣтъ... нѣтъ... Я скажу вамъ. Я не зналъ... долго не зналъ, что моя мать мнѣ такъ дорога, что я люблю ее не менѣе, чѣмъ... чѣмъ еще одно существо на свѣтѣ.

— У васъ есть... невеста? Подруга?

— На это я не могу отвѣтить вамъ...

Вѣрочка нахмурила брови, хотѣла отвѣтить что-то, но промолчала.

— Говорите-же о вашей мамѣ, — сказала она послѣ короткаго молчанія.

— Мама чудная женщина, Вѣра Анатольевна. Въ ней много общаго съ вами. У нея ваша глубина, ваша сила душевная. Только въ ней много наивности... романтизма. Она настоящая женщина прошлаго поколѣнія... Въ ней много нѣжности... Она сентиментальна. Однако, она героично переноситъ свою ужасную судьбу и страдаетъ только за меня. Всю свою жизнь она прожила для меня, отдавая мнѣ всѣ свои заботы, всѣ свои мысли... Я принималъ это, какъ должное... Чѣмъ-же я отплачу ей? Какъ вы думаете?

— Вашею любовью, конечно... Но не будемъ больше говорить объ этомъ. Я вижу, что вамъ почему-то больно...

— Скажите, Вѣра Анатольевна, что это за... Носковъ, о которомъ только-что говорилъ вашъ отецъ? Я не понимаю.

— Несчастный какой-то. Заманилъ дѣвушку

подъ мостъ, убить, ограбить... Какіе страшные бываютъ люди..,

„Сказать? Сказать ей?“ — пронеслось въ мозгу Николая Петровича Но эта безумная мысль такъ испугала его, что онъ вскочилъ на ноги и сталъ прощаться.

Когда на другое утро Николай Петровичъ вошелъ въ столовую, онъ засталъ въ ней Вѣрочку, которая въ воздушномъ голубомъ платьѣ и широкополой шляпѣ, звеня всѣми своими браслетами, допивала кофе.

— Я ужасно спѣшу, — протянула она ему лѣвую руку, — Ясмину уже ждетъ меня въ автомобилѣ. Я проспала сегодня. Хорошъ будильникъ!

— Вѣра Анатольевна, у меня къ вамъ просьба, — улыбаясь обратился къ ней Николай Петровичъ. — Могу я вамъ дать маленькое порученіе?

— Конечно.

— Пока вы будете въ церкви, пошлите Ясмину по этому адресу, вотъ съ этимъ конвертомъ. Пусть она отдастъ его слугѣ, который откроетъ ей дверь и молча удалится. Это все.

— Вы знакомы съ мистеромъ Дорномъ? Съ этимъ миллионеромъ?

— Я служилъ у него нѣсколько дней и по разсѣянности захватилъ съ собою какой-то путеводитель и нѣсколько счетовъ. Если Ясмину тамъ кто-нибудь спроситъ, гдѣ я, пусть прикинется нѣмой. Мистеръ Дорнъ очень неохотно отпустилъ меня и

узнавъ мой адресъ, навѣрно, сталь-бы пробовать вернуть меня.

— Ну ужъ нѣтъ. Мы васъ больше никуда не отпустимъ. Ручаюсь, что Ясмينا не откроетъ тамъ рта. До свиданія, — крѣпко пожавъ его руку, она выбѣжала изъ столовой.

Подойдя къ окну, Николай Петровичъ смотрѣлъ, какъ она усаживалась въ автомобиль, какъ взялась за volantъ, какъ покатился миниатюрный экипажъ къ залитой солнцемъ полянкѣ и загнулъ въ аллею.

„Съ помощью Вѣрочки начинается совершаться моя судьба,“ подумалъ Николай Петровичъ. „Я только что сдѣлалъ первый шагъ на Голгофу. Теперь бѣгство уже невозможно. Черезъ часъ паспортъ Дорна будетъ въ его рукахъ. Къ нему приложенъ конвертъ съ деньгами Коринны, на которомъ печатнымъ почеркомъ надписанъ ея адресъ. Это не втянетъ Коринну ни въ какія неспріятности. Вѣдь за Дорномъ не слѣдятъ. Это все ликвидировано, кажется, довольно удачно. Теперь мнѣ остается только спокойно ждать надвигающихся событій...“

Николай Петровичъ медленнымъ шагомъ прошелъ черезъ всю ферму, узкой тропинкой, бѣгущей черезъ бамбуковую рощу, спустился къ океану и растянувшись тамъ на песчаной дюнѣ, отдался привычному ему теперь оцѣпенѣнію страданія.

Вѣрочка вернулась къ завтраку оживленная и веселая.

— Все въ порядкѣ. Все, какъ вы хотѣли, — шепнула она Николаю Петровичу, когда онъ занялъ свое мѣсто рядомъ съ нею за столомъ.

— У васъ уже секреты отъ меня? — усмѣхнулся изъ-за газеты Анатолій Сергѣевичъ. — Ахъ, молодежь, молодежь! А сегодня опять цѣлый столбецъ объ этомъ Носковѣ. Какъ въ воду канулъ. Обшарили всю Америку. Не нашли. Навѣрно удралъ въ Европу. Хорошъ мальчикъ.

— Позвольте мнѣ посмотрѣть, — хорошо владея собою, попросилъ Николай Петровичъ и скрылъ за печатнымъ листомъ свое поблѣднѣвшее подъ загаромъ лицо. Сердце его радостно билось: опасность отодвинулась... Его больше не ищутъ во Флоридѣ. Похоже, что это не ловушка. Можно хоть на время вздохнуть... Вырвать еще нѣсколько свѣтлыхъ дней у судьбы...

— Николай Петровичъ, читать за завтракомъ разрѣшается только съ пятидесяти лѣтъ, — строго обратилась къ нему Вѣрочка.

Онъ повиновался.

Анатолій Сергѣевичъ отказался принять участие въ задуманной Николаемъ Петровичемъ и Вѣрочкой рыбной ловлѣ и они отправились на нее одни, захвативъ съ собою цѣлую корзину провизіи и какія-то замысловатыя сѣти.

Вѣрочка сама очень дѣловито запустила ихъ въ воду, потомъ улыбающаяся и счастливая усѣлась за руль. Николай Петровичъ сѣлъ за весла и сталъ медленно грести куда-то къ горизонту, въ изумрудную даль.

„Никогда-бы не забыть этой минуты,“ промелькнуло у него въ головѣ. „Не забыть этого чувства блаженной душевной легкости и обереженности... Я

еще свободенъ... свободенъ,, Одинъ съ Вѣрочкой между моремъ и небомъ... Одинъ съ нею во всемъ мірѣ...“

— О чемъ вы думали сейчасъ? — улыбнулась ему Вѣрочка изъ-подъ широкихъ полей своей шляпы. — У васъ такое счастливое лицо.

— Я думалъ о томъ, что... счастливъ, — тихо отвѣтилъ онъ.

— И я... Я никогда еще... Не знаю почему, — Вѣрочка смущенно замолкла и, склонившись къ водѣ, опустила въ нее свою смуглую, тонкую руку съ звенящими браслетами.

Николай Петровичъ поблѣднѣлъ отъ внезапно охватившаго его волненія: въ первый разъ ему пришла мысль о возможности Вѣрочкиной взаимной любви, но онъ тотчасъ-же отбросилъ ее: „Вѣрочка уже любитъ другого... Такія, какъ она, не измѣняютъ. Она просто хотѣла сказать мнѣ что-нибудь доброе, не нашла, что сказать, и растерялась,“ старался онъ успокоить себя: „Вѣрочка милая, довѣрчивая, чистая... Ахъ, если-бы можно было сейчасъ ей все сказать, какая-бы это была благоговѣйная, исходящая изъ самой сокровенной глубины сердца исповѣдь... Вѣрочка все-бы поняла. Отпустила-бы грѣхъ... Но въ какой безграничный ужасъ погрузилась-бы ея свѣтлая душа. Нѣтъ, нѣтъ... было-бы жестокостью, было-бы преступною слабостью разрушать ея покой. Нѣтъ, пусть не узнаетъ она никогда.... Пусть сохранитъ обо мнѣ хорошее воспоминаніе...“

Вѣрочка все еще держала руку въ водѣ и неот-

рывно смотрѣла на свои розовые палыцы, на бѣгущія по нимъ сверкающія струи. Сначала она была только смущена своею неловкой, недоговорсиной фразой, но вдругъ осознавъ весь глубокій смыслъ своихъ недосказанныхъ словъ поняла, что любить Николая Петровича. Это такъ сразило ее, что лишило ее мыслей. Сердце ея билось такъ сильно, что ей трудно было дышать.

Николай Петровичъ поднялъ весла на уключины, раскурить трубку и замеръ въ неподвижности, любяся Вѣрочкинымъ нѣжнымъ профилемъ, всею ея изящной и сильной фигурой, все еще склоненной къ водѣ.

Выпуклая блѣдно-зеленая поверхность океана была спокойна. Лодка колыбалась слегка. Совсѣмъ близко отъ нея плеснулась крупная рыба, сверкнула брызгами и чешуей, потомъ кинулась въ глубину, оставляя за собою на водѣ блестящій, быстро растающий кругъ.

— Вѣра Анатольевна, можно мнѣ теперь спросить васъ, о чемъ вы думаете? — бережнымъ голосомъ протворилъ Николай Петровичъ.

— Нѣтъ. Не спрашивайте меня. Я не могу отвѣтить вамъ, — съ трудомъ отвѣтила Вѣрочка, снимая шляпу и проводя влажною рукою по волосамъ.— У меня разболѣлась голова. Какъ это несносно.

— Вы хотите вернуться домой?

— Нѣтъ... нѣтъ... Здѣсь такъ хорошо. Расскажите мнѣ, почему вы не остались у Дорна?

— Не знаю... Это со мною бываетъ... Я долго живу гдѣ-нибудь, привыкаю къ людямъ, къ мѣсту...

И вдругъ потянетъ меня вдаль... На большія дороги, — невѣрнымъ голосомъ началъ фантазировать Николай Петровичъ.

„Отличный случай, чтобы приготовить ее къ моему внезапному уходу,“ съ болью въ сердцѣ подумалъ онъ.

Вѣрочка вскинула на него удивленный взглядъ.

— Значитъ, вы и отъ насъ можете такъ уйти? — дрогнувшимъ голосомъ спросила она.

— Это можетъ случиться, Вѣра Анатольевна. Тогда не поминайте меня лихомъ.

— Я не понимаю васъ... Я совсѣмъ не понимаю васъ, — вспыхнула она. — Вы такой культурный... Такой... И вдругъ, большія дороги, точно босякъ.

— Да, я бродяга, Вѣра Анатольевна. Наружность обманчива... Вѣдь вы совсѣмъ не знаете меня... Помните, я разъ уже сказалъ вамъ, что вы слишкомъ довѣрчивы, — съ болѣзненнымъ желаніемъ страдать еще сильнѣе, горько усмѣхнулся Николай Петровичъ.

„Онъ правъ,“ съ испугомъ и удивленіемъ подумала Вѣрочка: „Я совершенно не знаю его, не знаю его прошлаго. Я люблю чужого человѣка... Какъ же это?“

Выронивъ шляпу изъ рукъ, она скрестила ихъ на груди и скорбно задумалась, забывъ о присутствіи Николая Петровича.

„Она любитъ, любитъ меня,“ озарила ликующая увѣренность его умъ. Но горячая радость его мгновенно превратилась въ отчаяніе.

„Вотъ оно искупленіе мое... Вотъ оно мое про-

клятѣ,“ подумаль онъ и такъ крѣпко стиснулъ сильныя челюсти, что между ними треснулъ янтарный мундштукъ: „Если-бы я былъ сейчасъ достоинъ ея, какое невѣроятное счастье ожидало-бы меня. Теперь-же конецъ всему. Я долженъ бѣжать, или сказать ей все... Нѣтъ, это выше моихъ силъ...“

Бросивъ испорченную трубку въ воду, онъ сталъ грести, запуская весла глубоко въ воду. Ему казалось, что связанное съ этимъ усиліе смягчаетъ его душевную боль.

Вѣрочка пришла въ себя, растерянно взглянула на него.

— Николай Петровичъ, я сейчасъ все думала о томъ, что вы сказали мнѣ, — тихо произнесла она. — Вы почему-то хотите, чтобы я плохо думала о васъ. Но я думаю о васъ самое лучшее. Прошу васъ объ одномъ. Если вы рѣшитесь уйти отъ насъ, не уходите тайно. Проститесь со мною. Общайтесь мнѣ это...

Онъ поднялъ весла, провелъ платкомъ по влажному лбу.

„Сказать... сейчасъ все сказать...“ какъ въ бреду, смутно и быстро неслись мысли въ его мозгу: „Сказать или... О, попытка проклятая...“

— Николай Петровичъ? — протянула ему Вѣрочка руку.

„Молчать теперь, это обманъ,“ горячечнымъ бѣгомъ пронеслось у него въ головѣ: „Пусть узнаетъ все...“

Руки его соединились и сжались такъ, что хрустнули кости суставовъ.

— Вѣра Анатольевна, если-бы вы все знали обо мнѣ, вы навѣрно предпочли-бы, чтобы я ушелъ тайно...

— Нѣтъ, нѣтъ, — испуганно подняла она руки, прерывая его. — Молчите... Если у васъ есть тайна, я сейчасъ не способна принять ее, какъ надо...

Онъ сильно поблѣднѣлъ.

— Простите, — отчужденно проговорилъ онъ, — я очень распустилъ свои нервы и чуть не испортилъ вамъ прогулки. Мы совсѣмъ забыли о рыбной ловлѣ.

— Ахъ да, — придавая искусственное оживленіе своему голосу, воскликнула Вѣрочка. — Подождите грести, я посмотрю.

Перегнувшись къ водѣ, она стала перебирать сѣти, но руки ея дрожали, слезы горячо подступали къ глазамъ. Она чувствовала, что разочаровала Николая Петровича, что охваченная своими собственными переживаніями не сумѣла понять его и готова была разрыдаться.

„Какъ далека она отъ истины, отъ страшной истины,“ думалъ Николай Петровичъ: „Пока я не откроюсь ей, она улыбающаяся и счастливая будетъ стоять внѣ круга моей жизни. Только узнавъ правду, она войдетъ въ него. Войдетъ съ ужасомъ и отчаяніемъ. Этого не должно быть... У меня хватить мужества молча уйти отъ нея, чтобы не втянуть ее въ жуткій водоворотъ предстоящихъ мнѣ ужасовъ. Преступникъ одинокъ. Онъ заключенъ въ тайну своего преступленія и долженъ быть одинокимъ...“

— Представьте себѣ, ни одной рыбы, — пре-

рвалъ дрожащій голосъ Вѣрочки его мысли. — Что же теперь дѣлать? Давайте закусывать. Хотите? — Нѣтъ. Мнѣ хочется только курить.

Обшаривъ карманы, онъ нашелъ портсигаръ, закурилъ папиросу и жадно затянулся дымомъ. Ему было стыдно до муки, до боли стыдно своего такъ неловко оборвавшагося порыва. Если-бы у него былъ револьверъ подъ рукой, онъ былъ-бы способенъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Присутствіе Вѣрочки съ ея корзиной сладостей и фруктовъ стало ему невыразимо тягостно. Она-же, чтобы скрыть свою мучителъную растерянность, судорожно рылась въ пакетахъ. Дрожащія руки ея разсыпали печенье, фрукты, потомъ снова собирали ихъ и клали куда-то. Она сознавала, что необходимо неотложное объясненіе съ Николаемъ Петровичемъ, чтобы вернуть его довѣріе къ себѣ, но чувствовала, что только что соединявшая ихъ внутренняя связь оборвалась и это отнимало у нея рѣшимость. Если-бы она дала волю душившимъ ее слезамъ, онѣ-бы мгновенно нарушили создавшееся тяжелое настроеніе, бросили-бы къ ней Николая Петровича и этотъ новый порывъ, быть можетъ, навсегда соединилъ-бы ихъ. Но привычка владѣть собою не позволяла ей выдать себя и всѣ ея душевныя силы были направлены лишь на то, чтобы скрыть происходившее въ ней.

Николай Петровичъ внезапно пришелъ въ себя, обожженный окуркомъ догорѣвшей въ его губахъ папиросы и рѣзкимъ движеніемъ взялся за весла.

— Я думаю, намъ и правда лучше вернуться. У меня сильно разболѣлась голова, — сдержанно ска-

зала Вѣрочка. Она пробовала улыбнуться, но улыбка не держалась на ея губахъ.

Николай Петровичъ молча повернулъ лодку. Въ его взглядѣ появился тотъ холодный, стеклянный блескъ, который открываетъ пропасть между людьми.

Нескончаемо долгимъ показался имъ проплытый въ непрерывномъ молчаніи обратный путь.

Еле владѣя собою, Вѣрочка съ горькимъ недоумѣніемъ еще непознаваго страданія сердца, спрашивала себя, „почему“, „за что“ судьба превратила эту прогулку, сулившую ей столько радостей, въ такое тяжелое испытаніе.

VI

Нѣсколько дней спустя Николай Петровичъ позднимъ вечеромъ бродилъ у океана. Необъятное небо было все усыпано голубыми созвѣздіями. Они мерцали таинственно и печально. Иногда падающая звѣзда тонкимъ лучомъ пронизывала глубокій мракъ и разсыпалась блестящими искрами. Ароматная и теплая ночная тишина притаилась въ бездвижныхъ высокихъ камышахъ. Черная и тяжелая, какъ растворившійся ониксъ, вода океана шипящими пластами омывала песчаный берегъ.

На душу Николая Петровича снизошелъ великій покой рѣдкихъ минутъ полнаго сліянія съ природой. Онъ почувствовалъ себя охваченнымъ космическимъ трепетомъ. Потокъ ясныхъ и свѣтлыхъ мыслей озарилъ его умъ.

„Обреченный долженъ быть одинокимъ,“ думалъ онъ. „Въ этомъ его сила. Я одинъ долженъ пройти краткій путь, оставшійся мнѣ въ этомъ мірѣ... Одинъ подняться на Голгофу. Только громкое покаянiе вернетъ мнѣ спокойствіе, вновь сдѣлаетъ изъ меня человѣка. Нѣтъ, даже больше человѣка... Оно сдѣлаетъ изъ меня чистаго страдальца и подниметъ меня въ неизмѣримо высокую сферу духа. Не все кон-

чено для меня. Если я все приму на себя безъ ропота и страха, безъ возмущенія, въ моемъ подвигѣ искупленія будетъ сила и красота... Зачѣмъ же я медлю... Зачѣмъ живу паріемъ духа...“

— Николай Петровичъ! — раздался совѣмъ вблизи отъ него тихій и взволнованный голосъ Вѣрочки.

Она узкимъ бѣлымъ силуэтомъ стояла на тропинкѣ между камышами.

Николай Петровичъ вздрогнулъ весь. Ему тяжело было вернуться къ дѣйствительности. Онъ стоялъ передъ Вѣрочкой, не глядя на нее, не разжимая судорожно сжатыхъ челюстей.

Она робко коснулась его руки.

— Николай Петровичъ, за что? — голосомъ напоеннымъ внутренними слезами проговорила она. — Послѣ этой несчастной поѣздки на лодкѣ вы ни разу не пришли на наши ступеньки... Даже ни разу не заговорили со мной. Вы безпрестанно уединяетесь. Я была такъ одинока всѣ эти дни... Такъ несчастна...

— Вѣра Анатольевна, не надо... — съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Нѣтъ, я больше не могу молчать. Я знаю, тогда въ лодкѣ я не такъ приняла вашъ порывъ... Неужели вы не можете простить мнѣ моей невольной нечуткости? Повѣрьте, я не виновата въ ней... Все случилось потому, что въ то мгновеніе, когда ваша душа до краевъ переполнилась страданіемъ, въ моей внезапно вспыхнуло счастье... Я не скрою отъ васъ почему... Я все скажу вамъ...

— Вѣра Анатольевна, я не долженъ... Я недо-

стойнѣ слышать то, что вы можете сейчасъ сказать мнѣ, — разомъ пересохшими губами прервалъ онъ ее.

— Ахъ вотъ какъ! Вы не можете! Не хотите! Тогда... — съ мукой и горечью вскрикнула она и, рѣзко повернувъ ему спину, бросилась бѣжать.

Пронзенный ея болью и любовью къ ней, онъ чуть не кинулся за ней, но сдержался. Сила подавленного порыва была такъ велика, что онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Руки его судорожно скрестились и сжались на груди. Онъ долго стоялъ такъ безъ движенія, сисясь снова погрузиться въ состояніе душевнаго просвѣтлѣнія и подъема, охватившее его до прихода Вѣрочки. Но напрасно! Ярko вспыхнувшія въ немъ силы воли и мысли угасли, оставивъ за собою холодный перегаръ невыразимой душевной усталости. Однако рѣшеніе неотложно вступить на путь искупленія осталось въ немъ твердо. Съ трудомъ передвигая ноги, еле дыша отъ тяжести на сердцѣ, онъ направился къ фермѣ. Поднялся въ свою комнату, бездумно, еле сознавая то, что дѣлаютъ его руки, связалъ свои вещи и безшумно вышелъ изъ дома. Самъ не зная какъ, очутился подъ Вѣрочкинымъ окномъ. Изъ него доносились глухія рыданія. Оно было не высоко надъ землею. Приподнявшись немного, Николай Петровичъ могъ бы заглянуть въ него, позвать... Но онъ только припалъ головою къ холодной стѣнѣ и весь застылъ въ оцѣпенѣніи страданія послѣдняго прощанія съ тѣмъ, что дороже всего было для него въ той жизни земныхъ радостей и земной красоты, съ которой

онъ разставался навсегда. Въ этомъ нѣмомъ прощаніи съ любимой было и прощаніе съ міромъ такимъ, какимъ онъ былъ для него до сихъ поръ. Трудно было оторваться отъ этой бѣлой стѣны, за которой раздавались тихіе стоны и всхлипыванія самаго дорогого на свѣтѣ существа, трудно было сдѣлать отъ нея первый шагъ, который долженъ былъ превратить настоящее въ прошедшее. Онъ все сильнѣе прижимался къ ней, все сильнѣе ощущалъ ея пороховатую поверхность руками и лбомъ, въ которомъ что-то билось, какъ пульсъ, какъ нарывъ. Ему хотѣлось врости въ нее, остаться такъ навсегда. Но вдругъ какой-то тайный внутренній голосъ сказалъ ему: „пора“, и онъ отпалъ отъ нея, какъ отпадаетъ отъ вѣтви плодъ, когда наступаетъ на то его часъ. Николай Петровичъ отошелъ отъ дома и медленно, шатаясь, какъ пьяный, побрелъ черезъ цвѣтникъ, не оборачиваясь прошелъ полянку, темную и безлунную въ эту ночь, и завернулъ въ черную аллею. Потомъ скрипнула калитка, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ нее, и захлопнулась за нимъ навсегда.

Въ полѣ звѣзды опустились ниже къ землѣ. Только онѣ олицетворяли для Николая Петровича видимый міръ. Въ немъ самомъ и вокругъ него царилъ безвещественный мракъ небытія, ужасъ черной бездны. Его душа уединилась въ немъ и застыла въ мукѣ.

VII

Николай Петровичъ вернулся въ Нью-Йоркъ раннимъ утромъ. Несмотря на это, весь огромный городъ уже кипѣлъ механическимъ движеніемъ своихъ омнибусовъ, трамваевъ, автомобилей, лифтовъ, подъемныхъ мостовъ и казался навѣки заведенной гигантской механической игрушкой, въ которой неустанно бѣгали и метались маленькіе человѣчки.

Николай Петровичъ чувствовалъ себя безжизненной тѣнью среди всѣхъ этихъ куда-то стремящихся людей. По дорогѣ онъ растерялъ всѣ свои вещи, даже шляпу, и пріѣхалъ съ непокрытой головой. Какъ лунатикъ, спустившись съ лѣстницы вокзала, онъ сталъ бродить по ближайшимъ улицамъ, внимательно всматриваясь въ каждое зданіе, словно отыскивая что-то. Вдругъ онъ вздрогнулъ весь и остановился передъ закоптѣлымъ двухэтажнымъ домомъ съ бѣлымъ висячимъ фонаремъ надъ параднымъ входомъ. Изъ его широкой черной двери вышелъ полицейскій и остановился на порогѣ, рассматривая какіе-то документы. Николай Петровичъ поблѣднѣлъ и, заложивъ руки въ карманы, медленно пошелъ дальше, но, завернувъ за уголъ, прибавилъ шагу и почти бѣгомъ вернулся на вокзалъ, подозвалъ тамъ

къ себѣ посыльнаго и отправилъ его къ матери съ запиской, набросанной еще въ дорогѣ. Въ ней было только нѣсколько словъ: „Мама, жду тебя въ отелѣ Терминюсъ. Остановился тамъ подъ именемъ Лесли“. Онъ послалъ посыльнаго на прежній адресъ, къ мистрисъ Смисъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что мать еще тамъ, что она не двинулась съ мѣста, чтобы онъ сразу могъ ее найти, если она станетъ ему нужна. Конечно, его записку могла перехватить полиція, но у него не было другой возможности вызвать Марію Михайловну. Къ тому же онъ рисковалъ только тѣмъ, что полиція помѣшаетъ ему увидѣться съ матерью наединѣ. Ареста ему уже нечего было бояться. Онъ твердо рѣшилъ, послѣ свиданія съ матерью, отправиться въ ближайшее полицейское управленіе и назвать себя тамъ.

Отославъ посыльнаго, Николай Петровичъ перешелъ площадь и вошелъ въ скромную гостинницу, гдѣ занялъ дешевый номеръ. Удивленный его видомъ, директоръ заставилъ его заплатить за комнату впередъ.

Николай Петровичъ уже въ дорогѣ, когда минутами прояснялось его сознаніе и просыпалась его жизненная энергія, обдумалъ и безконечное число разъ перевернулъ въ головѣ каждый свой поступокъ по приѣздѣ въ Нью-Йоркъ, и теперь выполнялъ задуманное, какъ автоматъ. Но вдругъ больно вздрогнуло и задрожало его сердце: теперь былъ близокъ часъ, котораго онъ ожидалъ съ трепетомъ, часъ свиданія съ матерью. Онъ нервно сталъ маячить отъ

двери къ окну. Долго бѣгалъ такъ, измученный, голодный, немытый...

Тягучій часъ непрерывнаго, напраснаго ожиданія вымоталъ его окончательно. Ему казалось, что время не движется впередъ, а вращается вокругъ его муки. Онъ началъ думать, что Марія Михайловна больна, или уѣхала изъ Нью-Йорка и это приводило его въ отчаяніе.

Вдругъ раздался легкій шорохъ за дверью и въ комнату вошла худенькая старушка. Она не вскрикнула, не заплакала. Вошла, тихонько остановилась на порогѣ и точно замерла, не отрывая отъ сына померкшихъ глазъ.

— Мама! — молча крикнулъ онъ. Это слово больно оторвалось отъ его сердца, но съ губъ его не слетѣло ни звука.

Онъ медленно подошелъ къ ней. Крѣпко обнялъ. У обоихъ такъ дрожали ноги, что имъ трудно было стоять. Онъ повлекъ ее къ стоящему вблизи креслу, бережно усадилъ ее въ него, опустилсѣ передъ нею на колѣни и снова весь къ ней приникъ. Она прижимала его голову къ своей груди, въ которой больно замирало и билось ея истекающее кровью материнское сердце.

Они молчали долго.

— Не уберегла я тебя, Котикъ, — беззвучнымъ голосомъ проговорила наконецъ Марія Михайловна, — не уберегла. Вотъ что...

— Мама, да какъ же ты могла бы...

— Не знаю. Только вѣдь по моей винѣ ты увидѣлъ свѣтъ. Вотъ и должна я была тебя уберечь...

Всю свою жизнь, весь свой разумъ должна была на то положить, чтобы уберечь. А вотъ не уберегла!

— Мама... Мама!..

— Вотъ, вѣдь, Котикъ, наводненіе какое на тебя нашло! Бѣда какая надъ тобой стряслась... голубчикъ...

— Мама, ты поняла? Какъ ты могла понять?

— Все знаю, Котикъ. Все поняла. Нашло на меня вдругъ что-то, и поняла.

— Это же ясновидѣніе какое-то!

— Видно, не одной только плотью и кровью мы съ тобой связаны, Котикъ. Видно, и души наши гдѣ-то соединены.

— Мама, черезъ какую муку ты должна была пройти, чтобы такъ говорить!.. Мама, старушка моя... — Изъ горла его вырвалось судорожное рыданіе.

— Не кори себя, Котикъ. Видно, такъ намъ суждено. Бѣдный ты мой! Лицо какое у тебя изнуренное. Голодень небось. Дай я уложу тебя въ постель. Накормлю.

Онъ вскочилъ на ноги.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно! Мнѣ некогда. Видишь ли, я долженъ...

Она задрожала всѣмъ тѣломъ, вся потянулась къ нему.

— Котикъ, не ходи туда... Они не поймутъ тебя, замучать, запрутъ. Передъ Господомъ Богомъ ты покайся самъ. Что тебѣ до людей. Не давайся имъ въ руки. Они тебя погубятъ, они тебѣ и раскаяться-то не дадутъ, просто... убьютъ, — голосъ ея

оборвался. Глаза съ обезумѣвшей болью смотрѣли на сына.

Закрывъ лицо руками, онъ тихо застоналъ. Она привлекла его къ себѣ, прильнула лицомъ къ его волосамъ.

— Слушай, Котикъ, я видѣлась съ Коринной.

Николай Петровичъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе:

— Нѣтъ, мама, тамъ все кончено. Послѣ этого приключенія я встрѣтилъ дѣвушку, которую люблю. Съ Коринной я провелъ рядъ ужасныхъ дней-кошмаровъ. Не напоминай мнѣ о ней!

— Котикъ, она любитъ тебя такъ глубоко и безкорыстно. Она не надѣется ни на что. Она такъ страдала за тебя все это время. Достала тебѣ подложный американскій паспортъ, чтобы ты могъ бѣжать въ Австралію. Это безопасно. Дала мнѣ денегъ для тебя.

— Зачѣмъ? Вѣдь я уже разъ отослалъ ей ея деньги.

— Котикъ, умоляю тебя, не расставайся добровольно со свободой!

— Добровольно? О, нѣтъ! Это не моя свободная воля посылаетъ меня туда, а что-то властное, сильное, чего я послушаться не могу. Жажда покаянія тяжелымъ гнетомъ лежитъ на моей душѣ, виситъ надо мною, какъ неизбѣжный рокъ. Я долженъ покаяться, долженъ говорить, кричать о своемъ преступленіи... иначе я задохнусь.

— Котикъ, родной мой, подумай только, насиліе, тюрьма... Страшно потерять свободу... Быть пойманнымъ.

— Да я уже пойманъ... Съ той проклятой ночи мнѣ все чудится, что изъ невѣдомаго пространства устремлены на меня безчисленные, безпощадные глаза. Что щипкія руки тянутся ко мнѣ, чтобы меня схватить. Мама, да ты не знаешь... Я не вынесу этой пытки...

Николай Петровичъ уронилъ лицо на колѣни матери. Глухія всхлипыванія потрясали его тѣло. Бурно и неистово билось въ немъ отчаяніе.

Марія Михайловна сидѣла бездвижно, какъ окаменѣлая. Только исхудавшая рука ея безпрестанно проводила по спинѣ сына и онъ постепенно сталъ затихать подъ этимъ обезболивающимъ поглаживаніемъ.

— Я знаю, что ты пойдешь, Котикъ, русская у тебя покаянная душа, — тихо заговорила она наконецъ. — Знаю, что ничто не удержитъ тебя. Обь одномъ только прошу тебя, подари мнѣ хоть день. Выспись, отдохни, тогда обсудимъ все опять. А сейчасъ, дай-же мнѣ уложить тебя, походить за тобою, какъ когда ты былъ маленькій. Утѣшь меня, старуху.

Николай Петровичъ поднялъ голову, взглянулъ на нее воспаленными глазами и снова уронилъ лицо на ея колѣни. Онъ былъ близокъ къ потери сознанія. Марія Михайловна помогла ему подняться.

Черезъ полчаса онъ уже тепло укрытый лежалъ въ кровати. Марія Михайловна безшумно хлопотала вокругъ него, поила его горячимъ бульономъ. Губы ея безсвязно роняли слова ласки и утѣшенія.

Николай Петровичъ лежалъ бездвижно, пріятно

ощущая теплоту и спокойствіе своего тѣла. Близость матери, ея уходъ переносили его въ далекое дѣтство, давали ему чувство безмятежной обереженности. Его запекшіяся губы слабо улыбнулись:

— Мама, расскажи мнѣ, какъ ты жила.

— У Смисихи я осталась. Все ждала, что позовешь. Да и ей раскаяться надо дать. Іудой она себя чувствуетъ. Не знаетъ, какъ угодить мнѣ.

— Она исполнила свой гражданскій долгъ.

— Нѣтъ, только изъ жадности къ деньгамъ она тебя, Котикъ, предала. А теперь только и говоритъ, какъ-бы тебя укрыть, какъ-бы тебя спасти. Да что о ней, что обо мнѣ? Ты мнѣ расскажи. Вотъ ты мнѣ намекнулъ... Какъ-же зовутъ ее, мою дочку?

— Вѣрочкой.

— Вѣрочкой? — съ нѣжностью повторила Марія Михайловна.

— Да, Вѣрочкой. Только дочкой твоей она никогда не будетъ.

— Какъ знать, Котикъ? Вотъ если рѣшился-бы ты бѣжать въ Австрію...

— Относительно Австріи, Вѣрочка разошлась-бы съ тобой во взглядѣ, мамочка. У нея чистая и суровая душа. Она ищетъ трудныхъ путей и осудила бы малодушіе, бѣгство... При ней мнѣ становилось стыдно даже мысли о немъ.

— Да, если она тебя любитъ, Котикъ, какъ-же это?

— Мы ни слова не сказали другъ другу о любви...

Николай Петровичъ съ тихою радостью въ

сердцѣ сталъ разсказывать матери о своей встрѣчѣ съ Вѣрочкой, о своихъ долгихъ разговорахъ съ ней.

Марія Михайловна не перебивая слушала его то молча кивая, то улыбаясь одними глазами. Несмотря на муку, разрывавшую его, сердце ея было полно счастьемъ этой довѣрчивой близости сына. Ахъ, если-бы можно было остановить время! Если-бы можно было всегда, всегда такъ сидѣть рядомъ съ нимъ и слушать.

Но было уже поздно. За окнами совсѣмъ стемнѣло. Марія Михайловна вынула изъ сумочки свои карманные часы.

— Уже восемь часовъ, — вздохнула она, — я должна идти, Котикъ.

— Уже? — испугался онъ.

— Я бы рада всю ночь у тебя просидѣть. Только боюсь хватится меня Смисиха, по глупости шумъ подыметъ, станетъ меня искать и найдутъ насъ здѣсь, спаси Богъ. Когда пришелъ твой посыльный ея дома не было и лучше такъ. Ну Господь съ тобою.

Онъ приподнялся съ подушекъ, облокотился на локоть, хотѣлъ что-то сказать, что-то трудное, что не сходило съ губъ.

Въ глазахъ ея снова появился страхъ, она подошла къ сыну, обняла его:

— Вѣдь ты не встанешь, не пойдешь туда, не свидѣвшись со мною. Обѣщай мнѣ. Хотя ради Вѣрочки обѣщай мнѣ. Котикъ, пожалѣй-же меня старуху.

Весь блѣдный онъ упалъ на подушки.

— Общаю...

Сама удивляясь своей смѣлости, она стала покрывать поцѣлуями его плечи, его руки.

— Котикъ... Котикъ... мой единственный. Мученикъ ты мой бѣдный.

Они плакали вмѣстѣ, горячо, безутѣшно...

Наконецъ она оторвалась отъ него.

— Ну, мнѣ пора. Я завтра рано приду. Часовъ въ семь.

Марія Михайловна медленно одѣлась, невѣрною походкой пошла изъ комнаты и съ порога перекрестила сына въ послѣдній разъ. Потомъ закрыла за собою дверь.

Въ корридорѣ нѣсколько секундъ раздавались ея шаги. Когда они затихли, Николай Петровичъ устало закрылъ глаза:

„Ахъ, если-бы могла отлетѣть отъ меня сейчасъ жизнь,“ съ безконечною жаждой полнаго забвенія подумалъ онъ.

Но сознаніе только на короткое время покинуло его и онъ погрузился въ глубокій черный сонъ безъ сновидѣній.

Нѣсколько часовъ спустя Николай Петровичъ проснулся, какъ то сразу, точно отъ внутренняго толчка. Опьяненіе сна мгновенно отлетѣло отъ него. Онъ поспѣшно спустилъ ноги съ кровати и безсознательно, дрожа нервною дрожью, сталъ торопливо одѣваться. У него не было ни единой ясной мысли въ головѣ. Обрывки представленій лихорадочно сливались, какъ сонъ наяву.

„Надо... надо...“ тупо повторялъ онъ себѣ, Надо...“

Потомъ остановился посреди комнаты, сжалъ виски руками:

„Что-же надо? Что?“ Однако ему такъ и не удалось выдать отвѣта изъ своего измученнаго мозга.

Онъ обвелъ глазами комнату, отыскивая потерянную въ дорогѣ шляпу, не найдя ее обѣими руками, какъ-то безпомощно, пригладилъ волосы и стремительно выпшелъ въ узкій, тускло освѣщенный ночью лампой корридоръ. У многихъ номерованныхъ дверей стояла аккуратно выставленная для чистки запыленная обувь. Взглядъ Николая Петровича случайно остановился на ярко-красныхъ туфелькахъ. У него захватило дыханіе отъ боли въ сердцѣ.

„Вѣрочка... Ну что-же...“

Въ передней ночной швейцаръ, занятый приемомъ вновь прибывшихъ гостей, положительно онемѣлъ отъ удивленія, когда онъ увидѣлъ Николая Петровича, который безъ шляпы и воротничка, какъ-то боязливо озираясь, проскользнулъ въ вертящуюся стеклянную дверь, промелькнулъ подъ свѣтомъ фонаря и канулъ въ ночь.

— Что это за странный человѣкъ? — мотнулъ ему вслѣдъ головою новоприбывшій господинъ. — Онъ похожъ на сумасшедшаго. Вамъ-бы не слѣдовало выпускать его.

Швейцаръ, непріятно задѣтый вмѣшательствомъ посторонняго, только пожалъ плечами.

На улицѣ моросилъ дождь. Было холодно. Николай Петровичъ поднялъ воротникъ и, засунувъ руки въ карманы, быстро шагаль по мокрой панели. Глаза его внимательно вглядывались въ пушистое сіяніе уличныхъ фонарей.

— Десять. Странно, что ихъ десять въ каждой улочкѣ, — громко проговорилъ онъ и испугался своего голоса.

„А вотъ тутъ только одинъ фонарь виситъ молочный“, подумаль онъ ужъ про себя, „Молочный? какъ странно. Развѣ такъ говорятъ, „молочный“? Кажется говорятъ, раздумываль онъ разсматривая круглый фонарь, покачивающійся и мигающій надъ широкою черною дверью, передъ которой онъ остановился.

Это была дверь разысканнаго имъ утромъ полицейскаго управленія. Онъ понялъ. Вздрогнулъ:

„Какъ, развѣ я все-таки хотѣлъ... Я же обѣщаль мамѣ... Надо...“

Онъ, какъ утромъ, поспѣшно завернулъ въ переулочекъ, ведущій къ вокзалу. Онъ испугался себя. Ему захотѣлось очутиться въ какомъ-нибудь центрѣ, гдѣ была жизнь, захотѣлось людей, толпы... Однако увидѣвъ ярко освѣщенное зданіе вокзала и подъѣзжающую къ нему вереницу автомобилей, онъ снова завернулъ въ какую-то темную улочку и пошелъ прямо передъ собой, куда-то наугадъ. Мысли его стали проясняться.

„Если идти на покаяніе... на искупленіе, надо не такъ... Не такъ, какъ очумѣлый, а съ твердой, ясной волей. Я долженъ это сдѣлать... покаянно.

Да, покаянно... А что, если эта потребность покаянія, эта потребность отдаться въ руки судьей, не дѣйствительная потребность моей души, а опять какая-нибудь навязчивая идея, которую я не могу побороть и которая влечетъ меня предать себя въ руки людей, которые будутъ мучить меня... Какъ это понять? Какъ въ это проникнуть? Ясно одно, мнѣ нѣтъ иного пути, какъ туда. Допокаянный періодъ жизни изжить до конца... Вернуться назадъ, вернуться даже только въ гостиницу немислимо. Мама... проститься съ нею... Нѣтъ, и съ нею все сказано... Все кончено... Теперь, или самоубійство, или искупленіе..."

Въ концѣ переулка матово засвѣтился, уже такъ жутко знакомый, молочный шаръ надъ черною дверью. Онъ притягивалъ, манилъ, но въ немъ было что-то бредовое, погребальное. Николая Петровича охватило то гнетущее чувство, которое бываетъ во снѣ, когда видишь собственное погребеніе, свой гробъ, свою могилу, когда хочется вскрикнуть отъ ужаса, проснуться, но нѣтъ на это силы и продолжаешь молча, бездвижно двигаясь, или не трогаясь съ мѣста присутствовать на своихъ похоронахъ.

Молочный фонарь все увеличивался, стало замѣтно его мѣрное покачиваніе; въ его налитомъ свѣтомъ шарѣ билась какая-то легкая тѣнь.

„Бабочка“, подумалъ Николай Петровичъ. „Развѣ во снѣ бываютъ бабочки? Ахъ, впрочемъ это не сонъ... Виноватъ..." Извинился онъ передъ собою. „Фу, вздоръ какой..."

Рука его въ это время безсознательно раскрыла

черную дверь и ему показалось, что когда-то онъ уже точно такъ-же открылъ ее, точно такъ-же уже поднимался по каменной лѣстницѣ. Не успѣлъ онъ еще подняться на площадку, какъ находящаяся на ней дверь разлетѣлась настежь. Изъ нея выскочилъ всклокоченный человѣкъ съ искаженнымъ, позеленѣвшимъ отъ ужаса лицомъ. Вслѣдъ за нимъ выскочило нѣсколько полицейскихъ. Они мгновенно окружили его, сдавили и вдвинули обратно въ дверь. Все это произошло въ полной тишинѣ. На площадкѣ слышно было только тяжелое шарканье ногъ и усиленное дыханіе борющихся. Однако, когда закрылась за ними дверь, за нею послышался протяжный, заглушенный стонъ.

Поблѣднѣвъ до синевы Николай Петровичъ, какъ окаменѣлый, стоялъ прислонившись спиною къ периламъ. Ему было дурно; холодный потъ покрывалъ все его тѣло; чувство тошноты сводило его желудокъ и горло. Руки его дрожали мелкою дрожью. Войти въ пріемную полицейскаго управленія казалось ему теперь невыполнимымъ, но и спуститься съ лѣстницы запрещала ему все та-же находящаяся внѣ его сознанія воля, которая привела его сюда.

Черная входная дверь растворилась и тотчасъ-же автоматически захлопнулась за высокимъ широкоплечимъ человѣкомъ, который сталъ неторопливо подниматься по лѣстницѣ. Дойдя до Николая Петровича, онъ остановился и смѣрилъ его опытнымъ, оцѣнивающимъ взглядомъ. Что-то волчье вспыхнуло въ его узкихъ сѣрыхъ глазахъ.

— Вы кого-нибудь здѣсь ожидаете? — вѣжливо спросилъ онъ, однако Николай Петровичъ почувствовалъ, что эти незначительныя слова приковываютъ его къ мѣсту, навсегда лишаютъ его свободы. Онъ съ трудомъ опустилъ глаза и опустивъ ихъ испыталъ облегченіе, но слова не шли съ его судорожно сжатыхъ губъ.

— Не могу-ли я быть вамъ полезнымъ? Что вамъ угодно здѣсь? — еще вѣжливѣе спросилъ господинъ.

— Я имѣю сдѣлать сообщеніе, — выговорилъ Николай Петровичъ съ усиліемъ, глухимъ голосомъ.

— Ахъ, вотъ какъ? Вы ко мнѣ? Я комиссаръ Берентъ и пришелъ замѣнить моего коллегу. Прощу васъ пройдемте въ мой кабинетъ.

— Но... — попытался возразить Николай Петровичъ.

— Идемте, идемте. Я весь къ вашимъ услугамъ. — Комиссаръ мягкимъ, почти дружескимъ движеніемъ продѣлъ лѣвую руку подъ его локоть, правою открылъ дверь и звелъ его въ пріемную. Тамъ было тихо и безлюдно. За длиннымъ столомъ молодой полицейскій въ формѣ что-то записывалъ въ журналъ, другой въ статскомъ телефонировалъ требуя присылки тюремной кареты.

У Николая Петровича промелькнула мысль оттолкнуть комиссара и пуститься бѣжать, но онъ вспомнилъ только что происшедшую на площадкѣ сцену и покорно вошелъ вслѣдъ за комиссаромъ въ большую комнату, въ глубинѣ которой на письменномъ столѣ горѣла лампа подъ зеленымъ стеклян-

нымъ абажуромъ. За нею мелькнули очки, лысина и блестящія пуговицы дежурнаго комиссара. Зеленый абажуръ вдругъ колыхнулся, поднялся и зеленой радугой устремился къ потолку. Николай Петровичъ потерялъ сознаніе.

VIII

Когда Николай Петровичъ вернулся послѣ перваго допроса въ свою камеру, преобладающимъ въ немъ чувствомъ было холодное, опустошающее разочарованіе.

Прежде, вынашивая свое покаяніе, онъ, думая о своихъ судьяхъ, представлялъ ихъ себѣ либо ѣдкими, озлобленными, желающими погубить его людьми, либо строгими, но справедливыми и доброжелательными, стремящимися вникнуть въ его переживанія въ минуту преступленія и понять ихъ. Онъ видѣлъ себя горячо и покаянно обличающимся и оправдывающимся передъ ними. Въ дѣйствительности все оказалось иначе. Допрашивавшій его судебный слѣдователь, изящный смуглый человѣкъ въ темныхъ роговыхъ очкахъ, задавалъ ему вопросы такъ сдержанно, такъ вѣжливо и такъ равнодушно, что Николай Петровичъ внутренне застылъ. Всѣ приготовленныя имъ фразы оправданія стали казаться ему невозможными и неубѣдительными. Совершенное преступленіе въ первый разъ вышло изъ тумана его личныхъ переживаній и предстало передъ нимъ въ своей страшной реальности. Онъ самъ разомъ оказался передъ собой не мученикомъ мгновен-

наго навожденія, а самымъ обыкновеннымъ, самымъ гнуснымъ преступникомъ.

Уронивъ голову на столъ, Николай Сергѣевичъ сталъ припоминать обрывки допроса.

— Сколько вы дали выстрѣловъ по Моникѣ Динтонъ? — спросилъ слѣдователь, играя карандашемъ.

— Одинъ... Кажется одинъ... Нѣтъ — два. Въ первый разъ курокъ не поддался...

— Почему только два? Вы сейчасъ-же убѣдились въ томъ, что Моника Динтонъ мертва?

— Нѣтъ, я не видѣлъ ее мертвой. Выстрѣливъ, я бросилъ револьверъ и пустился бѣжать.

— А какъ-же деньги?

— Я уже говорилъ вамъ... Деньги были у меня въ карманѣ.

— Ахъ-да. Прошу васъ повторить мнѣ все это еще разъ подробно.

Слушая допрашиваемого, слѣдователь казался гораздо болѣе поглощеннымъ своимъ разщелившимся ногтемъ на лѣвой рукѣ, чѣмъ страшнымъ рассказомъ Николая Петровича. Когда тотъ замолкъ, онъ вдвинулъ очки глубже на переносицу, медленно потеръ руки и откинулся на спинку стула.

— Значить, можно застенографировать, что вы убили Моника Динтонъ для того, чтобы не отдать ей довѣренныхъ вамъ ею денегъ и чтобы присвоить ихъ себѣ?

— Я убилъ ее въ минуту полного умственного затменія.

— Однако вы не забыли взять съ собою ее су-

мочку. Скажите, вы подняли ее съ земли, или Моника Динтонъ еще держала ее въ рукахъ?

— Я не бралъ ея сумочки. Я даже не видѣлъ ее.

— Странно, всѣ свидѣтели утверждаютъ, что въ этотъ вечеръ у миссъ Динтонъ была зеленая сумочка въ рукахъ. Эта сумочка безслѣдно исчезла. Какъ вы себѣ это представляете?

Николай Петровичъ недоумѣвающе пожалъ плечами.

— Мистеръ Носковъ, вы сознались въ тяжеломъ преступленіи. Почему-же вы такъ упрямо оспариваете тотъ незначительный фактъ, что вы присвоили себѣ сумочку убитой, надѣясь найти въ ней деньги.

Вспомнивъ эти слова слѣдователя, Николай Петровичъ ударилъ кулакомъ по столу, вскочилъ на ноги и сталъ мучительно метаться по камерѣ.

Такъ часто повторенное слѣдователемъ имя Моника Динтонъ, какъ заклинаніе, вернуло къ жизни, постепенно превратившійся для Николая Петровича въ страшный, недѣйствительный призракъ образа молодой дѣвушки. Она промелькнула въ его воображеніи жизнерадостной, довѣрчиво тянущейся къ нему и онъ, вдругъ, почувствовалъ себя пронзеннымъ жгучимъ отчаяніемъ непоправимаго. Какихъ мукъ не принялъ-бы онъ на себя сейчасъ, чтобы вернуть ее къ жизни! Подойдя къ стѣнѣ онъ прижался къ ней лбомъ, потомъ медленно сталъ ударяться о нее головою, раскатываясь все ритмичнѣе, все сильнѣе. Заглянувшій въ оконце двери тюремщикъ бросился въ камеру и, схвативъ Николая Петровича за плечи,

пытался оторвать его отъ стѣны; тотъ долго, ожесточенно боролся съ нимъ, потомъ сразу обезсилилъ, упалъ на каменный полъ и забился въ бѣшеное, съ дикимъ воемъ, припадкѣ.

Когда онъ пришелъ въ себя на койкѣ, пахло дезинфицирующимъ средствомъ. Кто-то бережно перевязывалъ ему болящую голову марлевымъ бинтомъ. Склонясь надъ нимъ стоялъ немолодой, очень блѣдный человѣкъ, тюремный докторъ мистеръ Марчъ. Бѣлокурые волосы его были гладко зачесаны назадъ, изъ подъ свѣтлыхъ рѣсницъ глядѣли умные, печальные глаза. Все лицо его было исполосовано шрамами, полученными на войнѣ. Они слегка перекашивали его ротъ и придавали жуткую неподвижность его чертамъ. Казалось, что вся душа его выражалась только въ его тонкихъ и сильныхъ розовыхъ рукахъ, удивляющихъ одухотворенностью своихъ движеній. Нерѣдко случалось, что во время перевязокъ губы заключенныхъ благодарно приникали къ нимъ. Ихъ прикосновеніе было отрадно и Николаю Петровичу. Онъ робко улыбнулся доктору. Тотъ ласково провелъ прохладными, гибкими пальцами по его щекѣ.

— Вы плохо вели себя, мой мальчикъ! — укоризненно проговорилъ онъ, — такъ нельзя. Надо воспитывать свою волю. Вы въ кровь расшибли себѣ лобъ. Ну, вотъ теперь я перевязалъ васъ и ухажу. Въ корридорѣ ждетъ вашъ защитникъ. Онъ хочетъ говорить съ вами. До свиданія. — Сдѣлавъ прощальный знакъ рукою, докторъ Марчъ вышелъ изъ камеры.

Только что затворившаяся за нимъ дверь снова растворилась передъ высокимъ красивымъ брюнетомъ. Его жизнерадостное, нѣсколько самодовольное лицо привѣтливо улыбалось. Онъ быстро направился къ Николаю Петровичу протягивая ему свои руки въ желтыхъ перчаткахъ.

— Не вставайте. Лежите, лежите! — звучнымъ, великолѣпно обработаннымъ голосомъ воскликнулъ онъ. — Позвольте мнѣ вамъ представиться. Я вашъ защитникъ. По просьбѣ мистрисъ Коринны Свифдъ я взялся защищать васъ. Меня зовутъ Чарльсъ Мэррисъ.

— Благодарю васъ, мистеръ Мэррисъ. Мнѣ не нуженъ защитникъ. Мой поступокъ заслуживаетъ самой суровой кары. За нею я пришелъ сюда.

— Молодой человекъ, вы можете быть не отдаете себѣ полного отчета въ положеніи вещей. Вы иностранецъ, убившій американскую дѣвушку съ цѣлью грабежа. Это можетъ стоить вамъ жизни.

— Я готовъ.

— Вы строги къ себѣ. Это дѣлаетъ вамъ честь. Однако я не могу согласиться съ вами. Смерть безплодна. Истинное же искупленіе должно приносить плодъ. Мѣра зла, внесенная въ міръ, должна быть возмѣщена такою же мѣрою добра. Вы не согласны со мною?

— О да! Вы, конечно, правы. Искупленіе добромъ много выше, много дѣйствительнѣе искупленія страданіемъ. Но какъ это исполнить? Какъ провести это въ жизнь?

— Это вамъ покажетъ время. Главное теперь это — спасти вашу голову. Я не сомнѣваюсь, что это удастся мнѣ.

— Боюсь, что нѣтъ, мистеръ Мэррисъ. Присяжные должны осудить меня на смерть. Вѣдь это справедливо. Жизнь за жизнь. Такихъ людей какъ я, нужно истреблять. Они опасны. Вѣдь если меня оправдаютъ и выпустятъ отсюда, я можетъ быть снова буду способенъ убить подъ вліяніемъ какой-нибудь навязчивой идеи.

— Навязчивой идеи? Это интересно! Вы убили, находясь во власти навязчивой идеи! Расскажите мнѣ, если это не слишкомъ волнуетъ васъ, какъ это было?

Николай Петровичъ спустилъ ноги съ кровати, охватилъ голову руками и послѣ долгаго молчанія сталъ тихо и медленно говорить. Голосъ его звучалъ вяло, безъ одушевленія. Эта исповѣдь, обращенная къ доброжелательному, умному слушателю, эта исповѣдь, къ которой онъ рвался уже столько мѣсяцевъ, казалась ему теперь, когда онъ самъ не находилъ себѣ больше оправданія, бессодержательнымъ наборомъ словъ.

— Вотъ, теперь вы знаете, какъ это произошло, мистеръ Мэррисъ, — сдержанно и спокойно закончилъ онъ. — Я долго мнилъ себя мученикомъ своего преступленія, и только сегодня понялъ, что истинною мученицею его оказалась Моника Динтонъ. Всѣ эти мѣсяцы я искалъ и находилъ себѣ оправданія. Въ какомъ затменіи эгоизма я находился до сихъ поръ!

Какъ медленно постигаетъ человѣкъ себя, свои поступки. Какъ многогранны его представленія о нихъ!

— Да. И въ каждомъ изъ насъ есть незнакомыя намъ грани души. Только немногіе изъ насъ постигаютъ всю ея сущность. Но вы утомлены, мистеръ Носковъ. Прекратимъ этотъ разговоръ. То, что вы довѣрили мнѣ, очень значительно. На этихъ данныхъ мнѣ удастся построить блестящую защиту. Я радъ, что смогу защищать васъ не изъ состраданія, а по моему глубокому убѣжденію въ вашей невинности. На скамью подсудимыхъ васъ привело не преступленіе, а извѣстный психозъ и трагическое стеченіе обстоятельствъ. Мнѣ теперь совершенно ясно, что вы были невмѣняемы въ минуту совершенія вашего страшнаго поступка.

— Да, мнѣ тоже кажется, что я ненормаленъ, — горько воскликнулъ Николай Петровичъ. — Но вѣдь, такіе люди, какъ я — опасны. Отъ нихъ нужно ограждать общество...

— Ихъ нужно лѣчить, мой дорогой, а не бросать въ тюрьму. Я буду проводить эту мысль на судѣ. То, что вы по доброй волѣ предали въ руки правосудія, очень расположить къ вамъ.

— По доброй волѣ? — мрачно усмѣхнулся Николай Петровичъ. — Не знаю... Иногда мнѣ кажется, что и эта моя потребность покаянія была только навязчивой идеей.

— Мой бѣдный мальчикъ, не истязайте себя самоанализомъ. Дайте отдохнуть вашимъ нервамъ, вашему уму. Я найду къ вамъ завтра. До свиданія!

Когда съ какимъ-то жуткимъ лязгомъ закрылась дверь за мистеромъ Мэррисомъ, Николай Петровичъ въ изнеможеніи упалъ на кровать. Ему стало холодно. Ледяная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, мысли его стали угасать и онъ мгновенно впалъ въ глубокій сонъ.

За этимъ страшнымъ днемъ, окончательно уничтожившимъ Николая Петровича, лишившимъ его последней надежды на возможность оправданія себя передъ собою и передъ судьями, послѣдовалъ для него долій періодъ полной апатіи. Онъ былъ охваченъ покоемъ безнадежности. Какъ автоматъ исполнялъ онъ все то, что требовали отъ него. Почти не ѣлъ. Не думалъ. Большую часть дня проводилъ на своей кровати, пребывая какъ въ полуснѣ. Но это было лишь кажущимся бездуміемъ. Это было не бездѣйствіемъ мысли, а внутреннимъ ея созерцаніемъ, во время котораго Николай Петровичъ безсознательно погружался въ самую глубь своего человѣческаго существа, въ самыя сокровенныя нѣдры своей души, и готовился къ чуду своего духовнаго пробужденія. Съ каждымъ днемъ охватившее его спокойствіе становилось отраднѣе. Въ душѣ его что-то набиралось, бродило, поднималось ввысь. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, ничего не видѣлъ, не слышалъ, казалось, весь пребывалъ въ иномъ мірѣ, въ свѣтломъ очистительномъ огнѣ преображенія. Это былъ долгій и тихій подсознательный экстазъ. Но какъ-то утромъ Николай Петровичъ проснулся и пришелъ въ себя, испытывая необычайно радостное чувство.

Глаза его невольно поднялись къ источнику свѣта, къ узкому окну, находящемуся подъ потолкомъ его камеры. Стекло его было закраплено крупными сѣрыми каплями дождя. За чугунную рѣшетку зацѣпился занесенный вѣтромъ влажный красный виноградный листъ. Николай Петровичъ обрадовался ему, вздохнулъ полною грудью и всталъ съ постели. Колѣни его дрожали, всѣ мускулы были слабы. Онъ былъ блѣденъ, какъ вконецъ измученный человѣкъ, но душа его была легка и сильна, какъ послѣ воспріятія великаго таинства. Оно еще не находило себѣ выраженія въ его умѣ, но свѣтилось въ его лицѣ, вливалось необычайной гармоніей во всѣ его движенія. Глаза его были полны яснымъ одухотвореннымъ свѣтомъ.

Щелкнула дверь. Въ камеру вошелъ молодой стражникъ съ корзиной-подносомъ въ рукахъ. Онъ былъ высокъ и широкоплечъ. Все говорило въ немъ о большой физической силѣ, однако красное и полное лицо его было добродушно, даже застѣнчиво.

— Вотъ вашъ ленчъ, мистеръ Носковъ, — негромко, почти шопотомъ проговорилъ онъ, ставя плоскую корзину на столъ. — Наконецъ-то вы проснулись. Вы все спали, спали. Я уже боялся за васъ. У меня братъ умеръ отъ сонной болѣзни. Я думалъ и у васъ, но я слышалъ, какъ докторъ Марчъ сказалъ вашему защитнику, что у васъ переутомленіе. Докторъ Марчъ не позволилъ васъ беспокоить и не разрѣшилъ перевести васъ въ лазаретъ. Онъ приказалъ васъ оставить здѣсь.

— Докторъ Марчъ? — удивился Николай Петровичъ. — Но я не видѣлъ его. Меня перевязывала сестра.

— Онъ къ вамъ заглядывалъ только черезъ отверстіе въ двери. Иногда приходилъ, когда вы спали.

— Онъ, кажется, чудесный, совсѣмъ необыкновенный человѣкъ?

— Мистеръ Марчъ? Да, на него всѣ молятся въ тюрьмѣ. Онъ и директора смѣнилъ. Прежній директоръ звѣремъ былъ. Мнѣ пора уйти, мистеръ Носковъ. Запрещено разговаривать съ заключенными.

— Скажите мнѣ, откуда такой роскошный завтракъ? Неужели всѣ такъ хорошо питаются въ тюрьмѣ?

— Нѣтъ, мистеръ Носковъ, вамъ присылаютъ завтракъ съ воли. Это разрѣшено, пока тянется слѣдствіе.

— Но кто присылаетъ мнѣ все это? — удивился Николай Петровичъ.

— Одна дама, мистрисъ Свифдъ. Она очень заботится о васъ. Даже мой адресъ она какъ-то узнала и была у меня. Просила все дѣлать для васъ. Но что же я могу? Вотъ ужъ сколько время, какъ я подаю вамъ этотъ прекрасный завтракъ, а вы почти не касаетесь его. Садясь за столъ, вы точно продолжали спать, мистеръ Носковъ. Мнѣ было жутко на васъ смотрѣть. Вы ничего не понимали изъ того, что я говорилъ вамъ. Вотъ эти письма, напримѣръ,

уже нѣсколько дней лежатъ здѣсь, а вы ихъ не читаете.

— Письма? Гдѣ? — взволновался Николай Петровичъ и, увидѣвъ три бѣлыхъ конверта, протянулъ къ нимъ руку. — Кто же распечаталъ ихъ? — съ удивленіемъ спросилъ онъ стражника.

— Всѣ письма заключенныхъ проходятъ черезъ цензуру, — пояснилъ ему тотъ. — Мнѣ пора уйти, мистеръ Носковъ. Если пройдетъ контроль, мнѣ попадетъ. Я не долженъ былъ бы разговаривать съ вами, но я общалъ мистрисъ Свифдъ дѣлать для васъ все, что могу. Меня зовутъ Бернсъ, мистеръ Носковъ.

— Идите, идите, Бернсъ. Спасибо вамъ, — радостно проговорилъ Николай Петровичъ, перебирая конверты.

Наконецъ почеркъ матери дошелъ до его сознанія. Онъ досталъ изъ конверта узкій листокъ бѣлой бумаги и быстро пробѣжалъ его глазами:

„Мой родной мальчикъ, хочешь ли ты меня видѣть? Твой защитникъ говоритъ, что легко можетъ устроить мнѣ свиданіе съ тобою, но что ты въ апатіи и что тебѣ лучше не видѣть меня пока. Правда ли это? Отвѣть. Для меня было бы счастьемъ тебя обнять и благословить... Мама.“

Николай Петровичъ прижалъ къ губамъ испитую карандашомъ бумажку.

„Мама, — подумалъ онъ, — милая, бѣдная... Вся она любовь, кротость, прощеніе...“

Ему захотѣлось сейчасъ же отвѣтить ей, но у

него не было ни бумаги, ни чернилъ. Онъ досталъ слѣдующее письмо изъ изящнаго сѣраго конверта съ монограммой.

„Отъ Коринны,“ подумалъ онъ и не ошибся. Вотъ, что стояло на твердомъ сѣромъ листѣ:

„Мой дорогой Ники, мой любимый, несчастный мальчикъ, умоляю васъ, позвольте мнѣ быть вашимъ другомъ, вѣрнымъ и преданнымъ. Не оттолкните меня. Вѣдь я не чужая вамъ. Вспомните, какъ ваша, хоть и скрытая вами отъ меня, мука долгіе дни и ночи соединяла насъ. Ники, вы можетъ быть и не знаете, что весь вашъ ужасъ и всѣ ваши страданія, когда вы лежали на моей груди, черезъ медиумъ вашей близости и моей любви къ вамъ переходили въ мою душу, и я минутами жила вашею жизнью, какъ своей. Этого нельзя вычеркнуть изъ памяти сердца, Ники. Мы никогда не сможемъ стать чужими. Я знаю, что вы не любите меня любовью. Прошу васъ, смотрите на меня, какъ на сестру, которой вы безконечно дороги. Ники, я такъ преклоняюсь передъ вашей святой матерью, этой безропотной страдальцей. Я постоянно съ нею. Ея довѣріе умиляетъ меня до слезъ. Я обожаю ее. Ей хорошо со мной. Хоть ради нея будьте добры ко мнѣ. Не лишайте моей жизни ея послѣдняго смысла, — быть вамъ полезной. Ники, мой любимый мальчикъ, напишите нѣсколько дружественныхъ словъ вашему вѣрному другу Кориннѣ.“

Николай Петровичъ всталъ съ табурета и началъ медленно ходить по камерѣ. Полныя глубокаго

чувства и душевнаго благородства слова Коринны сильно тронули его. Въ первый разъ послѣ встрѣчи своей съ Вѣрочкой, онъ вспомнилъ о ней съ теплою благодарностью, даже нѣжностью:

„У нея чистое, прекрасное сердце,“ думалъ онъ. „Имѣть такого друга, это счастье. Какъ хотѣлъ бы я доказать ей какъ-нибудь мое уваженіе, мою признательность! Я напишу ей длинное, откровенное письмо. Какъ непріятно однако, что письма здѣсь читають...“

Николай Петровичъ вернулся къ столу, сѣлъ нѣсколько ложекъ остывшаго супа и, вспомнивъ о третьемъ письмѣ, распечаталъ его. „Отъ кого бы? Незнакомый мелкій почеркъ...“ промелькнуло у него въ головѣ. Онъ развернулъ листъ, взглянулъ на подпись: „Ваша Вѣрочка“.

У него закружилась голова. Онъ боялся потерять сознание отъ счастья. Хлынувшія изъ глазъ обильныя и легкія слезы мѣшали ему читать:

„Дорогой Николай Петровичъ,“ писала Вѣрочка: „я все узнала изъ газеты. Въ ней былъ вашъ портретъ въ сѣромъ костюмѣ и въ полосатомъ галстукѣ, который я привезла вамъ изъ Пальмъ-Бича. Милый, дорогой мой. (Можно мнѣ называть васъ такъ?) Какъ все что я узнала ударило меня по сердцу! Что за мученія переживали вы здѣсь, рядомъ со мною, ничего не подозревающей, глупой, легкомысленной дѣвченкой. Я совсѣмъ больна. Глаза мои болятъ отъ слезъ. Какъ жестоко я наказана за то, что тогда, въ лодкѣ я не сумѣла при-

нять вашу тайну. Вѣдь вы хотѣли довѣрить ее мнѣ... Такъ знайте, принявъ ее отъ васъ, я исполнила-бы назначеніе моей жизни. Я могла-бы сказать себѣ: „Для этой великой минуты я родилась, я жила до сихъ поръ...“ Но вотъ, я оказалась недостойной... О, я никогда, никогда не перестрадаю этого. Даже если вы великодушно сможете меня понять и простить, это не утѣшитъ меня. Вѣдь если-бы тогда я приняла вашу исповѣдь, вы не ушли-бы такъ отъ меня. Я это чувствую. Я поѣхала-бы въ Нью-Йоркъ вмѣстѣ съ вами. Я не хочу скрывать отъ васъ... Я васъ люблю, и что-бы ни случилось съ вами, моя жизнь навсегда связана съ вашей. Саша объ этомъ знаетъ. Я откровенно написала ему все. Я приѣду къ вамъ, какъ только вы выразите на это желаніе. Какъ хотѣла-бы я стать вамъ поддержкой въ тяжелыя минуты, какъ-бы желала придать вамъ свою увѣренность въ томъ, что васъ не могутъ не оправдать... Мнѣ такъ ясно, что вы не могли совершить этого страшнаго поступка сознательно. Повѣрьте мнѣ, многое, что представляется намъ нашимъ свободнымъ дѣйствіемъ, въ дѣйствительности только проявленіе предназначенія. Мы думаемъ, что дѣйствуемъ сами, а въ дѣйствительности нами дѣйствуютъ высшія силы изъ цѣлей непостижимыхъ намъ. Я много объ этомъ думала и даже говорила съ сестрой Терезой. Она тоже думаетъ, что сила свободной воли человѣка очень ограничена. Эта воля дана намъ, какъ руль, но если не умѣть съ ней обращаться, легко погибнуть. Сестра Тереза говоритъ, что волю надо воспитывать, закалять. Ми-

мый, дорогой мой, что могла-бы я для васъ сдѣлать? Какъ облегчить мнѣ вашу участь? Хотите, чтобы я приѣхала въ Нью-Йоркъ? Жила у вашей мамы? Хотите, чтобы я стала вашей невѣстой? Да? Хотите? Я горячо молюсь за васъ и всей душою съ вами... Ваша Вѣрочка.“

Николай Петровичъ нѣсколько разъ перечелъ письмо, потомъ бережно положилъ его во внутренний карманъ. Ему казалось, что не только онъ самъ озаренъ неожиданнымъ счастьемъ, но и вся его камера и весь міръ.

„Вѣрочка все поняла... простила... Стала моей невѣстой,“ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ онъ. Сильная слабость охватила его... Онъ отодвинулъ корзину, положилъ руки на столъ и уронилъ на нихъ голову.

Въ камеру снова вошелъ Бернсъ.

— Мистеръ Носковъ, что съ вами? — испуганно спросилъ онъ, — вы опять такъ мало ѣли. Вы бы хоть принудили себя. Вѣдь на васъ лица нѣтъ.

— Да, вы кажется правы, Бернсъ. Я голоденъ, — согласился Николай Петровичъ и медленно сталъ ѣсть. Это требовало отъ него непривычныхъ усилий. Руки его дрожали, все тѣло покрылось влагой.

— Вотъ еще пирожного попробуйте, — уговаривалъ его Бернсъ.

— Нѣтъ, я больше не могу. Возьмите все это себѣ, — отодвинулъ отъ себя Николай Петровичъ битыя сливки.

— Это запрещено, мистеръ Носковъ. Строго запрещено. Но конечно, кусочекъ того, другого я

могу иногда перехватить. Я и то всё эти дни... Жаль было отдавать корзину полною.

— Вы отлично сдѣлали, Бернсъ...

Въ гулкомъ корридорѣ раздались шаги и голоса... Бернсъ испуганно схватилъ корзину и одѣлавъ строгое лицо направился къ двери. Отперевъ ее онъ посторонился и пропустилъ въ камеру мистера Мэрриса.

— Наконецъ-то я вижу васъ на ногахъ, молодой человѣкъ, — жизнерадостно воскликнулъ онъ, протягивая ему руку. — Я ужъ началъ беспокоиться за васъ, но здѣшній докторъ, удивительно умный, тонкій человѣкъ, не велѣлъ васъ трогать. Ну, какъ вы чувствуете себя?

— Благодарю васъ.

— Сейчасъ я забѣжалъ къ вамъ по порученію вашей матушки и мистрисъ Свифдъ. Онѣ очень желаютъ свиданія съ вами. Конечно, не вмѣстѣ. Я получилъ разрѣшеніе здѣшняго начальства. День вы должны назначить сами.

— Я хотѣлъ-бы увидѣться съ матерью уже завтра.

— А съ мистрисъ Свифдъ?

— Днемъ позднѣе.

— Прекрасно...

— Мистеръ Мэррисъ у меня нѣтъ ни бумаги, ни чернилъ... Я хотѣлъ-бы написать письмо.

— Я распоряжусь, чтобы вамъ принесли все необходимое для этого.

— Скажите, мистеръ Мэррисъ, неужели здѣсь всё письма проходятъ черезъ цензуру?

— Къ сожалѣнію... Вы должны съ этимъ примириться.

— Конечно. Мистеръ Мэррисъ, въ какомъ положеніи мое дѣло? Меня давно не водили къ допросу.

— Я слышалъ, что судебное слѣдствіе нѣсколько усложнилось. Субъектъ, потерявшій въ паркѣ найденный вами револьверъ, прочитавъ о вашемъ дѣлѣ въ газетѣ, явился сюда за своею собственностью. По необыкновенно странному стеченію обстоятельствъ, онъ оказался родственникомъ Моники Динтонъ. Это навлекло на него подозрѣніе судебного слѣдователя.

— Но этотъ человѣкъ совершенно ни при чемъ.

— Я вѣрю вамъ, но это должно быть фактически доказаннымъ, мистеръ Носковъ, а это требуетъ времени. Вы должны заручиться терпѣніемъ.

— У меня его много, мистеръ Мэррисъ. Я не тороплюсь умереть. Меня только удивляетъ, что подозрѣніе судебного слѣдователя упало на невиннаго человѣка, послѣ того, какъ я далъ ему самыя точныя показанія о... преступленіи.

— Судебный слѣдователь думаетъ, что этотъ господинъ былъ вашимъ сообщникомъ.

— Да я никогда не видѣлъ его.

— Судебательно, недостаточно вашихъ показаній, мистеръ Носковъ. Ему нужны факты... факты... Этотъ субъектъ, потерявшій револьверъ, какой-то слабоумный. Онъ такъ странно ведетъ себя, говоритъ, что часто спитъ подъ мостомъ, подъ которымъ произошло несчастье. Увѣряетъ, что встрѣтилъ Монику Динтонъ, когда она шла къ вамъ

на свиданіе въ скверъ. Этотъ глупый человѣкъ компрометируетъ себя каждымъ словомъ. Мнѣ кажется, что это психопатъ, котораго возбуждаетъ сенсационная сторона дѣла. Ему просто хочется попасть въ газеты. Слѣдователь другого мнѣнія. Увидимъ, кто изъ насъ правъ. Ахъ, представьте себѣ, этотъ субъектъ увѣряетъ, что револьверъ былъ испорченъ и что онъ несъ его въ починку, но заговорившись съ какимъ-то знакомымъ, забылъ его на скамьѣ.

— Да, кажется револьверъ былъ не въ полной исправности. Курокъ не сразу поддался.

— Онъ увѣряетъ, что револьверъ вообще не могъ выстрѣлить.

— Въ этомъ онъ къ сожалѣнію ошибается, — печально усмѣхнулся Николай Петровичъ.

— Да, къ сожалѣнію. Итакъ, до свиданія, мой молодой другъ. Я зайду къ вамъ на дняхъ. — Мистеръ Мэррисъ изящнымъ и быстрымъ движеніемъ схватилъ со стола свой котелокъ и перчатки, подчеркнуто-тепло пожалъ руку Николаю Петровичу и замѣтно рисуясь гибкостью своей походкой вышелъ изъ камеры.

Дверь въ корридоръ непріятно мягко защелкнулась.

„Какой-то особенный замокъ,“ съ холодкомъ въ сердцѣ подумалъ Николай Петровичъ. Онъ чувствовалъ себя безконечно усталымъ. Слишкомъ много испыталъ онъ въ этотъ день, а ему предстояло еще глубоководное, свѣтлое счастье писать Вѣрочкѣ, открыть ей наконецъ всю свою душу.

Нѣсколько минутъ спустя Бернсъ принесъ письменныя принадлежности и нѣсколько книгъ. Николай Петровичъ просмотрѣлъ ихъ. Библія, Евангеліе, Дантэ, Гете.

— Кто выбралъ мнѣ эти книги, Бернсъ? — спросилъ онъ стражника.

— Должно быть вашъ защитникъ, мистеръ Носковъ. Да не лучше-ли вамъ лечь? Вы очень блѣдны.

— Нѣтъ, ничего, — разсѣянно отвѣтилъ Николай Петровичъ съ удовольствіемъ проводя рукою по гладкому бѣлому листу блокнота.

Бернсъ поднялъ какую-то бумажку съ пола, постоялъ немного, и видя, что Николаю Петровичу не до него, медленно вышелъ. Дверь лязгнула опять.

Николай Петровичъ сильно волновался. Ему казалось, что онъ не найдетъ словъ, чтобы высказать Вѣрочкѣ все пережитое, а вмѣстѣ съ тѣмъ у него ихъ было такъ много и они такъ быстро летѣли въ его головѣ. Однако, какъ разъ тѣ, которыя онъ хотѣлъ удержать и обдумать, точно проваливались въ мозгъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ Вѣрочку такъ ясно въ своемъ воображеніи, почувствовалъ ее такою близкою и родной, что рука его порывисто взялась за карандашъ и стала писать горячо и безсвязно:

„Вѣрочка, моя невѣста, моя любимая безконечно, я стою на колѣняхъ передъ тобою, я цѣлую твои ноги, я плачу... Моя чистая, моя свѣтлая, моя строгая, ты хочешь быть моею, хочешь поднять меня до себя. Да вѣдь этимъ ты изъ меня парія, преступни-

ка дѣлаешь человѣка, достойнаго самаго высшаго счастья на землѣ. Это не простая случайность, что письмо твое пришло сегодня. Сегодня большой день въ моей жизни. Когда я проснулся утромъ, мнѣ показалось, что я родился вновь. Сейчасъ я пишу тебѣ въ порывѣ души, вознесенной надъ страшною дѣйствительностью тюрьмы и ужаснаго преступленія. За мною долгій періодъ непрестаннаго страданія и внутренняго роста. Послѣдніе дни и ночи я какъ въ глубокомъ снѣ прислушивался къ внутреннимъ таинственнымъ голосамъ и мнѣ кажется, что таинство моего духовнаго пробужденія состоялось во время этой долгой летаргіи. Я проснулся отъ нея полный благоговѣйнаго душевнаго подъема, чувствуя, что отнынѣ буду жить весь отдаваясь той силѣ, которую я такъ чудесно ощутилъ Бога. Я принялъ вѣру въ Него непосредственно, безъ мучительныхъ сомнѣній, воспріялъ ее постепеннымъ внутреннимъ озареніемъ и она блаженствомъ влилась въ мою душу. Съ вѣрой въ Бога мнѣ открылась идеальная сущность жизни и я чувствую, какъ намѣчается во мнѣ мой духовный путь. Вся жизнь моя переходитъ въ область духовнаго, исходною точкою ея становится любовь, та великая, святая любовь, о которой ты говорила мнѣ въ первую нашу бесѣду на ступенькахъ. Все, что не исходитъ изъ этой любви, кажется мнѣ теперь мертвымъ и ничтожнымъ. Въ откровеніи, достигнутомъ мною, во мнѣ проснулось чутье къ тайнымъ глубинамъ всего міра. Я чувствую себя связаннымъ невидимыми нитями со всей вселенной. Мнѣ кажется, что душа моя въ непосред-

ственной связи съ природой и со всѣмъ космосомъ. Мнѣ кажется минутами, что я весь растворяюсь въ немъ. Да, сегодня я проснулся новымъ человѣкомъ. Я полонъ вѣры, надежды и покоя. Все неясное, не-отчетливое, недодуманное отлетѣло отъ меня.

Не знаю прощенъ ли я высшими силами. Не знаю существуетъ ли прощеніе въ той формѣ, въ которой мы смертные понимаемъ его вообще, но я сталъ новымъ, чистымъ человѣкомъ и счастливъ, что именно такимъ я удостоился принять оправданіе и благословеніе твоего письма, что такимъ я принялъ твою любовь!

Нѣжная, любимая моя, съ первой минуты нашей встрѣчи ты стала для меня олицетвореніемъ всего возвышеннаго, всего прекраснаго, но я не смѣлъ даже молиться на тебя. И вотъ, какъ чудомъ все измѣнилось. Господь поднялъ меня до тебя и ты сама протянула мнѣ руки, назвала себя моей невѣстой... Безконечно родная, дорогая, нѣтъ словъ, способныхъ выразить тебя мою благодарность, все мое беззавѣтное чувство къ тебѣ. Думать о тебѣ будетъ мнѣ теперь такой безконечной отрадой. Сколько счастья дадутъ мнѣ твои письма. Какъ хотѣлось-бы мнѣ увидѣть тебя, но не здѣсь, не въ тюремной обстановкѣ, и даже не въ Нью-Йоркѣ! Пока земная жизнь моя покрыта тяжелымъ туманомъ неизвѣстности, тебѣ нѣтъ мѣста въ ней. Далекой ты будешь мнѣ ближе, чѣмъ находясь здѣсь. Какъ легко будутъ находить тебя мои мысли и мечты въ привычной моему воображенію обстановкѣ, такой подходящей къ твоему духовному облику, такой здоровой и красивой. Я

часто буду видѣть твои туфельки, бѣгающія у океана, какъ двѣ рѣдкостныя красныя птички. Я буду слышать твой голосъ и звонъ твоихъ браслетовъ въ столовой и на ступенькахъ веранды. Я буду класть голову на твои колѣни и смотрѣть на звѣзды.

Пойми меня, любимая, и пока жизнь моя недостойна тебя, позволь мнѣ дѣлить съ тобою мою духовную жизнь. Этотъ союзъ нашъ будетъ полнымъ и безконечно счастливымъ. Вѣдь раньше мы понимали другъ друга въ безсловесной рѣчи, а теперь мы сможемъ все повѣрять другъ другу. Меня поражаетъ глубина твоего пониманія. Ты почти ребенокъ, а сколько въ тебѣ мудрости! Какъ чутко угадала ты мою трагедію! Да, мы несомнѣнно находимся во власти незнакомыхъ намъ силъ. У меня съ дѣтства была болѣзненная склонность отдавать все свое вниманіе одной какой-нибудь мысли, пока эта мысль не начинала владѣть мною, пока не захватывала она меня всего въ свою власть. Хотѣлъ бы я знать, что это простая психическая несостоятельность, полное бездѣйствіе задерживающихъ центровъ или дѣйствительно потустороннее жуткое вліяніе? Въ вечеръ преступленія страшная мысль впилося въ мой мозгъ, долго играла мною и вдругъ я, холодѣя отъ ужаса, почувствовалъ, какъ влилась въ мое безволіе внутренняя готовность совершить безумный поступокъ. Мнѣ стало ясно, что я совершу его, но вмѣстѣ съ тѣмъ непостижимо... Точно жила во мнѣ еще смутная надежда, что я приду въ себя, проснусь отъ кошмара, что что-нибудь помѣшаетъ мнѣ. Но мнѣ ничто не помѣшало. Съ той

минуты моя жизнь превратилась въ непрестанную внутреннюю пытку. Тяжелымъ угрожающимъ гнетомъ висѣлъ надо мною мой рокъ. Я долго боролся съ соблазномъ бѣгства. Съ соблазномъ свободы и счастья. Но потомъ я усталъ быть затравленнымъ звѣремъ, бѣглецомъ... Моя душа стала жаждать смиренномудраго бездѣйствія и я рѣшилъ съ безропотной покорностью принять искупленіе. Въ послѣдній мой вечеръ на фермѣ, у океана ты застала меня, когда я держалъ судъ надъ собою среди молчанія безконечнаго неба и безконечной земли. Это былъ послѣдній часъ моей внутренней борьбы.

Мнѣ было бы тогда легче разстаться съ жизнью, чѣмъ съ тобою. Но я ушелъ. Я долженъ былъ идти навстрѣчу моей судьбѣ. Я пережилъ ужасные дни внутренней борьбы и страха... И вотъ побѣждено страданіе! Я у цѣли. Я стою на новомъ пути. Я знаю, что стою на самомъ его началѣ и можетъ быть не успѣю пройти его до конца, въ короткій срокъ, оставшійся мнѣ жить, не смогу достигъ послѣдней фазы развитія моей души въ такой короткій срокъ, но путь этотъ такъ свѣтелъ... Онъ ведетъ на лучезарную высоту.

Вотъ моя излюблѣнная, любимая моя, невѣста моя дорогая. Прими ее въ свое сердце. Цѣлую твои руки. То мѣсто на землѣ, на которомъ ты живешь, для меня самое чувствительное мѣсто всего міра. Все мое сердце съ тобой. Н. Н.“

IX

Свиданіе Николая Петровича съ матерью было отраднымъ событіемъ для нихъ обоихъ, несмотря на то, что происходило оно въ присутствіи какого-то тюремнаго надзирателя, безпрестанно напоминающаго имъ, что они должны говорить по-англійски.

Николай Петровичъ былъ такъ свѣтелъ, такъ ласковъ и спокоенъ, что его настроеніе передалось и Маріи Михайловнѣ. Даже неустанныя ея слезы перестали литься и, выходя изъ тюрьмы, она почувствовала внезапное умиротвореніе: „Богъ милостивъ. Могутъ и оправдать. Можетъ чудо случиться,“ промелькнуло у нея въ головѣ, и рука стала мелкимъ движеніемъ крестить грудь подъ пелериной.

Встрѣча Николая Петровича съ Коринной прошла такъ же гармонично, безъ фальшивыхъ нотъ, естественно и сердечно.

Она сильно волновалась. Онъ успокаивалъ ее. Благодарилъ ее за все. Потомъ осторожно рассказаль ей о своей помолвкѣ съ Вѣрочкой. Она приняла это кротко. Просила его не отнимать у нея его дружбы.

Когда онъ, поцѣловавъ черезъ рѣшетку ея руку,

затянутую въ длинную голубую перчатку, вернулся въ свою камеру, сердце его было полно нѣжнаго страданія къ ней.

„Бѣдная птичка! Такая нарядная и такая печальная,“ подумалъ онъ: „Бѣдная маленькая миллионерша, такая безпріютная и одинокая, что умоляетъ о дружбѣ меня, отщепенца... обреченнаго. Она точно защиты ищетъ у меня... Да вѣдь и точно, я, много, много счастливѣе ея. Значить, это правда, что счастье зависитъ не отъ внѣшнихъ условій, а отъ внутренней сущности нашей жизни.“

Николай Петровичъ былъ дѣйствительно счастливъ. Онъ пребывалъ въ новомъ, необычайно отрадномъ мірѣ, въ которомъ его тѣло, сознание и душа порою жили вполне раздѣльной, обособленной жизнью. Такъ, напримѣръ, пока тѣлесная его оболочка, въ такія минуты неощутимая и забытая имъ, бездвижно лежала на койкѣ, мощное воображеніе уносило его туда, гдѣ зналъ онъ земныя радости въ дѣтствѣ и юношествѣ. Иногда мысли его залетали въ картинныя галереи, въ которыхъ онъ часто бродилъ, и долго витали тамъ между его любимыми полотнами. Еще мальчикомъ онъ думалъ въ краскахъ и вкусъ его къ изобразительнымъ искусствамъ былъ такъ вѣренъ, что въ музеяхъ его всегда, какъ магнитомъ, влекло къ произведеніямъ самыхъ великихъ художниковъ. Теперь онъ внутреннимъ взоромъ съ поражающей ясностью видѣлъ лучшія изъ нихъ и былъ счастливъ этими видѣніями. Но внезапно вереница его мыслей уносилась въ затемненный залъ „Большаго театра“, куда часто возили его родители въ

оперу, или балетъ, и гдѣ гармонія звуковъ непонятною радостью заливала его дѣтское сердце. Онъ не интересовался ни танцующими, ни поющими людьми на сценѣ, а, закрывъ глаза, весь отдавался во власть то пѣвучихъ и ясныхъ, то ширящихся и разрастающихся созвучій и мелодій, которыя широкими, свободными потоками неслись изъ оркестра, и видѣлъ свое: то несся на него дико мчащійся табунъ лошадей съ раздувающимися ноздрями и развивающимися гривами, то на грозовомъ небѣ появлялись клубящіяся горы облаковъ, то откуда-то выплывали хороводы русалокъ, похожихъ на ангеловъ. Въ этихъ представленіяхъ оживали видѣнныя имъ картины, слышанныя сказки. Переживать ихъ въ музыкѣ ему было и пріятно и грустно и какъ-то жутко. Теперь отдаваясь своимъ грезамъ, онъ, особенно въ ночной тишинѣ своей камеры, доходилъ до музыкальных галлюцинацій. Ему слышались горячія, порывистыя мелодіи скрипокъ, разсыпчатыя серебристыя трели флейтъ, глубокіе, нѣжные звуки фаготовъ... Трагичные аккорды торжественно разливались во мракѣ, длительныя ферматы замирали и таяли, а Николай Петровичъ съ зачарованной улыбкой на губахъ весь растворялся въ нихъ.

Однако отраднѣе всего ему было переноситься въ приволжское имѣніе, въ которомъ онъ провелъ дѣтство. Онъ находилъ себя тамъ среди своей любимой русской природы и такъ живо переживалъ чувства, испытанныя имъ, мальчикомъ, что ему казалось, будто онъ испытываетъ ихъ наяву: то онъ, стоя въ цвѣтникѣ подъ тремя бѣлыми колоннами

террасы, осторожно крѣпкимъ листикомъ снималъ волнистыхъ и мягкихъ зеленыхъ червяковъ съ колючихъ розовыхъ кустовъ, полныхъ знойно гудящихъ въ нихъ пчелъ; то забравшись въ высокую бездвижную рожь, еле дыша отъ жара, нетерпѣливо рвалъ маки и васильки, долго крутя ихъ упрямые сухіе стебельки; то ползая среди грядокъ на огородѣ и раздвигая шероховатые, какъ камлотъ, широкіе листья, собиралъ въ карманы лежащіе прямо на напоенной влагой землѣ сочные огурчики; то послѣ дождя онъ росной травой бѣжалъ въ заросшіи смородиной и крапивой фруктовый садъ; тамъ все было ярко и зелено; щебетали птицы. Низко свисающія пышныя вѣтви яблонь задѣвали его по волосамъ и роняли на него прозрачныя капли. Налакомившись спѣлыми плодами, онъ пробирался къ глухой чащѣ дикаго шиповника; въ ея самой глубинѣ, среди причудливыхъ сплетеній тонкихъ безлиственныхъ побѣговъ, чуть колыхались нѣжныя ткани сѣрыхъ паутинокъ, въ которыхъ алмазнымъ сверканіемъ переливались крупныя капли дождя. Затаивъ дыханіе, онъ долго любовался ими, жалѣя, что нельзя ихъ взять, унести къ себѣ и спрятать, какъ рѣдкое сокровище.

Николай Петровичъ съ умиленіемъ предавался всѣмъ этимъ воспоминаніямъ, однако въ то время, какъ мысли его беззаботно витали въ далекомъ прошломъ, а тѣло бездвижно лежало на койкѣ, въ душѣ его неустанно происходила уже привычная работа внутренняго созерцанія, наполняющая его чувствомъ тихаго блаженства. Иногда онъ осторожно, точно боясь спугнуть ее, прислушивался къ ней и ему уда-

валось улавливать мысли высшаго порядка. Порою ему удавалось удерживать въ себѣ на короткій срокъ созданное ими высокое настроеніе, и онъ бережно несъ его въ себѣ, боясь расплескать, какъ чашу со святыми дарами. И странно, въ такія минуты всѣ окружающіе чувствовали эту возвышенность его духа, излучающуюся сквозь оболочку его тѣла, сказывающуюся въ плавной сдержанности его движеній, и относились къ нему съ какою-то почтительной робостью. Въ такія минуты никто, даже судебный слѣдователь, не могъ смотрѣть ему въ глаза, глядѣвшіе за предѣлы того, что онъ видѣлъ въ дѣйствительности.

— Всѣ здѣсь полны симпатіи и доброжелательства къ вамъ, мистеръ Носковъ, это очень облегчитъ мнѣ мою трудную задачу, — какъ-то сказалъ ему мистеръ Мэррисъ, навѣщавшій его почти ежедневно.

Въ сочельникъ онъ зашелъ къ нему въ неурочный часъ, рано утромъ.

— Я къ вамъ только на минуту, мистеръ Носковъ, — сказалъ онъ, садясь на неудобный табуретъ. — Я забѣжалъ сюда для того, чтобы сообщить вамъ, что Аурель Динтонъ наконецъ отпущенъ на свободу. Въ томъ, что судебный слѣдователь такъ долго держалъ его, я вижу доказательство того, что онъ подъ вліяніемъ своей большой симпатіи къ вамъ, до послѣдней минуты надѣялся, что вслѣдствіе показаній Динтона, виновнымъ окажется этотъ субъектъ, а не вы. Я слышалъ, со стороны, что онъ не вѣритъ въ вашу виновность. Но вышло, какъ я предсказалъ. Этотъ Динтонъ просто психопатъ.

— Да, во время нашихъ очныхъ ставокъ онъ произвелъ на меня впечатлѣніе истеричнаго человѣка. Однако, мистеръ Мэррисъ, какъ часто вамъ приходится имѣть дѣло съ не совсѣмъ нормальными людьми? Этотъ Динтонъ. Я. И мнѣ кажется, многіе... можетъ быть, всѣ ваши другіе подзащитные.

— Вы правы. Весь свѣтъ полонъ психопатовъ. Почти у всѣхъ моихъ подзащитныхъ есть плохо сидящій винтикъ въ головѣ. Только, къ сожалѣнію, это очень трудно доказать, фактически доказать передъ судомъ; психіатры-эксперты опредѣляютъ всѣхъ, не страдающихъ бурнымъ помѣшательствомъ, нормальными людьми. На признанные, такъ сказать, законные аффекты есть шаблоны. Напримѣръ вліяніе ревности, страха, алкоголя и такъ далѣе. Другіе, такъ сказать, незарегистрированные аффекты, просто не признаются таковыми. Скажите, мистеръ Носковъ, я давно хотѣлъ васъ спросить... Въ тотъ вечеръ вы были съ Моникой Динтонъ въ кондитерской. Не выпили ли вы тамъ какого-нибудь коктейля? Вѣдь въ этихъ маленькихъ кондитерскихъ часто можно получить спиртные напитки, несмотря на запретъ. Онъ подается тамъ въ чайникахъ. Вспомните, мистеръ Носковъ, можетъ быть вы были не совсѣмъ трезвы въ тотъ вечеръ. Это было бы очень важнымъ показаніемъ въ вашу пользу.

— Нѣтъ, мистеръ Мэррисъ. Я былъ совершенно трезвъ, и вы знаете это. Я не пришелъ сюда давать ложныя показанія въ свою пользу.

— Но почему-же ложныя? — смутился тотъ.
— Можно забыть... Это бываетъ...

— Нѣтъ, я ничего не забылъ.

— Тогда конечно. Жаль... Очень жаль... Если бы я могъ сказать на судѣ: этотъ человѣкъ не зналъ, что онъ дѣлалъ, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ виновныхъ паровъ, меня поймутъ всѣ и всѣ мнѣ повѣрятъ. Когда же я скажу: „навязчивая идея“ привела этого несчастнаго на скамью подсудимыхъ, и въ продолженіе двухъ часовъ буду развивать эту тему, меня поймутъ только избранные.

— Я это знаю, мистеръ Мэррисъ. Я не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій. Я только надѣюсь, что рѣчь ваша будетъ услышана, какъ вы говорите, избранными и, можетъ быть, положить начало новой судебной эрѣ. Я самъ не жду оправданія.

— Да почему же? Вы невѣрно поняли меня... Я не совнѣваюсь въ успѣхѣ моей защиты. Мнѣ только было бы пріятно имѣть болѣе реальное доказательство вашей невиновности. Однако мнѣ пора.

Мистеръ Мэррисъ всталъ съ табурета и началъ медленно натягивать перчатку.

— Ахъ, — съ легкимъ замѣшательствомъ проговорилъ онъ. — Я чуть не забылъ... Одинъ русскій господинъ, мистеръ Серпуховской, попросилъ меня устроить ему свиданіе съ вами. Однако онъ не знаетъ... онъ боится, что вы не захотите принять его.

Николай Петровичъ поблѣднѣлъ, но въ глазахъ его засвѣтилась радость:

— Наоборотъ. Я буду счастливъ познакомиться съ нимъ, — взволнованно воскликнулъ онъ.

— Тогда все въ порядкѣ. Я уже на всякій случай обратился съ просьбой къ начальнику тюрьмы,

и подумайте, онъ такъ расположенъ къ вамъ, что, въ видѣ большого исключенія, разрѣшилъ вамъ увидѣться съ мистеромъ Серпуховскимъ въ вашей камерѣ. Мистеръ Серпуховской уже здѣсь. Я сейчасъ приведу его къ вамъ.

Николай Петровичъ порывисто протянулъ ему руку.

Нѣсколько минутъ спустя въ камеру вошелъ коренастый широкоплечій блондинъ. Все его гладко выбритое розовое лицо смущенно улыбалось. Умные свѣтлые глаза ласково смотрѣли на Николая Петровича сквозь блестящее пенснэ.

— Дорогой мой, простите, что я такъ врываюсь къ вамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Вѣрочка написала мнѣ о васъ, я стремлюсь съ вами познакомиться, — звучнымъ баритономъ проговорилъ онъ, крѣпко сжимая своими сильными розовыми руками тонкую и блѣдную руку Николая Петровича. — Вы должны смотрѣть на меня какъ на друга. Это можетъ показаться страннымъ, но увѣряю васъ...

Въ глазахъ Николая Петровича показались слезы. Онъ не въ силахъ былъ говорить.

— Полно, голубчикъ, — обнялъ его Александръ Александровичъ. — Не волнуйтесь... Я понимаю... ваши нервы...

— Нѣтъ, не нервы. Я только глубоко тронутъ, Александръ Александровичъ. Вы пришли ко мнѣ какъ другъ, а я вѣдь такъ виноватъ передъ вами! — горячо воскликнулъ Николай Петровичъ, овладѣвъ собою.

— Человѣкъ безсиленъ противъ судьбы, дорогой

мой. Какъ могу я винить васъ? Случилось, что должно было случиться... Но вы еде стоите на ногахъ. Сядьте на вашу постель, а я сяду рядомъ съ вами вотъ на этотъ табуретъ. Вотъ такъ. Теперь намъ удобно будетъ разговаривать. Знаете, что меня поразило въ вашей наружности? Ваша юность. Вѣдь вамъ уже двадцать пять лѣтъ, а на видъ вамъ много меньше. Да и переживаете вы все такъ молодод, такъ полно. Это отличительная черта чистыхъ душой людей. Что бы они ни переживали, они до самой старости остаются юными.

— Я пережилъ очень мало въ жизни. Можетъ быть поэтому и кажусь вамъ недостаточно возмужалымъ. Моя судьба сложилась очень странно. Я прожилъ дѣтство, какъ въ пріятномъ снѣ, въ которомъ научился любить красоту, природу, музыку... Но юность моя была тускла и безрадостна: тяжелый, тупой трудъ; духовно грубые, равнодушные люди; сѣрыя безпросвѣтныя будни, въ которыя я утолялъ свой духовный голодъ тѣмъ, что по воскресеньямъ ходилъ въ картинныя галереи, слушалъ плохое радіо, сидѣлъ въ пыльных скверахъ, а по вечерамъ разсматривалъ свои альбомы, полные дешевыхъ воспроизведеній полотенъ великихъ мастеровъ. Потомъ я ложился спать на свой соломенный мѣшокъ. Такъ шла моя жизнь изъ года въ годъ, до... происшедшаго со мною несчастья. Тутъ разомъ все измѣнилось. Разомъ разсѣялись густые туманы, заволакивающіе мою жизнь. Она вся залилась жгучимъ солнцемъ страданія, и вдругъ, я нашелъ въ себѣ чудесную тайну... Я позналъ счастье пребыванія въ Богѣ... Мое

сердце переполнилось состраданіемъ и любовью къ людямъ. Прежде я былъ очень одинокъ... Я былъ заключенъ въ свой узкій и душный личный міръ... Теперь я знаю, что нерасторжимая связь соединяетъ меня съ космосомъ, что я часть вселенной... Только мое тѣло, тѣло презрѣннаго преступника, заперто въ этой камерѣ, но духъ мой безпредѣльно свободенъ и часто мнѣ хочется вскрикнуть отъ счастья, переполняющаго мою душу...

Александръ Александровичъ былъ потрясенъ словами Николая Петровича, вдохновеннымъ выраженіемъ его изнуреннаго лица. Онъ съ участіемъ склонился къ нему:

— Дорогой мой, васъ сжигаютъ ваши мысли. Мнѣ страшно за васъ.

— Нѣтъ, не бойтесь за меня. Мнѣ, наоборотъ, такъ отрадно говорить съ вами. Я еще никогда не высказывался никому... Однако, можетъ быть, я утомляю васъ.

— Родной мой, я переживаю съ вами все, что вы довѣряете мнѣ. Я все, все хочу знать о васъ. Итакъ, вы говорили о вашемъ внутреннемъ преображеніи...

— Да... Но не только внутренняя жизнь моя изменилась послѣ несчастья. Мнѣ кажется, что послѣ него вся жизнь повернулась ко мнѣ новою, чудесною гранью... Я увидѣлъ новую природу, я встрѣтилъ новыхъ удивительныхъ людей. Разъ какъ-то я, почти обезумѣвшимъ отъ муки, лежалъ у океана. Меня подобрала и увезла къ себѣ маленькая рыжеволосая женщина, мистрисъ Свифдъ. Съ какою преданностью, съ какимъ самоотверженіемъ она ходила за

мною! Какъ она хлопочетъ обо мнѣ теперь! Скрываясь отъ полиціи, мнѣ пришлось бѣжать отъ нея. Я долго скитался. Потомъ попалъ на ферму Анатолія Сергѣевича. Онъ и... его дочь приняли меня съ невѣроятной добротой. Если бы не мучили меня упреки совѣсти, если бы не казалось мнѣ, что я оскверняю своимъ присутствіемъ ихъ домъ, я могъ бы сказать, что провелъ у нихъ самое счастливое время моей жизни. Александръ Александровичъ, теперь мы подошли къ вопросу, о которомъ мнѣ очень трудно говорить...

— Не смущайтесь. Будьте со мною совершенно откровенны.

— Да. Я ничего не скрою о васъ. Я даже хотѣлъ вамъ написать, но не зналъ, какъ вы примете... Вотъ, что я хочу сказать вамъ... Тѣмъ, что Вѣрочка назвала себя моей невѣстой, она подняла меня до себя, выразила мнѣ всю глубину своего состраданія, отпустила мнѣ мой великій грѣхъ. Ставъ ея женихомъ, я почувствовалъ себя оправданнымъ всѣми людьми, узналъ глубокое счастье... Но, Александръ Александровичъ, поймите меня... Вѣдь наша помолвка существуетъ, такъ сказать, только въ области духовнаго. Вѣдь моя мірская жизнь закончена. Мнѣ предстоитъ смертная казнь или безсрочная каторга. Когда я узнаю свою судьбу, я буду умолять Вѣрочку не губить изъ-за меня своей жизни.... И а надѣюсь, что вы навсегда останетесь ея другомъ, ея поддержкой...

Лицо Александра Александровича стало глубоко серьезно. Онъ всталъ и, заложивъ руки въ карманы,

нѣсколько разъ прошелся по камерѣ, потомъ остановился у койки Николая Петровича.

— Видите ли, — медленно, точно взвѣсивая каждое слово, заговорилъ онъ: — мнѣ кажется, что за послѣднее, сравнительно короткое, время вы пережили и переживаете сейчасъ столько разнородныхъ чувствъ, что вы не можете жить исключительно своимъ чувствомъ къ Вѣрочкѣ. Вы не можете понять ее. Она теперь полна только своей любовью къ вамъ... Весь смыслъ ея существованія для нея въ этой любви и она не задумываясь пойдеть за вами и на каторгу...

Николай Петровичъ порывисто вскочилъ съ постели:

— Нѣтъ! На это я не соглашусь никогда... Вѣрочка, блестящая, талантливая Вѣрочка, умная, жизнерадостная, не можетъ стать женою каторжника! Это было бы преступленіемъ допустить до этого. Нѣтъ, тогда я буду просить смертной казни, чтобы избавить ее отъ меня.

— Я думаю, вамъ и этимъ не удалось бы измѣнить то опасное теченіе, которое приняла Вѣрочкина жизнь. Она написала мнѣ, что, въ случаѣ трагическаго исхода вашего процесса, уѣдетъ въ Россію, чтобы посвятить себя тамъ русскимъ безпризорнымъ дѣтямъ.

— Она святая. Она вся рвется къ подвигу.

— Да, она сильный, очень сильный человѣкъ, внутреннимъ чутьемъ, боящійся растратить свои силы на мелочи, стремящійся всецѣло отдаться одно-

му какому-нибудь большому чувству, одному большому дѣлу.

— Но мнѣ страшно за нее... Ахъ, Александръ Александровичъ, если бы вы могли поѣхать съ нею.,,

— Это ясно. Неужели вы думали, что я отпускаю ее одну, — воскликнулъ, вставая съ табурета, Серпуховской и въ его тонѣ въ первый разъ почти неуловимо прозвучалъ отчужденный холодокъ, дрогнули нотки ревности.

„Онъ пришелъ ко мнѣ съ добрымъ намѣреніемъ, но только потому, что считаетъ меня обреченнымъ, неопаснымъ для себя...“ вдругъ понялъ Николай Петровичъ, и какъ-то сразу умолкъ.

Ихъ взгляды встрѣтились Александръ Александровичъ отвелъ глаза и снова зашагалъ по камерѣ. Они чувствовали оба, что ужъ не смогутъ больше произнести Вѣрочкинаго имени.

— Надѣюсь, Николай Петровичъ, вамъ здѣсь не слишкомъ плохо? — чтобы не допустить до тягостнаго молчанія, спросилъ Серпуховской. Однако, раздосадованный сдѣланной оплошностью, онъ не смогъ предать сердечности своему голосу.

— Мнѣ здѣсь даже слишкомъ хорошо, — слабо улыбнулся Николай Петровичъ. — Я часто думаю, что этого не заслужилъ, что было бы справедливѣе, если бъ со мною обращались плохо, заставляли меня страдать. Здѣсь всѣ очень добры и даже предупредительны ко мнѣ. Мнѣ очень часто разрѣшаютъ свиданія съ матерью. Я получаю письма... изъ Флориды; ко мнѣ часто заходитъ удивительно умный и тонкій человѣкъ, католическій священникъ. Бесѣдо-

вать съ нимъ большая радость для меня. Я читаю чудесныя книги. У меня своя комната и долгіе часы одиночества, въ которые я могу предаваться своимъ размышленіямъ. Я никогда еще не пользовался такимъ комфортомъ...

— Вотъ какъ? И до васъ не доходятъ пресловутые грубые окрики тюремщиковъ? Вы совершенно не соприкасаетесь съ жизнью другихъ заключенныхъ? — боясь перерыва въ разговорѣ, продолжалъ спрашивать Александръ Александровичъ.

„Чортъ знаетъ что! Я точно интервьюирую этого бѣднягу для газеты,“ промелькнуло у него въ головѣ: „Что онъ подумаетъ обо мнѣ?“

Но окруженные темными тѣнями свѣтлые глаза Николая Петровича смотрѣли на него мягко и дружелюбно, губы его продолжали слегка улыбаться.

— Нѣтъ, я совершенно изолированъ, — просто отвѣтилъ онъ. — Я часто забываю, что нахожусь въ тюрьмѣ. Только въ часъ прогулки я вижу другихъ заключенныхъ. Это очень тяжело. Я испытываю къ этимъ загнаннымъ за рѣшетки, лишеннымъ красоты міра несчастнымъ людямъ такое глубокое состраданіе и совершенно безсиленъ помочь имъ.

Въ порывѣ горячей симпатіи, Серпуховской протянулъ Николаю Петровичу руку.

— Дорогой мой, какъ характерны для васъ эти слова! — воскликнулъ онъ. — Вы страдаете за людей, раздѣляющихъ вашу участь, а себя считаете счастливымъ. Это потому, что вы живете точно внѣ міра сего, какъ избранникъ Божій. Есть что-то необычайное и чудесное въ пробужденіи вашей души

подъ вліяніемъ событій, происшедшихъ въ вашей жизни. Я глубоко потрясенъ встрѣчей съ вами. Позвольте мнѣ навѣщать васъ...

— У меня предчувствіе, что мы не встрѣтимся больше, — печально отвѣтилъ Николай Петровичъ. — Прощайте. Благодарю васъ. Горячо благодарю за то, что вы пришли ко мнѣ.

Они молча обнялись.

Выйдя изъ камеры, Серпуховской долженъ былъ опуститься на стулъ, стоящій въ корридорѣ. Сердце его сильно билось. Лицо было мертвенно блѣдно.

„Приговорить къ смерти... Убить такого человека... Да, можетъ ли быть большее преступленіе, санкціонированное закономъ,“ думалъ онъ.

Х

„А все-таки лучше побриться,“ въ десятый разъ повторялъ себѣ Анатолій Сергѣевичъ, намыливая руки въ умывальной комнатѣ и разглядывая себя въ зеркало. „Безобразіе, какъ я распускаюсь! Свинство это русское! Какъ американцы за собою слѣдятъ! Какъ за тѣломъ своимъ ухаживаютъ! а мы таскаемъ его за собою, какое есть. И все изъ-за лѣни... Надо подтянуться...“

Анатолій Сергѣевичъ рѣшительно намылилъ щеки и сталъ бриться, продолжая мысленно бранить и наставлять себя Эти мысли о гигиенѣ нравились ему, потому что онѣ удерживали возникновеніе другихъ безпокойныхъ и тяжелыхъ, поэтому онъ старался развивать ихъ какъ можно дольше:

„Мнѣ слѣдовало бы сбрить усы... Какъ-нибудь непременно сбрею,“ продолжалъ онъ разсуждать съ собою. „А впрочемъ — нѣтъ. Такъ съ усами лучше. Такъ я на Бріана похожъ. Всѣ говорятъ. Ахъ, чортъ!“ громко выругался онъ, порѣзавъ себѣ щеку бритвой. „Надо „Жилетку“ завести.“

Наконецъ скучная процедура бритья была закончена. Анатолій Сергѣевичъ одѣлся, впрыснулъ себя одеколономъ. Но вдругъ почему-то обозлился,

обозвалъ себя старымъ болваномъ и отправился въ столовую пить чай. Тамъ на аккуратно накрытомъ столѣ уже кипѣлъ самоваръ. За окнами моросилъ дождь. Было такъ пасмурно, что горѣла лампа. Ея блѣдный желтый свѣтъ ужасною тоскою сжалъ сердце Анатолія Сергѣевича. Точно ледяная лавина навалилась на его душу. Онъ сердито позвонилъ Ясминѣ. „Куда она дѣвалась, чернокожее чучело...“

Передъ домомъ раздался рожокъ автомобиля. Анатолій Сергѣевичъ удивленно посмотрѣлъ въ окно, радостно замахалъ руками, кинулся къ двери, съ трудомъ повернулъ непослушный ключъ и выбѣжалъ на устѣнную опавшими листьями площадку веранды.

— Саща! Милый! Голубчикъ! — радостно закричалъ онъ. — Вотъ радость-то! Что же ты не написалъ? Не предупредилъ? Нѣтъ, вотъ радость-то!

Серпуховской, пропуская ступени, взбѣжалъ по лѣстницѣ и обнялъ старика:

— Не могъ предупредить, дорогой. Слишкомъ скоро собрался.

— Ну иди... иди...

Анатолій Сергѣевичъ втолкнулъ его въ столовую и сталъ кружиться вокругъ него, мѣшая ему раздѣваться.

Шофферъ внесъ чемоданы. Забавно присѣдая и кланяясь прибѣжала Ясмينا. Наконецъ суматоха улеглась и Анатолій Сергѣевичъ усадилъ своего гостя за чайный столъ.

— Тебѣ съ лимономъ, или ромомъ? Или можетъ быть хочешь кофею?

— Нѣтъ, дай чайку съ ромомъ. Холодно сегодня.

— Не изжарить ли тебѣ бифштексъ?

— Нѣтъ, спасибо. Я уже закусилъ на вокзалѣ...

А гдѣ же Вѣрочка? Больна?

Улыбка сбѣжала съ лица Анатолія Сергѣевича. Брови его насупились.

— Нѣтъ. Тѣломъ-то здорова. Да тяжело ей. Впрочемъ, какъ же я объ этомъ съ тобой... Извини, голубчикъ...

— Будь со мною совершенно откровененъ, Анатолій Сергѣевичъ. Я примирился съ положеніемъ и навсегда останусь твоимъ и Вѣрочкинымъ другомъ. Признаюсь тебѣ... Я всегда удивлялся тому, что она любитъ меня, Всегда какъ-то не довѣрялъ ея чувству и боялся, что утрачу его. Такъ и случилось. Да и не мудрено. Какая же мы пара? Вѣрочка, это... ну скажемъ: „диковинный, чудесный цвѣтокъ“, а меня только съ лапухомъ можно сравнить. Она пламенная идеалистка, — я отсырѣлый матеріалистъ и реалистъ.

— Ну, ужъ извини. Хорошъ реалистъ! Какое положеніе ради Вѣрочки бросилъ! Ты бы въ банкѣ какую карьеру сдѣлалъ.

— Вѣрочка тутъ ни при чемъ, — вспыхнулъ Александръ Александровичъ. — Просто, я не банкиръ, а помѣщикъ. Меня къ землѣ тянетъ. Да не во мнѣ дѣло... Расскажи мнѣ о ней... О Вѣрочкѣ...

— Да мучится она очень, Извелась совсѣмъ. Тяжело ей. Одинока она. Не съ кѣмъ слова сказать. Меня она дичится. Всегда вѣдь такъ. Молодежь свои сердечныя дѣла не любитъ повѣрять. А я не

рѣшаюсь съ ней заговорить. Не знаю, какъ къ ней подойти. Она же все молчитъ и таеѣтъ. Прямо таеѣтъ. Ночь въ день превращаетъ: бродитъ по дому, чай себѣ варитъ. Засыпаетъ только подъ утро и поздно встаетъ. На хозяйствѣ это не отзывается. Все у насъ хорошо налажено и люди удачные. Но себя она просто убиваетъ. И знаешь что, Сашенька? — Анатолій Сергѣевичъ наклонился впередъ и опустил голосъ, — чую я, что ее не только терзаетъ положеніе Николая Петровича, а и то, что... что онъ мало ее любитъ. Не такъ онъ ее любитъ, какъ она хочетъ. Знаешь, вотъ и я это нахожу.

— Не такъ любитъ, — слегка пожалъ Александръ Александровичъ плечомъ. — Конечно, онъ не любитъ ее страстью, всею плотью и кровью („какъ я“, хотѣлъ онъ сказать, но удержался). Однако, дорогой мой Анатолій Сергѣевичъ, ты не долженъ забывать, что онъ живетъ... ну, скажемъ, на иной плоскости этого міра, чѣмъ мы. Вѣдь онъ на порогѣ смерти. Онъ не видитъ, какъ мы, будущего передъ собою. Ему не до романтическихъ чувствъ.

— Да... да, Я это понимаю. Да ей-то, я думаю, трудно съ этимъ примириться. Къ тому же тамъ съ нимъ эта женщина. Его бывшая любовница.

— Ахъ, да между ними только дружескія отношенія. Она премилая.

— Ты развѣ ее знаешь? — изумился Анатолій Сергѣевичъ.

— Да, я встрѣтилъ ее у госпожи Носковой. Ты вѣдь знаешь, что Вѣрочка послала меня къ ней. Вотъ скажу тебѣ: рѣдкая женщина! Это прямо

мученица! Тихая мученица. Вѣдь сколько святыхъ всю жизнь свою прожили въ свое удовольствіе и приняли мученичество только тѣмъ, что закончили ее, сгорѣвъ на кострѣ, или тѣмъ, что были разорваны тиграми, что ли! А эта несчастная всю жизнь свою безотчетно чувствовала обреченность сына. Всю жизнь она только и думала, какъ бы уберечь его... И вотъ — не уберегла. Это гвоздитъ, пытается ее. А что ей еще предстоитъ... Я страдаю за нее душой. Я прямо полюбилъ ее. Худенькая... тщедушная. Страдальчесій ротъ, а глаза дѣтскіе, голубые, какъ ясное голубое небо... Душа въ нихъ свѣтится.

— Да... душа-то вотъ и въ немъ... Въ сынѣ... Нечего сказать, много горя онъ мнѣ принесть, а нѣтъ у меня на него злобы. Наоборотъ, полюбилъ я его съ перваго взгляда. Нашелъ я его у насъ на лужайкѣ въ травѣ. Думалъ, пьяный, строго такъ его окликнулъ, а какъ взглянулъ онъ на меня, я сразу почувялъ: душа въ немъ... страдающая душа... И такъ я въ него повѣрилъ, что и подозрѣнія у меня не явилось, что у него что-то не въ порядкѣ, или какъ тамъ. Вотъ, Сашенька, если бы ты его увидѣлъ, ты бы понялъ...

— Да я видѣлъ его.

— Да что ты?! Да какъ же это? — не могъ придти въ себя отъ изумленія Анатолій Сергѣевичъ.

— Я такъ полюбилъ Марію Михайловну, что мнѣ захотѣлось узнать ея сына. Я поѣхалъ къ нему. Мы долго говорили.

— Да, ну? Саша, голубчикъ, что ты за человѣкъ! Ну что же? Какъ ты его нашелъ?

— Онъ не отъ міра сего больше. Ничего особеннаго не говоритъ, не дѣлаетъ, а самъ точно свѣтится изнутри. Я передъ нимъ испытывалъ трепетъ какой-то.

— Да что ты! Ну, а что же онъ говорить?

— Онъ былъ кротокъ и бодръ. Просилъ меня заботиться о Вѣрочкѣ. Представь себѣ, у меня даже было чувство, что онъ былъ бы радъ, если бы мы... ну, впоследствии все-таки поженились. Конечно, онъ этого не сказалъ. Можетъ быть и не подумалъ, а такъ у него вышло.

— Хорошій онъ, честный малый... Ахъ, Сашенька, если бы далъ тебѣ Господь...

— Нѣтъ, нѣтъ. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи... Вѣрочка его не забудетъ никогда. Да я-же самъ нахожу, что мы не пара. Я хотѣлъ только сказать, что въ немъ нѣтъ ревности. А знаешь, что я скажу тебѣ, Анатолій Сергѣевичъ? Я Вѣрочкѣ въ мужа не гожусь, но и Николай Петровичъ ей не подходитъ. Въ нихъ общаго есть только то, что они оба цѣнные, очень цѣнные люди. Однако, у нихъ разные пути и они оба слишкомъ яркія индивидуальности, чтобы нуждаться, такъ сказать, въ дополненіи себя другъ другомъ... Нескладно я выражаюсь, но знаю, ты понимаешь меня. Живя вмѣстѣ, они будутъ мѣшать другъ другу въ выполненіи того, чего требуютъ отъ нихъ ихъ внутреннія, духовныя силы, они будутъ сбивать другъ друга съ пути, по которому они должны идти, чтобы выполнить тайное велѣніе ихъ судьбы. Николай Петровичъ будетъ рваться къ небу. Вѣрочка будетъ находить это не-

производительнымъ, тянуть его къ исполненію его долга на землѣ и они оба будутъ страдать. Я даже думаю, что Коринна дѣйствовала-бы на него много успокоительнѣе, какъ жена. Она думала-бы только о томъ, какъ-бы стусеваться, какъ-бы помочь ему во всемъ. Она заботилась-бы только о его благѣ, о его удобствахъ. Онъ бы не чувствовалъ ея присутствія и ему было-бы легко...

— Это ты пожалуй правъ...

— Ну, да что объ этомъ говорить... Долженъ тебѣ сказать, Анатолій Сергѣевичъ, что Николай Петровичъ съ горячею благодарностью вспоминаетъ о тебѣ.

— Да и я люблю его... Ахъ, ты Господи...

— Мы крѣпко обнялись съ нимъ на прощаніе.

— Ну, а дѣло-то его какъ? Что адвокатъ говорить?

— Дѣло очень плохо. Лучшій исходъ, — безсрочная каторга... И онъ это знаетъ. Готовится душой.,,

Серпуховской и Анатолій Сергѣевичъ долго молчали, звеня чайными ложечками въ стаканахъ. У Анатолія Сергѣевича предательски кололо подъ вѣками. Онъ съ трудомъ удерживалъ слезы.

— Ну, а какъ доволенъ ты хозяйствомъ, Анатолій Сергѣевичъ? — чтобы переменить тему разговора, спросилъ Александръ Александровичъ.

— Да не могу пожаловаться. Только вѣдь безъ тебя я хозяйничалъ потихонечку. А теперь, если съ тобой, то много расшириться можно и земли прикупить. Рядомъ съ нами участокъ продается. Вотъ

ты посмотришь. А надолго-ли ты къ намъ, голубчикъ?

— Дѣла я свои ликвидировалъ уже, когда получилъ Вѣрочкино письмо... Я свободенъ и могъ-бы остаться навсегда... Но сначала я долженъ поговорить съ Вѣрочкой.

— Она рада будетъ. Я знаю навѣрно, что рада будетъ. Ну, голубчикъ мой, Сашенька, какъ я радъ тебѣ. И сказать не могу! Вотъ не ожидалъ я, что сегодня меня такая радость ожидаетъ. Да и Вѣрочка обрадуется. А что, милый, не пойти-ли намъ въ конюшню? Я тебѣ тамъ лошадку одну покажу. Прелесть. А ферму осмотримъ послѣ завтрака. Она все-таки очень измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ ты ее видѣлъ въ послѣдній разъ. Ты будешь доволенъ. Ну, что-же? Идемъ?

— Отлично, только сначала отведи меня въ мою комнату. Я переодѣнусь въ костюмъ фермера. А то по дождю-то не очень пріятно въ городскомъ костюмѣ.

— Ахъ, конечно, голубчикъ! Я и не подумалъ объ этомъ. Пойдемъ! Я самъ тебѣ помогу переодѣться. Я теперь отъ тебя ни на шагъ...

*   *

*

Въ это время Вѣрочка, лежа на своей узенькой бѣлой кровати, старалась удержать оставляющій ее сонъ. Ей хотѣлось натянуть его на себя, какъ одѣяло, спрятаться въ него съ головою, но онъ не по-

корялся ей и разсѣивался все быстрѣе. Чѣмъ сильнѣе прояснялось при этомъ ея сознаніе, тѣмъ больше сжималось ея сердце... Ей невыносимо было думать о томъ, что ей надо снова начать жить, надо снова войти въ свою жизнь и взять ее на себя какъ разъ съ того мучительнаго мѣста, на которомъ вчера передъ сномъ блаженно оборвалось сознаніе.

„Какъ я понимаю морфинистовъ,“ съ горечью подумала она: „Чего-бы я теперь не выпила, чтобы затушить мой разумъ, чтобы не думать, не сознавать, не страдать...“

„Не пришла-ли почта?“ промелькнуло у нея въ головѣ и эта внезапная мысль изгнала всѣ остальные. Найдя на тумбочкѣ звонокъ, Вѣрочка нѣсколько разъ нетерпѣливо нажала его пальцемъ.

Прибѣжала Ясмина и, скаля бѣлые зубы, стала возбужденно рассказывать о пріѣздѣ мистера Саши.

Вѣрочка порывисто соскочила съ постели. Вся кровь кинулась ей въ лицо.

— Ахъ, глупая! Почему-же ты меня не разбудила? — мягко упрекнула она негритянку. — Кто же его принялъ? Гдѣ-же онъ сейчасъ? — забросала она ее вопросами.

— Сейчасъ онъ ушелъ въ конюшню съ мистромъ Барсуковымъ. Подарковъ онъ всѣмъ привезъ цѣлый чемоданъ. Мнѣ вотъ эти бусы и браслеты, — оживленно жестикулируя своими тонкими руками, какъ у всѣхъ женщинъ темныхъ расъ, отличающимися особенно гибкими и подвижными кистями, рассказывала Ясмина.

— Вели кухаркѣ зажарить двѣ курицы. Да са-

лату чтобы она сдѣлала побольше, — дѣловито распоряжалась Вѣрочка, натягивая чулки. — На сладкое пусть приготовить шоколадный пуддингъ. Мистеръ Саша любитъ эти блюда. Да смотри, накрой на столъ какъ слѣдуетъ. Мнѣ самой некогда. Приготовь мнѣ синій костюмъ и голубой шарфъ, пока я буду мыться.

Нѣсколько минутъ спустя Вѣрочка, изящная и свѣжая, уже бѣжала по направленію конюшни.

Дождь пересталъ и небо стало проясняться. Пріятно пахло размытой землей и осеннею прѣлью. Октябрьская острота воздуха подтягивала нервы. Легкій вѣтеръ срывалъ съ деревьевъ красные и желтые листья, кружилъ ихъ въ воздухѣ и гналъ куда-то стаями испуганныхъ птицъ.

Вѣрочка на бѣгу сорвала бѣлый георгинъ и загнула его за поясъ, но сейчасъ-же сердито бросила его прочь.

— Вы не видѣли моего отца? — спросила она конюха, моющего лошадь передъ конюшней.

— Мистеръ Барсуковъ былъ здѣсь съ какимъ-то господиномъ и ушелъ вмѣстѣ съ нимъ въ контору. Да, вонъ они оба идутъ сюда, — отвѣтилъ тотъ.

Вѣрочка бросилась съ протянутой рукой къ Александру Александровичу:

— Саша, милый, какой сюрпризъ! Какъ это сдѣлалось, что ты такъ сразу?

— А „сдѣлалось“ такъ, что я раньше освободился и прилетѣлъ, — разсмѣялся Серпуховской.

— Ну, это чудесно! Папа, пожалуйста отдай

нѣ Сашу до завтрака. Мы пойдемъ сдѣлать прогулку.

— Да бери его, сдѣлай милость. Только послѣ завтрака, чуръ. Послѣ завтрака онъ мой. Мы пойдемъ новую ферму осматривать.

— И я съ вами.

— Вотъ умница! — обрадовался Анатолій Сергѣевичъ. — Ну, идите себѣ, а я пока разные планы и бумаги приготовлю, которые хочу Сашѣ показать.

— Да вотъ это хорошо. Прощай, папочка, — своимъ прежнимъ звонкимъ голосомъ воскликнула она, и взявъ Александра Александровича подъ руку, потянула его къ себѣ. — Идемъ къ океану, Саша. Тамъ есть длинная дорожка между камышами. Тамъ не чувствуется вѣтеръ...

Они долго шли молча. Между камышами было дѣйствительно тихо и тепло. За ихъ слегка шелестящею стѣною влажно шипѣли и распластывались волны.

Вѣрочка внезапно остановилась и, повернувшись къ Александру Александровичу лицомъ, робко заглянула ему въ глаза:

— Саша, — нетвердымъ голосомъ заговорила она, — я рада, что ты пріѣхалъ. Я хотѣла-бы, чтобы ты остался здѣсь навсегда... Но, только моимъ другомъ... Ты понимаешь? Я знаю, что это эгоистично... Что я не стою этого.. Но если-бы это могло быть, я была-бы такъ рада... Саша, пойми меня и прости... Я не могу иначе... Вѣдь не на радость себѣ я отказалась отъ того, чтобы стать

твоей женой Вѣдь я очень, очень несчастна... Ахъ, такъ несчастна., — губы ея по дѣтски вздрогнули.

Серпуховской взялъ ея руку и нѣжно поцѣловалъ ея пальцы.

— Я останусь съ тобой и съ Анатоліемъ Сергѣевичемъ, Вѣрочка. Намъ будетъ хорошо всѣмъ вмѣстѣ... Будемъ хозяйничать... А ты, родная, не мучь себя ни прошлымъ, ни будущимъ. Будемъ пока жить настоящимъ.

— Но мое настоящее такъ ужасно, Саша.

— Да... Я понимаю. Тебѣ трудно. Но вѣдь ты-же сильный человѣкъ. Возьми себя въ руки. Противъ судьбы не пойдешь. Да можетъ быть она ужъ и не такъ безжалостна. Вѣдь ты вѣришь въ Бога, онъ поддержитъ тебя, какъ поддерживаетъ эту удивительную женщину, Марію Михайловну Носкову.

— Ты видѣлъ ее? Ты ничего не писалъ мнѣ объ этомъ, — вся загорѣлась Вѣрочка. — Ты былъ у нея? Расскажи.

— Да, въ тотъ-же день, какъ получилъ твое письмо. Она удивилась моему посѣщенію. Не могла понять, что у меня нѣтъ никакой ненависти ни къ ней, ни къ ея сыну. Просила меня простить его. Я еле ее успокоилъ. Но если-бы ты знала, какое въ ней обаяніе. Какая чистота души. Тебя она такъ любитъ. Портретъ твой носитъ въ сумочкѣ. Называетъ тебя своей дочкой богоданной...

— Какъ-бы я хотѣла ее видѣть, — съ тоскою проговорила Вѣрочка. — Но вотъ... Мнѣ запрещено ѣхать въ Нью-Йоркъ.

— Запрещено? Да кѣмъ-же? — удивился Серпуховской.

— Кѣмъ? Ея сыномъ. Онъ требуетъ, чтобы я оставалась здѣсь. Онъ не хочетъ видѣть меня. Я не нужна ему, — съ прорвавшеюся горечью воскликнула она счастливая, что наконецъ-то, можетъ высказаться.

— Вѣрочка, ты несправедлива къ нему. Ты не понимаешь его. Смотришь на все со своей точки зрѣнія. Пойми-же, онъ любитъ тебя возвышенной любовью, преклоняется передъ тобою. Какъ-же можетъ онъ желать, чтобы на тебя указывали пальцами, какъ на невѣсту преступника. Вѣдь люди такъ недоброжелательны, такъ жестоки. Онъ счастливъ знать тебя здѣсь обереженной, окруженной близкими людьми, привычной обстановкой. Ты заболѣла-бы отъ горя въ Нью-Йоркѣ.

Вѣрочка упрямо покачала головой:

— Нѣтъ, этого я никогда не пойму. Какъ-бы низко я ни пала, какъ-бы ни была унижена, я была-бы счастлива его видѣть. Я жила-бы только минутами свиданія съ нимъ.

— Ты это говоришь потому, что полна жизни, а онъ отошелъ отъ нея. Онъ не похожъ больше на простого смертнаго. Въ немъ есть что-то далекое, отчужденное, безстрастное...

Вѣрочка взволнованно схватила Серпуховского за отвороты его кожаной куртки:

— Ты... Ты его видѣлъ? — съ изумленіемъ спросила она, поплѣднѣвъ до самыхъ губъ.

— Успокойся, дорогая. Успокойся-же. Прости,

что я такъ сразу проговорился... Не подготовилъ, — озабоченно воскликнулъ Александръ Александровичъ, слегка обнявъ ее. — Ну да, я былъ у него.... Не плачь-же, Вѣрочка, родная. О чемъ-же ты? Слушай, я расскажу тебѣ... Онъ говорилъ о тебѣ... Онъ всегда радуется твоимъ письмамъ. Ему хорошо въ тюрьмѣ... Ну, полно-же, милая... Перестань...

Александръ Александровичъ безпомощно поддерживалъ рыдающую Вѣрочку. Она довѣрчиво прижалась лицомъ къ его плечу. Наконецъ она овладѣла собою:

— Саша, прости меня, — всхлипывая заговорила она. — Прости, что я съ тобою говорю объ этомъ, при тебѣ плачу. Тебѣ, можетъ быть, это больно. Но вѣдь у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя.

— Всегда все говори мнѣ, Вѣрочка.

— А тебѣ не больно?

— Нѣтъ... больше не больно...

— А было больно? Да? Прости, прости меня...

— Полно. Зачѣмъ растравлять раны. Зачѣмъ дергать нервы. Будемъ благоразумны... Все образуется...

— Саша, можно мнѣ еще спросить тебя?

— Разумѣется.

— Какъ онъ былъ одѣтъ?

— Кажется въ сѣрой парѣ.

— А волосы его? Ему ихъ не обрѣзали?

— Да нѣтъ. Что ты! Все это только послѣ приговора. Я-же говорю тебѣ, ему тамъ хорошо. Съ нимъ отлично обращаются.

— Скажи мнѣ, Саша... Если ты его видѣлъ, то

ты видѣлъ и ее? — Вѣрочка вспыхнула. Брови ея вздрогнули и сдвинулись. Она отошла отъ Александра Александровича и медленно пошла дальше между камышами.

— Какъ-же. Я видѣлъ и Коринну, — спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ Серпуховской, слѣдуя за ней. — Она хорошая женщина. Съ какою деликатностью и нѣжностью говорила она со мною о тебѣ. Все меня спрашивала. Старалась понять, будутъ-ли онъ съ тобою счастливъ...

— Счастливъ со мною? Да развѣ мы встрѣтимся еще когда-нибудь? Вѣдь если его сошлютъ, онъ не возьметъ меня съ собою!

— А ты-бы пошла?

— Если-бы я могла не пойти за нимъ, Саша, я бы осталась твоей невѣстой... Понимаешь?

— Прости.

— Ты началъ рассказывать мнѣ о Кориннѣ. Она очень красива?

— Нѣтъ, такъ себѣ. Худая, рыженькая. Но шикарная очень. А главное милая, кроткая. Мнѣ Марія Михайловна говорила, что она и не надѣется на взаимность Николая Петровича, а любитъ его прямо рабски...

— Не надѣется на взаимность? Да вѣдь у нея все было... Они жили вмѣстѣ въ ея домѣ... Она была счастлива съ нимъ.

— Богъ съ тобой! Поскольку я слыхалъ отъ Маріи Михайловны, ихъ жизнь была кошмаромъ.... Онъ всегда вспоминаетъ о жизни въ ея домѣ съ ужасомъ... Вѣдь Коринна написала тебѣ?

— Да. Я отвѣтила. Пожалуй, даже искренно. Но въ душѣ я не могу примириться съ ея существованіемъ.

— Это потому, что ты не видѣла ее. Иначе тебѣ стало-бы ее жаль.

— Она часто навѣщаетъ его?

— Нѣтъ, очень рѣдко. Охотно онъ видитъ только мать. Знаешь, я былъ у него въ камерѣ.

— Неужели! Какъ-же у него? Ужасно?

— Нѣтъ. Свѣтло. Очень чисто.

— Коринна тоже бываетъ у него въ камерѣ?

— Нѣтъ. Кажется, только въ пріемной.

— Минутами я ненавижу эту женщину... Особенно, когда думаю о томъ, что они были такъ близки...

Серпуховской ласковымъ движеніемъ взялъ ее подъ руку.

— Повѣрь мнѣ, дорогая, мужчины часто не придаютъ никакого значенія такой близости... Наоборотъ, она часто гораздо больше отдаляетъ мужчину отъ женщины, чѣмъ приближаетъ. Я знаю, тебѣ это непонятно. Тогда повѣрь мнѣ на слово... Ну, а теперь отгони печальныя мысли... Вѣдь я привезъ тебѣ довольно хорошія вѣсти. Какъ ты думаешь, намъ не пора домой? Я боюсь, что Анатолій Сергѣевичъ ужъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ насъ.

— Да, пойдѣмъ къ нему. Онъ такъ радъ, бѣдный, что ты пріѣхалъ. Ему трудно было со мной.

— Ты знаешь, что онъ хочетъ прикупить участокъ земли?

— Да. Только безъ тебя онъ не рѣшался.

— Сегодня-же поѣдемъ смотрѣть. Я хочу приобрѣсти его для себя. Если когда-нибудь я стану лишнимъ здѣсь, я переѣду по сосѣдству.

— Нѣтъ, Саша, лишнимъ ты никогда не будешь... — Вѣрочка ласково пожала руку Александра Александровича.

Анатолій Сергѣевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидая ихъ, прохаживался передъ террасой.

„Эхъ, вотъ была-бы пара,“ съ огорченіемъ подумалъ онъ, увидѣвъ ихъ въ концѣ аллеи: „Мудритъ это Саша: „Не подходимъ другъ къ другу.“ Пустяки какіе. Философія одна...“

Конец первой книги.

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ СXXXI

ВѢРА НАВАЛЬ

НАВОЖДЕНІЕ

РОМАНЪ

КНИГА ВТОРАЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА / ГРѢШНАЯ УЛИЦА № 25
1 9 3 2

**Всѣ права сохранены за авторомъ
Alle Rechte vorbehalten
Copyright by author**

**Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ДРАУГСЪ»
Рига, Петроцерковная площ. 25-27.**

XI

Дѣло объ убійствѣ Моники Динтонъ было назначено къ слушанію на двадцать четвертое февраля. Когда въ это утро докторъ Марчъ вошелъ въ залу суда, она уже была полна публикой. Нестройный говоръ оживленныхъ голосовъ то повышался, то понижался. Флирты, разговоры, споры были въ самомъ разгарѣ. Финансовыя королевы и театральныя звѣзды соревновались въ изяществѣ своихъ скромныхъ утреннихъ платьевъ, простота которыхъ стоила баснословныхъ цѣнъ... Чающіе сенсаций журналисты жадно прислушивались, присматривались и что-то быстро записывали на узкихъ блокнотахъ. Неожиданное появленіе извѣстнаго фильмнаго премьера произвело фуроръ. Мгновенно разнесся слухъ о томъ, что ему предстоитъ играть роль преступника и что онъ пріѣхалъ на процессъ, чтобы учиться на натурѣ. Всѣ присутствующіе были въ приподнятомъ настроеніи и возбужденно ожидали предстоящаго имъ зрѣлища.

„Дикари,“ съ горечью и возмущеніемъ думалъ докторъ Марчъ: „Они пришли сюда, какъ въ древній циркъ смотрѣть на муки этого бѣднаго мальчика, который самъ добровольно принесъ свою

голову на плаху. Они съ затаеннымъ дыханіемъ станутъ слѣдить за тѣмъ, какъ прокуроръ будетъ домогаться его казни, требовать его крови; жадными глазами станутъ наблюдать за выраженіемъ лица этого мученика, обреченнаго на смерть... Проклятые садисты.“

Доктору Марчу хотѣлось вскочить на мѣсто предсѣдателя суда, ударить его молоткомъ по столу и разразиться громовой рѣчью противъ всѣхъ этихъ пустоголовыхъ, безсердечныхъ свѣтскихъ бездѣльниковъ.

Увидѣвъ въ первомъ ряду часто навѣщавшаго Николая Петровича, католическаго священника, докторъ Марчъ привѣтствовалъ его легкимъ движеніемъ руки и занялъ мѣсто рядомъ съ нимъ:

— Вамъ не кажется, что мы съ вами сегодня перенесены въ средневѣковье? — съ непривычною ѣдкостью въ голосъ обратился онъ къ нему. — Вамъ не кажется, что мы перенесены въ тѣ времена, когда сжигали „вѣдьмъ“, когда били и заковывали въ цѣпи душевно больныхъ за то, что они невмѣняемы. Сегодня мы будемъ свидѣтелями того, что человѣкъ, совершившій преступленіе въ минуту полнаго умственнаго затменія, будетъ приговоренъ къ смерти. Самое ужасное то, что никто не возстанетъ противъ этого вопіющаго преступленія... Никто. Даже мы съ вами.

Возможно, что послѣ выполнения смертнаго приговора, въ какой-нибудь газетѣ появится статья о несостоятельности нашихъ законовъ. Но она не вызоветъ волненія ни въ комъ.

Священникъ чуть пожалъ плечами. Его красивое, іезуитски утонченное лицо было замкнуто и печально.

— Что-же дѣлать! Нашъ долгъ покоряться существующимъ законамъ и не смущать умовъ... — какъ-бы нехотя отвѣтилъ онъ.

— Однако, покоряться такому долгу не всегда легко, — задѣтый его спокойствіемъ, пылко возразилъ докторъ Марчъ. — Когда совѣсть расходится съ закономъ, такой долгъ становится фикціей. Дѣло мистера Носкова еще разъ подчеркиваетъ устарѣлость законовъ всего свѣта и показываетъ, какъ мало приспособлены они къ сложной психологіи современныхъ людей.

— Дорогой докторъ, не забывайте того, что прогрессъ, въ чемъ-бы онъ ни выражался, всегда очень медленный процессъ. Однако, во всѣхъ странахъ толкуютъ теперь о судебныхъ реформахъ...

— Нужны не реформы, а совершенно новые законы. Все правовѣдѣніе должно быть измѣнено. Прежде всего, судьи должны быть психологами. Скажите мнѣ, для чего психологія изучается въ университетахъ, какъ наука, если она не находитъ себѣ практическаго примѣненія тамъ, гдѣ она необходимѣе всего? Мнѣ непостижимо, какъ рѣшаются судьи приговорить къ смерти человѣка, если они сами неспособны судить о состояніи его разсудка и должны прибѣгать за этимъ къ помощи психіатровъ-экспертовъ. Судьи по призванію и образованію еще хоть способны понять выводъ психіатрической экспертизы, но о присяжныхъ засѣдателяхъ этого

сказать нельзя. Они часто понимают постановленіе психологовъ превратно, или не понимаютъ его вовсе, что конечно оказываетъ пагубное вліяніе на ихъ приговоръ, такъ часто уничтожающій жизнь невиннаго человѣка. Присяжные засѣдатели судятъ совершенно произвольно, по настроенію. Ихъ вердиктъ въ сильной зависимости отъ симпатіи, которую внушаетъ имъ подсудимый, отъ убѣдительности рѣчи прокурора, или защитника. Они судятъ, не руководясь никакими психологическими соображеніями. А, согласитесь со мною, судьи-профаны въ психологіи, — это-же совершенный абсурдъ! Въдь каждая душа совершенно обособленный, неповторяющійся міръ! Поэтому справедливость требуетъ того, чтобы къ каждому „преступнику“ судьи-психологи относились индивидуально и для каждого изъ нихъ находили наказаніе, то-есть способъ излеченія, соответствующій ихъ натурѣ. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ я наблюдаю этихъ несчастныхъ, и утверждаю, что между ними не было ни одного нормальнаго человѣка. Можно-ли, на примѣръ, считать нормальными людей, совершенно не отличающихъ добра отъ зла, людей, лишенныхъ морали, не имѣющихъ задерживающихъ центровъ? Или садистовъ, или пиромановъ или маніаковъ, мечтающихъ объ истребленіи множества жизней? Безконечно число преступниковъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ навязчивой идеи. Недавно здѣсь судили одного инженера. Онъ, видите ли, изобрѣлъ машину. Маленькую, портативную машину для взрыванія мостовъ. Сначала онъ пробовалъ получить на нее патентъ и продать ее въ

военное министерство. Изъ этого почему-то ничего не вышло и бѣдный инженеръ не находилъ примѣненія своей опасной игрушкѣ. Часто, проходя мимо какого-нибудь моста, онъ соображалъ, какъ-бы слѣдовало къ нему приладить машину, представлялъ себѣ взрывъ и такъ далѣе. Игра этой мыслью все сильнѣе въѣдалась въ его мозгъ. Онъ со своей машинкой сталъ бродить вокругъ всякихъ мостовъ. Бродилъ долгіе мѣсяцы и наконецъ примѣнилъ свое изобрѣтеніе...

— Это меня не удивляетъ, — оживленно прервалъ доктора Марча священникъ. — Я убѣжденъ, что если-бы самому моральному, самому нормальному человѣку дали въ руки... ну скажемъ, небольшую бомбу, способную разрушить весь міръ, онъ не вынесъ-бы соблазна и въ концѣ концовъ несомнѣнно разрушилъ-бы его.

— Совершенно съ вами согласенъ. Итакъ преступленіе моего инженера было совершено безусловно подъ вліяніемъ навязчивой идеи. Этотъ человѣкъ былъ безусловно невмѣняемъ во время совершения своего поступка и что же? Психіатры-эксперты, называя его совершенно неприспособленнымъ къ жизни фантастомъ, человѣкомъ съ постоянно перевозбужденнымъ воображеніемъ и до болѣзненности взвинченнымъ честолюбіемъ, признали его вмѣняемымъ и отвѣтственнымъ за свои поступки. Скажите, какой нормально мыслящій человѣкъ, какой психологъ могъ-бы сдѣлать такой выводъ? Однако, психіатрія такъ закостенѣла, что не видитъ и не признаетъ никакихъ душевныхъ заболѣваній кро-

мѣ тѣхъ, которыя давно зарегистрированы ею. Я недавно говорилъ объ этомъ съ мистеромъ Мэррисомъ. Онъ вполне согласенъ со мною. Представьте себѣ, что мнѣ приходилось наблюдать преступниковъ, безусловно ненормальныхъ, которые, въ надеждѣ на оправданіе, симулировали симптомы всѣмъ извѣстныхъ психозовъ, чтобы попасть въ „категорію“ и быть признаннымъ невмѣняемымъ.

— Да, человѣческій разумъ сложный аппаратъ. Особенно, когда онъ извращенъ, — сказалъ священникъ. — Я тоже думаю, что среди преступниковъ нѣтъ нормальныхъ людей. Однако, если нормальными считать исключительно людей, духовно созданныхъ по образу и подобию Божію, то ихъ, конечно, мало.

— Да и этого не довольно... Вотъ мистеръ Носковъ безспорно созданъ по образу и подобию „Божію“, и все-же вполне нормальнымъ человекомъ его назвать нельзя. Но въ его случаѣ всему виною воспитаніе. Его не научили владѣть ни своей волей, ни своимъ разумомъ. Это слѣдствіе современнаго воспитанія, которое стремится все облегчить ребенку, избавить его отъ каждой скучной обязанности, отъ каждой отвѣтственности и направлено только на то, чтобы доставлять ему удовольствія. Результатомъ всего этого получается то, что ребенокъ лишенъ душевной гимнастики. Многія стороны его души остаются недоразвитыми; изъ него получается эгоистъ, человекъ безо всякой внутренней опоры. И не мудрено. Вѣдь уже въ дѣтствѣ происходитъ граненіе души, а чѣмъ она многограннѣе, тѣмъ лучше. Если-

бы мальчикомъ мистера Носкова научили владѣть своей волей, не случилось-бы того, что произошло. Его несчастная мать это чувствуетъ. При каждомъ разговорѣ со мной она повторяетъ, что не уберегла сына. Да, не уберегла потому, что не сумѣла воспитать.

Докторъ Марчъ нервно гладилъ свои прекрасныя руки, которые болѣли, когда болѣла его душа.

— Я во многомъ согласенъ съ вами, — задумчиво проговорилъ священникъ. — Однако, я нахожу, что главный недостатокъ современнаго воспитанія заключается въ томъ, что родители, удѣляя большое вниманіе развитію тѣла ребенка, совершенно не пекутся о развитіи его души. Духовно, современныя дѣти совершенно предоставлены себѣ. Такъ было и съ мистеромъ Носковымъ. Отецъ его, судя по тому, что я о немъ слышалъ, очень ограниченный человѣкъ, составилъ себѣ изъ всевозможныхъ ученій свою собственную религію, но такую фантастичную и неопредѣленную, что не рѣшался говорить о ней съ сыномъ. Мать его — глубоковѣрующая христіанка, но боясь столкновеній съ мужемъ, она не рѣшалась воспитывать мальчика въ догматахъ православной церкви и надѣялась, что когда онъ вырастетъ, онъ самъ найдетъ путь къ Богу. Она не знала, какъ говорить съ ребенкомъ, боялась дать ему слишкомъ мало, и поэтому не дала ему ничего. Мальчикъ провелъ все свое дѣтство, не слыша словъ высокой морали, не зная о Богѣ, не стремясь ни къ злу, ни къ добру.... Злыя силы легко овладѣваютъ такими, не укрѣпленными вѣрой, душами. Да, бѣдная мистрисъ Носкова

не уберегла своего сына. Она и мнѣ часто повторяла эту фразу.

— Это очень прискорбно. Бѣдный мальчикъ, черезъ какія страданія онъ прошелъ, закаляя свою душу, поднимаясь ввысь, — съ горячимъ сочувствіемъ воскликнулъ докторъ Марчъ.

Кто-то коснулся его плеча. Около него стояла Коринна. Не вставая, онъ притянулъ ея руку къ своимъ губамъ. Въ этомъ движеніи не было небрежности. Оно было полно той искренней простотой и проникновенной ласковостью, которыя притягивали къ нему сердца всѣхъ знавшихъ его людей.

— Вы одни? А гдѣ-же мистрисъ Носкова? — озабоченно спросилъ онъ молодую женщину.

— Мистрисъ Носкова пріѣхала со мною, — отвѣтила та. — Но она сѣла въ послѣднемъ ряду. Ей кажется, что ея сыну будетъ тяжело увидѣть ее здѣсь. Ну, какъ онъ? Вы видѣли его?

— Онъ сильно удрученъ тѣмъ, что не въ силахъ сегодня настроить свою душу на надлежащій ладъ. Я отвѣтилъ ему, что это потому, что душа его не участвовала въ убійствѣ.

— Какъ все это ужасно, докторъ. Я боюсь, что не выдержу... Кажется, мнѣ пора садиться на скамью свидѣтелей... Гдѣ это?

— А вонъ тамъ, за перегородкой. Видите рядъ стульевъ. Владѣйте собою, мистрисъ Свифдъ. Ваши показанія очень важны.

— Да, конечно. До свиданія.

Докторъ Марчъ доброжелательно проводилъ ее глазами.

„Милая женщина,“ подумалъ онъ: „Только зачѣмъ она нарядилась, какъ фильменная дива въ пятомъ актѣ. Вся въ черномъ. Кружево на лицѣ. Какъ безвкусно. Нѣтъ въ современныхъ людяхъ душевнаго цѣломудрія. Все на показъ. Все для галерки. Даже истинное горе...“ Взглядъ доктора Марча случайно остановился на мистерѣ Мэррисѣ, который только что подошелъ со своимъ помощникомъ къ адвокатскому столу. Лицо его было жизнерадостно и самоувѣренно, какъ всегда, но въ немъ чувствовался сильный нервный подъемъ. Онъ бросилъ свой портфель на столъ, удобно усѣлся въ креслѣ и закурилъ. Его помощникъ раскрылъ портфель и началъ аккуратно раскладывать передъ собою акты. Потомъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами со своимъ патрономъ, направился къ письмоводителю и сталъ съ нимъ что-то дѣловито обсуждать.

— Вотъ увидите, Мэррисъ выиграетъ дѣло! Онъ чертовски ловкій криминалистъ, — жирнымъ голосомъ проговорилъ сидящій передъ докторомъ Марчемъ сѣдой толстякъ, обращаясь къ своей дамѣ, пышной, сильно накрашенной блондинкѣ съ густо засыпанными пудрой морщинами.

— Никогда, — заспорила она. — Подсудимый самъ признался въ убійствѣ, а такой прокуроръ, какъ Вебстеръ Тэнлей, закатаетъ и не такого.

— А вотъ увидите, въ послѣднюю минуту мистеръ Мэррисъ выкинетъ такое, — онъ неопредѣленно помахалъ рукой, — такой устроитъ фортель, что выйдетъ, какъ онъ хочетъ. Давайте пари держать, что подсудимаго оправдаютъ.

— Да нѣтъ же, засудятъ.

— Ну, давайте пари на бутылку шампанскаго. Я знаю, гдѣ его достать...

Докторъ Марчъ не выдержалъ:

— Вы очевидно не отдаете себѣ отчета, милостивый государь, — обратился онъ къ толстяку, — что ставка въ вашей игрѣ, это голова подсудимаго. Такой спортъ нельзя назвать человѣчнымъ.

Не ожидая отвѣта опѣшившаго старика, докторъ Марчъ порывисто всталъ со своего мѣста и направился въ глубину залы, на задней стѣнѣ которой висѣли большіе круглые часы.

„Безъ шести минутъ десять. Сейчасъ начать“, подумалъ онъ, пробѣгая глазами задніе ряды зрителей. Въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ, въ углу, прижавшись къ стѣнѣ и закрывъ глаза, сидѣла Марія Михайловна.

„Какъ раненая птица“, подумалъ докторъ Марчъ, и сердце его вздрогнуло отъ горячаго состраданія. Онъ подошелъ къ ней, обнялъ ее.

— Я съ вами, дорогая. Я не оставлю васъ ни на минуту, — сказалъ онъ, садясь рядомъ съ нею на стулъ, съ порывистой услужливостью подставленный ему какимъ-то, вѣроятно знающимъ его, студентомъ.

Вдругъ въ залѣ мгновенно смолкли только что громко гудѣвшіе голоса.

— Подсудимый, — громко прошепталъ кто-то вблизи.

Марія Михайловна затряслась всѣмъ тѣломъ. Докторъ Марчъ крѣпко сжалъ ея руку. Она стала затихать. Не выпуская изъ своей ея руки, онъ при-

поднялся, чтобы лучше видѣть. Изъ небольшой боковой двери въ противоположной сторонѣ залы только что ввели Николая Петровича. Мистеръ Мэриксъ бросился къ своему подзащитному и, поцѣлывая его, усадилъ рядомъ съ собою.

Все вниманіе присутствующихъ жадно сосредоточилось на Николаѣ Петровичѣ. Но онъ не чувствовалъ себя отданнымъ нездоровому любопытству толпы. Волненіе ослѣпляло его. Все въ немъ было судорожно напряжено, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ни на чемъ не могъ сосредоточить свое вниманіе. Темные, длинные ряды зрителей сливались въ его глазахъ въ одно огромное черное, колыхающееся пятно. Людей, сидящихъ вблизи отъ него, онъ не видѣлъ вовсе. Голосъ говорящаго ему что-то мистера Мэрикса звучалъ гдѣ-то далеко и не доходилъ до его сознанія. Глаза его безпрестанно устремлялись къ высокоимъ окнамъ залы, завѣянными февральскимъ снѣгомъ. Изъ нихъ лился мягкій голубоватый свѣтъ; за ихъ блестящими зеркальными стеклами медленно и печально кружились снѣжинки. Вдали бѣлѣли покрытыя инеемъ верхушки деревьевъ.

Николая Петровича вдругъ мучительно потянуло на волю въ этотъ зимній паркъ, полный бѣлой тишины: „Ахъ, очутиться-бы тамъ... Вздохнуть полною грудью... Проснуться отъ страшнаго сна.“

Судебный маршалъ застучалъ молоткомъ по столу.

— Господа присяжные засѣдатели, — раздался его слегка охрипшій, но твердый голосъ, — прошу васъ занять ваши мѣста.

Присяжные, стоявшіе кучкой за предназначеннымъ имъ рядомъ кресель, всполошились и начали разсаживаться. Только одинъ изъ нихъ, маленькій, коренастый, съ взъерошенными волосами, сорвался съ мѣста и на потѣху всей публики бросился къ находящемуся въ одномъ изъ угловъ залы крану, чтобы напиться воды.

— Торопитесь! Поѣздъ не ждетъ! — крикнулъ ему кто-то вдогонку.

Раздался смѣхъ. Публика пріятно развлекалась. Гулъ голосовъ повысился почти до крика. Судебный маршалъ взялся за молотокъ, чтобы водворить спокойствіе. Но голоса вдругъ упали и замерли безъ его вмѣшательства. Къ адвокатскому столу, надменно закинувъ красивую, сѣдьющую голову, подошелъ извѣстный прокуроръ Вебстеръ Тэнлей.

Мистеръ Мэррисъ съ обворожительной улыбкой протянулъ руку своему противнику. Тотъ съ увеличенной вѣжливостью отвѣтилъ на его привѣтъ, метнулъ ледяной взглядъ на подсудимаго и, опустившись въ свое кресло, сталъ разсѣянно просматривать лежащіе передъ нимъ акты. Что-то затаенное и опасное было въ его любезной отчужденности, въ его холодныхъ, часто шурящихся глазахъ.

Николай Петровичъ всею своею утонченной воспріимчивостью почувствовалъ враждебность къ нему этого человѣка и сердце его больно сжалось. Невольный страхъ захватилъ ему дыханіе. Онъ внезапно, съ ужасомъ осозналъ всю подлинность происходящаго, почувствовалъ себя преступникомъ, сидящимъ на скамьѣ подсудимыхъ, почувствовалъ себя мишенью

любопытныхъ взглядовъ и уже намѣренно старался не смотрѣть на колыхающееся черное пятно, не видѣть ни судей, ни адвокатовъ, ни присяжныхъ, точно надѣялся этимъ выключить себя изъ жуткой атмосферы, въ которой находился. Физическая слабость вызывала въ немъ чувство тошноты. Воздухъ залы, еще свѣжій, но пахнуцій паркетной мастикой, дамскими духами и сладковатой гарью центрального отопления, усиливаетъ въ немъ это чувство.

„Такъ нельзя,“ неслись мысли въ его головѣ: „Я свято готовился встрѣтить и принять мой судный день, съ глубокимъ спокойствіемъ, съ полною ясностью духа и сознанія, а теперь я теряю мысли. Мое состояніе отдаетъ сномъ и лихорадкой...“

Судебный маршалъ снова нѣсколько разъ торжественно и раздѣльно ударилъ молоткомъ. Раскрылась небольшая дверь и въ залу вошелъ высокій величественный старикъ съ благороднымъ профилемъ Листа. Въ публикѣ пробѣжалъ легкій шорохъ. Заскрипѣли стулья. Всѣ почтительно встали, молча привѣтствуя предсѣдателя суда, его Честь Артура Линкольна.

Привѣтливо раскланиваясь, онъ неторопливо поднялся на небольшое возвышеніе и опустился въ свое высокое рѣзное кресло.

— Его Честь, судья! — громко провозгласилъ маршалъ. — Каждый, у кого до суда есть дѣло, да приблизится! Онъ будетъ выслушанъ. Его ожидаетъ справедливость! Судъ присяжныхъ государства Нью-Йорка начинаетъ свое засѣданіе подъ предсѣдательствомъ его Чести, судьи Артура Линкольна.

— Прошу сѣсть, — властнымъ и спокойнымъ голосомъ сказалъ предсѣдатель.

Снова раздался заглушенный говоръ. Судебный маршалъ застучалъ молоткомъ, требуя спокойствія. Николай Петровичъ вздрогнулъ и закрылъ лицо руками.

Прокуроръ торжественно поднялся со своего мѣста. Все въ немъ выражало рѣшимость бороться и побѣдить. Приподнявъ темныя, почти сросшіяся на переносицѣ брови, онъ вызывающе, чуть высококомѣрно обвелъ своими пронизательными глазами публику и присяжныхъ засѣдателей, потомъ слегка склонилъ голову передъ ними и предсѣдателемъ суда.

— Ваша Честь! Господа присяжные засѣдатели! — не безъ театральности заговорилъ онъ звучнымъ, внятнымъ голосомъ, — вы сегодня собрались сюда, чтобы судить бандита, русскаго эмигранта Николая Носкова, съ цѣлью грабежа убившаго американскую дѣвушку. Вина подсудимаго неопровержима. Онъ самъ сознался въ своемъ преступленіи, а также и въ томъ, что совершилъ его съ корыстной цѣлью.

Мистеръ Мэррисъ порывисто вскочилъ со своего мѣста:

— Ваша Честь, я протестую. Господинъ обвинитель каждымъ своимъ словомъ внушаетъ господамъ присяжнымъ засѣдателямъ мысль о неопровержимости вины моего подзащитнаго. Я нахожу это незаконнымъ, вводящимъ въ заблужденіе и недопустимымъ.

— Вашъ протестъ принять, — рѣшилъ судья. — Онъ вполне основанъ.

— Ваша Честь, прошу объяснить мнѣ... — запальчиво началъ прокуроръ.

— Протестъ принять, — съ удареніемъ, но сдержанно повторилъ Артуръ Линкольнъ. — Прошу васъ продолжать.

Вебстеръ Тэнлей сощурился и еще надменнѣе поднятъ и закинулъ голову.

— Господа присяжные засѣдатели, — обратился онъ къ двѣнадцати. — Я имѣю возможность доказать, что подсудимый дѣйствовалъ съ самымъ низкимъ расчетомъ...

Мистеръ Мэррисъ снова сорвался съ кресла.

— Ваша Честь, я повторяю мой протестъ, — возмущенно воскликнулъ онъ. — Я прошу вычеркнуть эти слова господина прокурора изъ протокола. Они не законны.

— Вашъ протестъ принять, — наклонилъ голову судья.

— Однако, ваша Честь, — раздраженно воскликнулъ Вебстеръ Тэнлей.

— Вамъ должно быть извѣстно, господинъ прокуроръ, — поднялъ голосъ предсѣдатель суда. — что пока вина подсудимаго не выяснена и не подтверждена показаніями свидѣтелей, вы не имѣете права говорить о ней господамъ присяжнымъ засѣдателямъ, какъ о неоспоримомъ фактѣ. Мистеръ Мэррисъ, вашъ протестъ принять.

Защитникъ всталъ и поклонился его Чести. Въ публикѣ прошелъ одобрителный шопотъ. Вебстеръ

Тэнлей усмѣхнулся тонкими губами и снова обратился къ присяжнымъ.

— Господа присяжные засѣдатели, въ ночь двадцатаго мая было совершено звѣрское убійство. Его жертвой пала очаровательная дѣвушка, дитя Нью-Йорка, Моника Динтонъ...

Николай Петровичъ до боли сжалъ виски руками. „Къ чему все это?“ съ тоскою подумалъ онъ: „Вѣдь я-же сознался. Во всемъ сознался. Зачѣмъ-же эта пытка.. Я думалъ, часъ моего покаянія передъ Богомъ и передъ людьми будетъ самымъ великимъ, самымъ священнымъ часомъ моей жизни... Какъ я ошибался.. Ахъ, если-бы могъ я сейчасъ стоять на колѣняхъ, въ слезахъ въ толпѣ людей, слушающихъ и понимающихъ меня... Если-бы я могъ стоять передъ Христомъ...“

Въ залѣ все еще раздавался рѣзкій, обвиняющій голосъ прокурора, иногда прерываемый голосами защитника и судьи, но Николай Петровичъ не слышалъ ихъ больше. Онъ точно плылъ въ какой-то мягкой темнотѣ и былъ близокъ къ потери сознанія.

Мистеръ Мэррисъ коснулся его руки:

— Мистеръ Носковъ, прокуроръ закончилъ свою рѣчь. Теперь будетъ допросъ свидѣтелей обвиненія. Пожалуйста, слѣдите за показаніями. Это очень важно.

Николай Петровичъ выпрямился слегка и облокотясь на перегородку, которою былъ окруженъ его стулъ, приготовился слушать. Лицо его было мертвенно блѣдно.

Первымъ принялъ присягу врачъ, освидѣтель-

ствовавший трупъ Моники Динтонъ. Это былъ осанистый человекъ съ гладко зачесанными сѣдыми волосами и тщательно выбритымъ розовымъ лицомъ.

— Какъ васъ зовутъ? — обратился къ нему прокуроръ.

— Харри Гаронэ, — спокойно отвѣтилъ онъ, поправляя ярко протертыя золотыя очки на римскомъ носу.

— Гдѣ вы живете?

— Риверсайдъ Драйвъ, 81.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я врачъ.

— Это вы освидѣтельствовали трупъ Моники Динтонъ?

— Да.

— Вы видѣли трупъ Моники Динтонъ еще въ томъ положеніи, въ которомъ онъ очутился при паденіи послѣ выстрѣла?

— Это вполнѣ вѣроятно, господинъ прокуроръ. Миссъ Динтонъ была убита выстрѣломъ, который черезъ спину проникъ прямо въ сердце. Я предполагаю, что, какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, молодая дѣвушка повернулась вокругъ себя и упала навзничь. Такъ она и лежала, когда нашли ее.

— Вы думаете, докторъ, что смерть Моники Динтонъ была мгновенна?

— Безусловно.

— Значитъ прицѣлъ былъ сдѣланъ очень вѣрной, спокойной рукой?

— Это не въ моей компетенціи, господинъ прокуроръ.

— Моника Динтонъ была убита однимъ единственнымъ выстрѣломъ?

— Да, однимъ выстрѣломъ прямо въ сердце, и смерть ея была мгновенна.

— Благодарю васъ, докторъ. Это все, что мнѣ нужно знать... Господинъ защитникъ, я передаю свидѣтеля на перекрестный допросъ, — любезно обратился къ мистеру Мэррису Вебстеръ Тэнлей.

— Благодарю васъ. У меня нѣтъ вопросовъ для этого свидѣтеля, — не менѣе любезно отвѣтилъ ему тотъ.

Вслѣдъ за докторомъ на невысокое возвышеніе, на которомъ давали показанія свидѣтели, появился высокій, немолодой, но очень изящный блондинъ. Поднявъ для присяги большую бѣлую руку, на которой сверкнули подъ солнцемъ кольцо и часы-браслетъ, онъ изъ-подъ свѣтлыхъ, почти бѣлыхъ рѣсницъ скупающимъ взглядомъ смотрѣлъ на маленькаго, сморщенного писмоводителя и флегматично повторялъ за нимъ слова присяги.

— Какъ васъ зовутъ? — свѣтскимъ тономъ спросилъ его прокуроръ.

— Харальдъ Грейвъ.

— Гдѣ вы живете?

— Паркъ-авеню, 120, Нью-Йоркъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— У меня магазинъ огнестрѣльнаго оружія. Я былъ вызванъ сюда экспертомъ по дѣлу объ убійствѣ Моника Динтонъ, — съ небрежной ноткой въ голосѣ отвѣтилъ онъ.

— Мистеръ Грейвъ, когда вы въ первый разъ

проѣрили револьверъ, которымъ совершенно было убійство?

— Двадцать перваго мая утромъ. Я поднялъ его на томъ мѣстѣ, на которомъ его бросилъ преступникъ.

— Вы нашли револьверъ въ порядкѣ?

— Нѣтъ, курокъ не дѣйствовалъ. Онъ былъ поврежденъ.

— Какъ это могло случиться?

— Трудно опредѣлить. Возможно, что онъ испортился при паденіи. Должно быть, преступникъ съ силой бросилъ его на землю.

— Онъ былъ разряженъ?

— Въ немъ были еще двѣ пули.

— Можете-ли вы опредѣлить, на какомъ разстояніи былъ данъ выстрѣлъ въ Монику Динтонъ?

— Шагахъ въ шести...

— Прицѣлъ былъ мѣтокъ?

— Необыкновенно. Особенно если взять въ расчетъ, что убійство произошло въ полной темнотѣ. Я лично считаю случайностью, что выстрѣлъ попалъ прямо въ сердце.

— Мистеръ Грейвъ, здѣсь не мѣсто предположеніямъ, — съ плохо скрытымъ неудовольствіемъ возразилъ Вебстеръ Тэнлей. — Итакъ, выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ спину въ шести шагахъ?

— Да, въ пяти, шести...

— Очень благодаренъ вамъ, мистеръ Грейвъ. Передаю васъ на перекрестный допросъ.

Мистеръ Грейвъ вяло поклонился.

— Господинъ экспертъ, выполнѣ ли вы увѣрены,

что револьверъ испортился послѣ совершенія преступленія? — раздѣльно и громко, какъ-бы придавая большое значеніе своему вопросу, спросилъ мистеръ Мэррисъ.

Мистеръ Грейвъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Это болѣе чѣмъ вѣроятно, господинъ защитникъ. Иначе онъ не выстрѣлилъ бы въ Монику Динтонъ, — съ веселой ироніей отвѣтилъ онъ.

Въ залѣ раздался глупый смѣхъ.

Мистеръ Артуръ Линкольнъ гнѣвно наклонился впередъ и ударилъ молоткомъ.

— Предупреждаю, — строго проговорилъ онъ, — что всѣ тѣ, которые не умѣютъ вести себя здѣсь, будутъ выведены изъ залы. Продолжайте, господинъ защитникъ, — доброжелательно кивнулъ онъ мистеру Мэррису и снова откинулся на спинку кресла.

— Еще одинъ вопросъ, мистеръ Грейвъ, — обратился тотъ къ свидѣтелю. — Можете ли вы опредѣленно подтвердить, что пуля, убившая Монику Динтонъ, вылетѣла именно изъ найденнаго на мѣстѣ преступленія револьвера?

— Миссъ Динтонъ была ранена на вылетъ, и найти пули не удалось, но судя по пораненію, она была того же калибра, какъ и оставшіяся въ револьверѣ.

Николай Петровичъ судорожно, до бѣлыхъ пятенъ сжималъ свои руки. Онъ уже столько разъ оспаривалъ эти показанія доктора и эксперта у судебного слѣдователя, столько разъ объяснялъ, что стрѣлялъ въ Монику не въ шести шагахъ, а почти

въ упоръ и не цѣлясь вовсе, что новое повтореніе ихъ въ залѣ суда вызвало въ немъ сильное раздраженіе.

„Зачѣмъ эти люди все умышленно путаютъ, все искажаютъ?“ съ досадой думалъ онъ. Но вдругъ новая неожиданная мысль промелькнула у него въ головѣ: „А что, если они правы, а ошибаюсь я? Вѣдь, могло быть совсѣмъ иначе, чѣмъ я думаю,“ соображалъ онъ: „Пока я нажималъ курокъ, который не поддавался, Моника могла отбѣжать отъ меня, повернуться ко мнѣ спиною, даже закричать. Была такая тьма и автобусъ такъ гремѣлъ, что я ничего не видѣлъ и не слышалъ. Вѣдь я выстрѣлилъ, не видя ее. Я даже ясно не помню, гдѣ она упала.“

Раздавшійся въ залѣ дикій вопль мгновенно выпрямилъ Николая Петровича, вернулъ его къ дѣйствительности. Онъ привсталъ со своего стула, наклонился впередъ.

— Мою дочь! Отдайте мнѣ мою дочь! Отдайте мнѣ мою дочь! — въ изступленіи кричала худая, смуглая какъ цыганка женщина, потрясая кулаками.

Прокуроръ молча, драматическимъ движеніемъ руки указалъ на нее присяжнымъ.

— Успокойтесь, мистрисъ Динтонъ, — доброжелательно, но строго произнесъ предсѣдатель. — Ваше волненіе понятно. Но я не могу допустить здѣсь подобную сцену. Постарайтесь же говорить спокойно. Это въ вашихъ же интересахъ.

Слова его подѣйствовали. Мистрисъ Динтонъ разжала кулаки и затихла. Только огромные глаза

ея метали молніи. Однако бѣшенство вдругъ снова овладѣло ею.

— Я требую возмездія! — крикнула она. — Я требую смерти проклятаго убійцы.

— Мистрисъ Динтонъ, — нахмурилъ брови предсѣдатель, — мнѣ придется удалить васъ изъ залы, если вы будете продолжать въ этомъ духѣ.

— Свидѣтельница, поднимите правую руку для присяги, — обратился къ ней письмоводитель. — Если вы можете поклясться, что будете говорить истинную правду и только истинную правду, какъ передъ Богомъ, отвѣтите громкимъ и отчетливымъ: „Да“.

— Да, — нетвердо повторила мистрисъ Динтонъ.

— Садитесь, мистрисъ Динтонъ, — предупредительно сказалъ прокуроръ. — Не волнуйтесь. Спокойно отвѣчайте мнѣ на мои вопросы. Гдѣ вы живете?

Мистрисъ Динтонъ назвала свой адресъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я портника.

— Вы знали Монику Динтонъ?

— Еще бы. я не знала свою дочь!

— Вы были довольны поведеніемъ вашей дочери? Она была серьезной, трудолюбивой дѣвушкой?

— Ваша Честь, я протестую, — прервалъ обвинителя мистеръ Мэррисъ, — господинъ прокуроръ задаетъ свидѣльницѣ вопросы, внушающіе ей отвѣты.

— Вашъ протестъ принять, господинъ защит-

никъ, — привычнымъ движеніемъ наклонилъ голову судья.

Вебстеръ Тэнлей съ вызовомъ взглянулъ на своего противника и снова любезно обратился къ свидѣтельницамъ:

— Мистрисъ Динтонъ, вы были довольны поведеніемъ вашей дочери?

— Моя дочь была серьезная и трудящаяся дѣвушка. Иначе и сказать нельзя. Она проводила всѣ дни въ мастерской, а вечера дома.

— Вамъ было извѣстно о знакомствѣ вашей дочери съ подсудимымъ?

— Нѣтъ. Впрочемъ, да, — сбивчиво отвѣтила блѣднѣя мистрисъ Динтонъ. — Моника рассказала мнѣ, что познакомилась съ однимъ очень страшнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго боится...

— Ваша Честь, я протестую противъ неясныхъ и необоснованныхъ, внушающихъ возмутительныя подозрѣнія показаній свидѣтельницы. Кромѣ того, повтореніе словъ, якобы сказанныхъ покойной, незаконно и недопустимо въ залѣ суда, — воскликнулъ мистеръ Мэррисъ.

— Я принимаю вашъ протестъ, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Артуръ Линкольнъ. — Свидѣтельница, прошу васъ отвѣчать на вопросы краткими да, или нѣтъ. Господинъ писмоводитель, прошу васъ вычеркнуть послѣдній отвѣтъ свидѣтельницы Динтонъ изъ протокола. Господинъ прокуроръ, потрудитесь повторить заданные вопросы.

— Мистрисъ Динтонъ, — съ подчеркнутымъ терпѣніемъ проговорилъ обвинитель, — вамъ было

извѣстно о знакомствѣ вашей дочери съ подсудимымъ?

— Нѣтъ.

— Вамъ было извѣстно, что двадцатаго мая вечеромъ у вашей дочери было назначено свиданіе съ молодымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ. Будь онъ проклятъ, этотъ извергъ!

Судья, строго сдвинувъ брови, наклонился всѣмъ корпусомъ впередъ. Мистеръ Мэррисъ вскочилъ на ноги, готовый протестовать. Но въ эту минуту неожиданно для всѣхъ, раздался надломанный, скорбный голосъ Николая Петровича:

— Я умоляю мистрисъ Динтонъ... во имя всего святого умоляю ее, простить меня въ сердцѣ своемъ. Я умоляю ее не страдать больше ненавистью ко мнѣ. Вѣдь я готовъ искупить свою вину... хоть жизнью.

Мистрисъ Динтонъ смотрѣла на него съ изумленіемъ, слегка раскрывъ губы, еле дыша и вдругъ жалобно всхлипнувъ спрятала лицо въ черный шарфъ, обвернутый вокругъ ея шеи.

Все замерло въ залѣ. Кто-то нервно вскрикнулъ. Въ публикѣ раздались рыданія. Застучалъ молотокъ судьи требуя спокойствія.

— Я протестую противъ поведенія подсудимаго, ваша Честь, — жестко и раздѣльно проговорилъ прокуроръ. — Здѣсь не мѣсто мелодрамамъ.

Николай Петровичъ крѣпко зажалъ лицо руками. Онъ страдалъ отъ ощущенія себя, своихъ движеній, своего лица, каждый мускулъ котораго болѣлъ. Окончательно измученный, онъ не въ силахъ былъ больше слѣдить за происходящимъ въ залѣ.

Онъ не слышалъ ни конца вопроса мистрисъ Динтонъ, ни показаній другихъ свидѣтелей обвиненія. Онъ снова началъ терять осознаніе дѣйствительности и впадать въ состояніе между бѣдніемъ и сномъ.

Прикосновеніе руки мистера Мэрриса заставило его очнуться.

— Что? Кончено? Я приговоренъ? — испуганно спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ. Наступилъ только полуденный перерывъ. Вы можете отдохнуть теперь до двухъ часовъ. Я очень доволенъ ходомъ дѣла, — съ привычною бодростью сказалъ мистеръ Мэррисъ.

Николай Петровичъ безучастно принялъ эти слова. Нервы его были окончательно вымотаны. Вернувшись въ свою камеру, онъ засталъ въ ней доктора Марча. Онъ бросился къ нему:

— Вы видѣли маму, докторъ? Какъ она?

— Сравнительно спокойна. Она удивительная женщина. Ну, дайте-ка мнѣ вашъ пульсъ, молодой человѣкъ. Вотъ такъ... Выпейте капли.

Щелкнула дверь. Явился Бернсъ съ завтракомъ, поставилъ его на столъ и удалился.

— Извольте все это съѣсть. Вамъ сегодня нужны силы, — заботливо сказалъ докторъ, и вдругъ неожиданно обнявъ Николая Петровича, онъ прилепкъ его къ себѣ. — Мой бѣдный, бѣдный мальчикъ... Но я чувствую, что все хорошо кончится... Вы увидите...

— Докторъ, какъ я благодаренъ вамъ... Какъ вы добры! — горячо воскликнулъ Николай Петровичъ. Онъ почувствовалъ отливъ страданія. Ему

захотѣлось такъ много сказать этому умному доброжелательному человѣку. Но дверь камеры зловѣще щелкнула, растворилась и закрылась за мистеромъ Мэррисомъ...

Докторъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу:

— Браво, господинъ адвокатъ, — воскликнулъ онъ. — У бѣднаго прокурора скоро начнется нервное расстройство...

— О нѣтъ, у него крѣпкіе нервы. Онъ опасный противникъ и знаетъ свою силу, — засмѣялся мистеръ Мэррисъ. — Мистеръ Носковъ, я къ вамъ на два слова...

— Я не хочу мѣшать, — прервалъ его докторъ, — до свиданія.

Сдѣлавъ общій поклонъ, онъ вышелъ изъ камеры.

— Пожалуйста, завтракайте, мистеръ Носковъ, — закуривая папиросу, сказалъ мистеръ Мэррисъ. — Я пришелъ къ вамъ поговорить вотъ о чемъ... Многие изъ свидѣтелей защиты показываютъ, что вы были нетрезвы двадцатаго мая. Ваше сильное волненіе очевидно было принято ими за опьяненіе виномъ. Не согласится ли намъ съ ними? Не построить ли мнѣ защиту на этомъ, признанномъ всѣми судами, аффектѣ... Не сердитесь, я предлагаю вамъ это только потому, что намъ не повезло, у насъ убійственный подборъ присяжныхъ заседателей. Между ними нѣтъ ни одной женщины, а женщины болѣе чутки, онѣ тоньше мужчинъ. Сегодня у насъ прямо подборъ кретиновъ. Ни одного

одухотвореннаго лица. Если я скажу этимъ людямъ, что вы, опьянѣвъ до безпамятства, выстрѣлили въ Монику Динтонъ, они это поймутъ отлично, такъ какъ сами подъ вліяніемъ алкоголя способны на всякую дикую выходку! Но моя психоаналитическая лекція о нашедшемъ на васъ навожденіи, какъ бы удачна она ни была, останется для нихъ скучнымъ наборомъ умныхъ словъ! А вѣдь это они будутъ судить васъ. Они, эти случайные судьи-любители, вѣроятно не имѣющіе и понятія о психологіи...

— Такъ пускай они меня осудятъ. Я пришелъ сюда не для того, чтобы просить снисхожденія, а для того, чтобы искупить свою вину. Я хочу только правды, мистеръ Мэррисъ. Только истинной правды. Вы же знаете, что при одномъ затменіи моего разума я не могъ бы убить... Въ вечеръ убійства на меня нашло навожденіе. Я былъ невмѣняемъ не только разумомъ, но и духомъ... Я былъ одержимъ злою силой. Вѣдь въ этомъ же весь трагизмъ происшедшаго... Если вы объясните это въ вашей рѣчи, и рѣчи вашей не поймутъ присяжные засѣдатели, то ее услышатъ многіе юристы. Она можетъ дать толчокъ къ измѣненію законовъ, создать новую юридическую эпоху, — устало произнесъ Николай Петровичъ когда-то горячо обдуманная слова.

Мистеръ Мэррисъ замахалъ на него руками.

— Полно, мистеръ Носковъ. Вы слишкомъ молоды. Вы слишкомъ большой идеалистъ! Своею рѣчью я не скажу ничего новаго ни юристамъ, ни культурнымъ людямъ. Они всѣ знаютъ, что современная психологія требуетъ новыхъ законовъ, что

динамика современности должна въ концѣ-концовъ разрушить старые законы и создать новые. Но поймите же, пока ихъ нѣтъ, судьямъ придется держаться свода существующихъ законовъ, въ которыхъ нѣтъ параграфа, оправдывающаго убійцу, совершившаго преступленіе въ минуту навожденія. Поймите же, ваши судья будутъ васъ судить не по вдохновенію, а по закону.

— Я твердо вѣрю, что моя судьба въ рукахъ Божіихъ. Будетъ такъ, какъ захочетъ Онъ... Попрошу васъ, мистеръ Мэррисъ, бороться не за мою жизнь, а за правду. Только за нее. Только въ ней можетъ быть спасеніе, только она дойдетъ до Бога и до людей. Пусть вина моя останется чистой, не искаженной ложью.

— Мистеръ Носковъ, ваши мысли всегда такъ волнуютъ меня. Величайшая гордость сочетается въ васъ съ кротчайшимъ смиреніемъ. Я удивляюсь вамъ, — растроганнымъ голосомъ сказалъ мистеръ Мэррисъ. — Ну, будь по-вашему. Отдохните же какъ слѣдуетъ. До свиданія.

Когда за нимъ закрылась дверь, Николай Петровичъ бросился на свою койку и мгновенно погрузился въ глубокій сонъ.

ХІІ

Послѣ перерыва продолжался допросъ свидѣтелей. Короткій отдыхъ только сильнѣе утомилъ Николая Петровича. Онъ чувствовалъ себя внутренне опустошеннымъ и уже не надѣялся вызвать въ себѣ тѣ сильныя и глубокія, выжигающія и очищающія душу переживанія, которыхъ ожидалъ, думая о судѣ надъ собою, какъ о Божьемъ судѣ. Происходящее вокругъ казалось ему жалкой пародіей того, что должно было произойти, и оставляло его безучастнымъ. Даже первую краткую, но блестящую рѣчь мистера Мэриса онъ выслушалъ равнодушно, не отрывая глазъ отъ снѣжинокъ, все еще крутящихся за окномъ. Ему казалось, что засѣданіе никогда не кончится, что въ залѣ вѣчно будутъ раздаваться эти привычныя къ громкой и внятной рѣчи увѣренные мужскіе голоса. Но внезапно до слуха его донесся мягкій грудной голосъ Коринны. Это было неожиданно и отрадно. Точно соболевзнувшая рука коснулась сердца. Молодая женщина говорила легко и увѣренно. Горячо и краснорѣчиво старалась своими отвѣтами убѣдить присутствующихъ въ полномъ безкорыстіи подсудимаго, въ томъ, что онъ не могъ

совершить преступленія съ цѣлью грабежа. Доказательствомъ этому она привела то, что онъ добровольно вернулъ ей десять тысячъ долларовъ. Какъ ни старался сбить ее прокуроръ, она отвѣчала обдуманно и каждымъ словомъ старалась возбудить симпатію публики къ несчастному. Видя, что она только вредитъ обвиненію, Вебстеръ Тэнлей очень быстро отпустилъ ее.

— Благодарю васъ, мистрисъ Свифдъ. Вашъ допросъ законченъ.

Коринна подняла взглядъ на Николая Петровича. Глаза ихъ встрѣтились. Ея губы дрогнули, словно хотѣли что-то сказать, или даже вскрикнуть, но она прижала къ нимъ платокъ. По ея нѣжнымъ щекамъ обильно катились слезы. Николай Петровичъ опустилъ голову и снова застылъ въ неподвижности.

— Миссъ Дрейзеръ, прошу васъ! — вызвалъ мистеръ Мэррисъ новую свидѣтельницу.

Появленіе миссъ Дрейзеръ произвело на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Все въ ней — огромные глаза, крупные бѣлые зубы, простой, отлично сидящій на стройной фигурѣ спортивный костюмъ, крѣпкія туфли на низкихъ каблукахъ, выдавали большую положительность и рѣдкое душевное здоровье. Миссъ Дрейзеръ отчетливо произнесла слова присяги.

— Какъ васъ зовутъ? — задалъ ей, предписанный закономъ, вопросъ мистеръ Мэррисъ.

— Изидора Дрейзеръ.

— Гдѣ вы живете?

— 113. Вестъ. 68 улица.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я ассистентка у зубного врача.

— Вы знакомы съ подсудимымъ?

— Нѣтъ. Я знаю его только по виду.

— Откуда вы знаете его?

— Я видѣла его двадцатаго мая вечеромъ въ Пикскильскверѣ съ Моникой Динтонъ.

— Вы можете указать мнѣ его?

— Да. Это тотъ господинъ, который сидитъ на скамѣ подсудимыхъ.

— Миссъ Дрейзеръ, расскажите намъ, пожалуйста, все, что вы знаете о дѣлѣ, — любезно проговорилъ мистеръ Мэррисъ.

Молодая дѣвушка нѣсколько секундъ собиралась съ мыслями, потомъ, не торопясь и не волнуясь, стала говорить:

— Какъ я только что сказала, — начала она, — я служу у зубного врача. Его квартира находится на третьемъ этажѣ. Двадцатаго мая, наканунѣ моего отпуска, я дезинфицировала инструменты у окна и часто посматривала внизъ, въ скверъ. Мое вниманіе было привлечено туда, сидящей на скамейкѣ, очень красивой парочкой. Я думала, что это женихъ и невѣста. Они разговаривали, потомъ молодая дѣвушка, доставъ изъ ярко зеленой сумочки бѣлый конвертъ, вложила его молодому человѣку во внутренній карманъ жакета, который заколола булавкой. Я почему-то вообразила, что это были ея документы, необходимые для совершенія брака. Она была весела и ласкалась къ нему. Онъ былъ разсѣянъ, смотрѣлъ въ небо и казался мнѣ равнодушнымъ

къ ней. Тутъ произошло нѣчто странное: въ короткой аллеѣ, находящейся за скамейкой, на которой сидѣла красивая парочка, появился высокій, худой человѣкъ въ кепкѣ. Онъ бросилъ быстрый взглядъ на молодую дѣвушку, какъ будто искалъ ее и нашелъ, и сейчасъ же скрылся за деревьями...

— Миссъ Дрейзеръ, почему во время вашего допроса у судебного слѣдователя вы ничего не сказали о появленіи этого человѣка въ кепкѣ въ скверѣ? Это важное показаніе для защиты.

— Я вспомнила объ этомъ только недавно.

— Что же было дальше? Послѣ того, какъ человѣкъ въ кепкѣ исчезъ за деревьями?

— Не знаю, господинъ защитникъ. Я кончила дезинфицировать инструменты, убрала ихъ въ шкафъ и перестала смотрѣть въ окно.

— Вы могли бы узнать этого человѣка въ кепкѣ, котораго видѣли въ аллеѣ?

— Я думаю, что да.

— Вы не видите его здѣсь въ залѣ, миссъ Дрейзеръ?

Она долго, съ напряженіемъ, всматривалась въ публику.

— Нѣтъ, я его не вижу, — отвѣтила она наконецъ. — Миѣ кажется, что его здѣсь нѣтъ.

— Благодарю васъ, миссъ Дрейзеръ. У меня больше нѣтъ вопросовъ. Передаю васъ на перекрестный допросъ.

— Миссъ Дрейзеръ, — сощуривъ свои красивые темные глаза, шутливымъ тономъ обратился къ ней прокуроръ, — увѣрены ли вы, что видѣли этого

таинственного незнакомца вообще? Вѣдь у васъ такое живое воображеніе. Увидѣвъ парочку, вы сейчасъ же рѣшили, что это женихъ и невѣста. Увидѣвъ конвертъ съ деньгами, вы заключили, что это документы. Увидѣвъ же невиннаго прохожаго, вы воображали что это какой-то злодѣй. Вспомните, можетъ быть, вамъ только кажется, что вы видѣли его.

— Нѣтъ, господинъ прокуроръ, я видѣла его, какъ вижу васъ.

— Вотъ какъ? Но можетъ быть онъ смотрѣлъ не на Монику Динтонъ, а на кого-нибудь вамъ невидимаго черезъ Монику Динтонъ.

— Это возможно.

— Можетъ быть онъ не „скрылся за деревьями“, а просто что-нибудь забылъ дома, или скверъ показался ему скучнымъ и онъ ушелъ?

— Все это возможно, господинъ прокуроръ. Но въ поведеніи этого тѣа было что-то не въ порядкѣ. Это вы можете мнѣ повѣрить.

— У васъ очень романтическое воображеніе, миссъ Дрейзеръ, — снисходительно улыбнулся Вебстеръ Тэнлей. — Благодарю васъ. Я закончилъ допросъ.

Мистеръ Мэррисъ сидѣлъ, не двигаясь, и спокойно разсматривалъ свои холеные руки. Онъ не протестовалъ противъ способа прокурора допрашивать свидѣтельница потому, что считалъ долгіе и неясные разговоры о какомъ-то таинственномъ злодѣѣ напускающими туманъ на воображеніе присяжныхъ засѣдателей, и потому выгодными для защиты.

На свидѣтельское мѣсто поднялся новый свидѣтель, высокій малый съ живыми хитрыми глазами, выдающимися, какъ у обезьяны, челюстями и длинными, обросшими волосами, обезьяньими руками, которыми онъ принося присягу производилъ самыя нелѣпыя движенія.

Въ залѣ раздался сдержанный смѣхъ, однако ударъ молотка и строгій взглядъ его Чести мгновенно прекратили неумѣстное веселье.

— Какъ васъ зовутъ? — обратился къ свидѣтелю мистеръ Мэррисъ.

— Вилли Вестъ.

— Гдѣ вы живете?

— У меня комната въ Пикскиль-Паласъ-кинематографъ.

— Гдѣ вы служите?

— Я швейцаръ въ Пикскиль-Паласъ-кинематографъ.

— Вы знаете подсудимаго?

— Не знаю, но я хорошо и долго видѣлъ его въ передней нашего кинематографа. Я, господинъ защитникъ, человѣкъ бывалый, бывшій морякъ. У меня очень острый глазъ. Кого разъ увижу и хорошо примѣчу, ужъ никогда не забуду.

— Укажите мнѣ подсудимаго.

— Это тотъ господинъ, который сидитъ за вами, господинъ защитникъ.

— Итакъ, вы видѣли его вечеромъ двадцатаго мая. Какое онъ на васъ произвелъ впечатлѣніе?

— Господинъ защитникъ, я человѣкъ бывалый и могу вамъ объяснить все подробно... Все, какъ было,

— хриплымъ голосомъ заговорилъ Вилли Вестъ, зорко слѣдя за производимымъ его словами впечатлѣніемъ. — Двадцатаго мая, стою я въ открытой передней нашего кинематографа. Вдругъ вижу, господинъ подсудимый выскакиваетъ изъ зрительной залы, какъ ошпаренный, идетъ, будто медленно, а видно, что торопится. Сначала я подумалъ „держи вора“. Хотѣлъ уже броситься за нимъ, анъ вижу, нѣтъ. Остановился передъ кинематографомъ, закуриваетъ, а руки такъ трясутся, что папиросы не держатъ, ноги такъ трясутся, что на тротуарѣ не стоятъ. Ну, вижу, пьянъ человѣкъ... Вдрызгъ пьянъ...

— Позвольте, — прервалъ его мистеръ Мэррисъ, — дрожаніе рукъ и ногъ наблюдается при самыхъ разнородныхъ волненіяхъ. Подсудимый могъ быть и не пьянъ, а просто сильно взволнованъ.

— Нѣтъ, ужъ это извините, господинъ защитникъ. Я бывшій морякъ, человѣкъ бывалый, и пьяныхъ-то, слава Богу, на всемъ свѣтѣ видалъ: и въ Россіи, и въ Чили, и въ Англіи, и въ Швеціи, и даже въ Японіи. И скажу вамъ, повсюду пьяные-то одинаковы... У меня глазъ острый. Я ужъ не ошибусь.

— Значить, вы сразу замѣтили, что подсудимый находился въ состояніи полной невмѣняемости?

— Ваша Честь, я протестую, господинъ защитникъ старается внушить свидѣтелю нужные ему отвѣты, — колко проговорилъ Вебстеръ Тэнлей.

— Я отклоняю вашъ протестъ, господинъ прокуроръ. Мистеръ Мэррисъ стремится выяснитъ душевное состояніе подсудимаго въ вечеръ убійства. Это его право, — спокойно рѣшилъ предсѣдатель

суда. — Господинъ защитникъ, продолжайте вашъ допросъ.

Мистеръ Мэррисъ поклонился судѣ и снова обратился къ свидѣтелю:

— Итакъ, мистеръ Вестъ, руки подсудимаго сильно дрожали?

— Да, господинъ защитникъ.

— Лицо его выражало растерянность? Оно было ненормально?

— Ваша Честь, я снова протестую! — какъ ужаленный вскочилъ съ мѣста прокуроръ. — Я протестую по той же причинѣ...

— А я по той же причинѣ отклоняю вашъ протестъ.

— Но, ваша Честь...

— Вашъ протестъ отклоненъ. Продолжайте, господинъ защитникъ, — еще спокойно проговорилъ Артуръ Линкольнъ.

— Итакъ, мистеръ Вестъ, — лицо подсудимаго выражало растерянность и казалось ненормальнымъ?

— Да. Это вѣрно. Совсѣмъ пьяное лицо.

— Ну, а что же было дальше? Послѣ того, какъ подсудимый закурилъ папиросу?

— Дальше? Я хотѣлъ позвать полисмена. Самъ не люблю съ пьяными возиться. Но тутъ какъ разъ кончилось представленіе, высыпала публика изъ залы и я раздумалъ дѣлать исторію. Однако, я не выпускалъ господина подсудимаго изъ глазъ. Вижу, къ нему подошла дѣвица, взяла его подъ руку и повела черезъ улицу въ кондитерскую, находящуюся напротивъ нашего кинематографа. Когда я на другой день

прочелъ объ убійствѣ подъ мостомъ, я сейчасъ же подумалъ, что убійцей былъ мой пьяный посѣтитель, а когда мѣсяца два спустя я увидѣлъ въ газетѣ его портретъ, я сейчасъ же отправился къ господину судебному слѣдователю и далъ ему свои показанія.

— Это все, что вы знаете о подсудимомъ, мистеръ Вестъ?

— Да, это все, господинъ защитникъ, — не безъ сожалѣнія отвѣтилъ тотъ.

— Благодарю васъ. Господинъ прокуроръ, передаю вамъ свидѣтеля.

— Мистеръ Вестъ, — привѣтливо, какъ къ старому знакомому, обратился къ свидѣтелю Вебстеръ Тэнлей, — какъ только вы увидѣли подсудимаго, вышедшаго изъ залы, вы подумали: „Это воръ“, и вы, какъ человѣкъ бывалый, не ошиблись. Въ эту минуту подсудимый рѣшилъ совершить кражу и сталъ воровъ. Но какъ вы объ этомъ догадались?

— У воровъ, господинъ прокуроръ, въ глазахъ что-то такое... и страхъ и жадность... А въ ногахъ стремительность и замедленіе. Хочетъ бѣжать, а боится; хочетъ стоять, а ноги такъ и рвутся...

— И все это вы замѣтили въ подсудимомъ?

— Сначала мнѣ это показалось, господинъ прокуроръ, а потомъ вижу — пьянъ человѣкъ. Вдрызгъ. Лицо у него бессмысленное. Даже смотрѣть на него страшно.

— Однако, первый вашъ взглядъ былъ острѣе.

— Ваша Честь, я протестую. Господинъ прокуроръ стремится внушить свидѣтелю свое мнѣніе, — сдержанно улыбаясь, сказалъ мистеръ Мэррисъ.

— Вашъ протестъ принять, — кивнулъ судья.

— Ваша Честь, но я вѣдь только стремился объяснить душевное состояніе подсудимаго, — съ ѣдкой ироніей произнесъ Вебстеръ Тэнлей.

— Господинъ прокуроръ, я призываю васъ къ порядку, — строго проговорилъ Артуръ Линкольнъ.

Вебстеръ Тэнлей снова обратился къ свидѣтелю:

— Вы говорили, мистеръ Вестъ, что ноги подсудимаго не стояли на мѣстѣ? Значить, ноги его хотѣли бѣжать и не могли, какъ ноги вора?

— Это пожалуй, господинъ прокуроръ, но подсудимый былъ къ тому же пьянъ... вдрызгъ пьянъ, — упрямо произнесъ Вилли Вестъ.

— Благодарю васъ, вы можете вернуться на ваше мѣсто, — кивнулъ ему прокуроръ и, взявъ со стола какой-то исписанный машинкою листъ, сталъ внимательно просматривать его.

— Миссъ Пэгги Луудъ, — вызвалъ слѣдующую свидѣтельница мистеръ Мэррисъ.

Это была маленькая блондинка съ большимъ бѣлымъ лицомъ, большими ногами въ лаковыхъ туфляхъ на искривленныхъ каблукахъ и большими руками въ новыхъ желтыхъ перчаткахъ. Видъ у нея былъ крайне смущенный.

Николай Петровичъ напряженно смотрѣлъ то на нее, то на швейцара, смутно узнавая ихъ. Они казались ему воплотившимися видѣніями страшнаго сна, и соотношеніе дѣйствительности и воображенія снова стало теряться въ немъ.

— Какъ васъ зовутъ? — спросилъ свидѣтельница мистеръ Мэррисъ.

— Пэгги Луудъ.

— Гдѣ вы живете?

— На Клинтонъ-стритъ 70.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я прислуживаю въ кондитерской мистрисъ Бурке.

— Вы когда-нибудь видѣли подсудимаго? Укажите мнѣ его.

— Вонъ это тотъ господинъ, — указала она на Николая Петровича рукою въ желтой перчаткѣ.

— Гдѣ вы видѣли подсудимаго раньше?

— Въ нашей кондитерской. Онъ пришелъ къ намъ съ барышней двадцатаго мая, — мучительно краснѣя все сильнѣе и сильнѣе, отвѣтила молодая дѣвушка.

— Что вы можете объ этомъ рассказать? — съ ободряющей улыбкой спросилъ ее мистеръ Мэрисъ.

— Этотъ господинъ... господинъ подсудимый пришелъ къ намъ вечеромъ съ барышней, — немилосердно терзая ремешокъ своей сумочки, начала она. — Они сѣли за дальнѣйшій столикъ. Публики въ кондитерской было не много. Отъ нечего дѣлать я часто посматривала на нихъ. Его мнѣ было видно только въ спину, а барышню въ лицо. Я хорошо ее рассмотрѣла. Красивая была барышня съ родинкой на щекѣ. По этой родинкѣ-то особенно, я въ газетѣ ее узнала. Я хочу сказать, на снимкѣ въ газетѣ.

— Значитъ господина, бывшаго съ ней, вы рассмотрѣли не очень хорошо?

— Нѣтъ, я разглядѣла его, господинъ защитникъ, но не сразу, а потомъ, когда онъ платилъ мнѣ.

— Вы замѣтили въ немъ что-нибудь особенное, миссъ Луудъ?

— Замѣтила, господинъ защитникъ. Когда господинъ подсудимый началъ расплачиваться со мной, я сейчасъ же подумала, что онъ сумасшедшій.

— Изъ чего же вы это заключили?

— Онъ искалъ деньги по всѣмъ карманамъ, господинъ защитникъ, и сначала никакъ не могъ ихъ найти. Потомъ, найдя ихъ, онъ бессмысленно перебиралъ ихъ въ рукахъ и мнѣ пришлось самой отсчитывать, что мнѣ приходилось. Тогда онъ сунулъ мнѣ въ руку цѣлый долларъ и сказалъ: „Это вамъ“. Мы не имѣемъ права принимать на чай, господинъ защитникъ, и я отказалась отъ этихъ денегъ, но онъ все совалъ мнѣ эти деньги въ руку. Мнѣ стало неловко. Я взяла и отошла къ моей подружкѣ Бетси, которая тоже прислуживаетъ въ кондитерской. Я ей показала долларъ и рассказала, какъ его получила. Бетси засмѣялась и сказала...

— Миссъ Луудъ, повтореніе разговора между двумя лицами о третьемъ лицѣ здѣсь недопустимы, — остановилъ ее мистеръ Мэррисъ. — Здѣсь вы можете говорить только за себя. Скажите мнѣ, вы хорошо видѣли лицо подсудимаго?

— Да, господинъ защитникъ. У него было страшное лицо, какъ у сумасшедшаго.

— Значитъ, подсудимый показался вамъ невмѣняемымъ?

— Да. Совершенно невмѣняемымъ, господи́нь защитникъ.

— Благодарю васъ! Это все. Господи́нь прокуроръ, прошу васъ.

— Миссъ Луудъ, — наклонился слегка впередъ Вебстеръ Тэнлей, — вотъ вы все говорите, что подсудимый казался невмѣняемымъ въ вашей кондитерской двадцатаго мая вечеромъ. А вы не замѣтили, что находившаяся съ нимъ барышня боялась его?

— Нисколько, господи́нь прокуроръ. Она все время разговаривала, ѣла мороженое, смѣялась и все смотрѣлась въ зеркало, все пудрилась. Очень веселая была барышня. Я и то сказала своей подружкѣ: „съ такимъ страшнымъ я-бы не пошла“. — Миссъ Луудъ такъ сильно рванула ремешокъ своей сумочки, что онъ отлетѣлъ.

— Вотъ какъ? Вы нашли, что у подсудимаго такое жестокое лицо?

— Не жестокое, господи́нь прокуроръ, а сумасшедшее, господи́нь прокуроръ. Такой и зарѣзать можетъ.

Вебстеръ Тэнлей съ тонкой улыбкой взглянулъ на присяжныхъ засѣдателей, потомъ снова обратился къ свидѣтельницамъ:

— А вы когда-нибудь видѣли сумасшедшихъ, миссъ Луудъ?

— Мой братъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Вебстеръ Тэнлей сдѣлалъ сочувствующее лицо и перемѣнилъ тонъ.

— Скажите, миссъ Луудъ, почему вы запомни-

ли, что Моника Динтонъ и подсудимый были у васъ въ кондитерской именно двадцатаго мая?

— Потому что уже на другой день, двадцать перваго мая появились газеты съ портретомъ барышни съ родинкой. Одну газету я сохранила на память.

— Благодарю васъ. Я кончилъ допросъ.

Николай Петровичъ боялся потерять сознание отъ изнеможенія: „Господи, дай мнѣ силы, дай мнѣ силы вынести все это...“ молился онъ про себя, закрывъ лицо руками. Все происходившее въ залѣ снова стало уплывать куда-то. Онъ весь такъ погрузился въ свой внутренній міръ, что не слышалъ, какъ письмоводитель, съ разрѣшенія предсѣдателя, долго читалъ доброжелательныя показанія Анатолія Сергѣевича, Вѣрочки и другихъ свидѣтелей, показывавшихъ, подъ присягой, во Флоридѣ.

Въ пять часовъ Артуръ Линкольнъ поднялся со своего рѣзного кресла и объявилъ перерывъ засѣданія до слѣдующаго утра. Обратившись къ присяжнымъ засѣдателямъ, которые должны были провести эту ночь въ тюрьмѣ, онъ просилъ ихъ не говорить между собою о дѣлѣ и не дѣлать никакихъ заключеній о немъ до конца засѣданія.

Публика шумно поднялась съ мѣстъ. Раздался гулъ плохо сдержанныхъ голосовъ, изъ котораго вырывались отдѣльныя громкія слова. Мистеръ Мэрисъ о чемъ-то совѣщался съ письмоводителемъ.

Докторъ Марчъ озабоченно подошелъ къ Николаю Петровичу и помогъ ему подняться.

— Идемте, опирайтесь на мою руку, — сказалъ онъ ему, нисколько не смущаясь возмущеннымъ взглядомъ, брошеннымъ ему прокуроромъ. — Обѣщаю вамъ, что вы сейчасъ-же уснете. Я дамъ вамъ двойную дозу брома.

XIII

Когда на слѣдующее утро Николая Петровича снова ввели въ судебную залу, она вся была залита солнечнымъ свѣтомъ. Многочисленная публика была въ полномъ сборѣ. Чувствуя себя въ уже привычной обстановкѣ, она шумѣла и двигалась еще свободнѣе, чѣмъ наканунѣ.

Проходя мимо подсудимаго, Вебстеръ Тэнлей рѣзнулъ его глазами, какъ холодной сталью. Николай Петровичъ вздрогнулъ, какъ отъ удара, и отвернулъ голову. Взглядъ его случайно остановился на группѣ присяжныхъ засѣдателей. Одинъ изъ нихъ, тощій, лысый человѣкъ съ длиннымъ утинымъ носомъ, подъ которымъ чернѣли глупые черные усики, съ тупой злобой смотрѣлъ на него.

„Ненависть... Повсюду ненависть и осужденіе въ отвѣтъ на мою мольбу о прощеніи и любви,“ съ болью подумалъ Николай Петровичъ.

— Я немного запоздалъ, — раздался рядомъ съ нимъ жизнерадостный голосъ мистера Мэрриса. — Мой автомобиль на что-то налетѣлъ. Меня задержали. Какъ вы провели ночь, мистеръ Носковъ?

— Благодарю васъ.

— Ахъ, эти присяжные, — съ досадой прошеп-

таль мистеръ Мэррисъ. — Это не люди, а какія-то восковыя фігуры изъ паноптикума.

Николай Петровичъ слегка повелъ плечомъ:

— Не все-ли равно. Лишь бы скорѣе все это кончилось, — устало проговорилъ онъ блѣдными, запекшимися губами.

Судебный маршалъ нѣсколько разъ ударилъ молоткомъ. Появился предсѣдатель суда. Сдержанно раскланиваясь, онъ опустился въ свое рѣзное кресло и открылъ засѣданіе.

На свидѣтельское мѣсто поднялась мистрисъ Смисъ. На ней была яркая шляпа моднаго фасона. Лицо ея пылало подъ лиловой пудрой. Лорнетка тряслась въ ея рукѣ. Письмоводитель привелъ ее къ присягѣ.

— Какъ васъ зовутъ? — обратился къ ней мистеръ Мэррисъ.

— Джіаконда Смисъ.

— Гдѣ вы живете?

— 54 Альтонъ-стритъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я живу на пенсію, которую получаю послѣ мужа.

— Подсудимый вамъ знакомъ?

— Онъ мой бывшій жилецъ.

— Сколько времени онъ у васъ жилъ?

— Два года.

— Онъ былъ хорошимъ жильцомъ?

— Ваша Честь, я протестую, — приподнялся прокуроръ. — Произвольный отвѣтъ свидѣтельницы можетъ дать превратный образъ подсудимаго.

— Я отклоняю вашъ протестъ, господинъ прокуроръ. — За два года свидѣтельница могла достаточно изучить характеръ подсудимаго, чтобы дать ему вѣрную оцѣнку. Она показываетъ подъ присягой.

— Итакъ, мистрисъ Смисъ, подсудимый былъ хорошимъ жильцомъ? Или онъ былъ вспыльчивъ, горячъ? Вы замѣчали въ немъ жестокость?

— О нѣтъ, господинъ защитникъ, у мистера Носкова очень ровный и спокойный нравъ.

— Любилъ онъ развлечения? Удовольствія?

— Ахъ нѣтъ, господинъ адвокатъ. Онъ вѣчно былъ дома. Разсматривалъ свои альбомы.

— Считаете вы его способнымъ на убійство въ нормальномъ состояніи?

— Никогда, господинъ защитникъ! Онъ такъ добръ. Всю ночь онъ возился съ моей умирающей старой собакой. У него благородное сердце.

— Когда вы видѣли его въ послѣдній разъ?

— Вечеромъ двадцатаго мая.

— Гдѣ вы видѣли его?

— Вблизи отъ нашего дома. Я возвращалась съ дочерью домой, а мистеръ Носковъ только что вышелъ на прогулку.

— Вы говорили съ нимъ?

— Нѣтъ. Онъ прошелъ мимо, не поклонившись намъ. Мнѣ показалось, что онъ былъ сильно пьянъ.

Въ залѣ произошло движеніе. На всѣхъ лицахъ загорѣлось любопытство. Предсѣдатель суда потянулся слегка впередъ. Мистрисъ Смисъ была довольна произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Ваша Честь, я протестую. Предположеніямъ здѣсь не мѣсто, — воскликнулъ прокуроръ.

— Я принимаю вашъ протестъ. Свидѣтельница должна говорить опредѣленно, или отвѣчать на вопросы краткими „да“, или „нѣтъ“, — заключилъ судья.

— Мистрисъ Смисъ, изъ чего вы заключили, что подсудимый былъ пьянъ? — съ ноткой одобренія въ голосъ спросилъ мистеръ Мэррисъ.

— Онъ качался. Лицо у него было какое-то безсознательное. Онъ прошелъ мимо насъ, не узнавъ насъ.

— Но вѣдь онъ могъ быть и не пьянымъ, а просто находится въ нервномъ состояніи, — сказалъ мистеръ Мэррисъ. — Вѣдь у людей бываютъ странныя состоянія порой.

— Ваша Честь, я протестую противъ способа господина защитника ставить свидѣтельница въ вопросы. Этотъ способъ не законенъ! — воскликнулъ прокуроръ.

Мистеръ Мэррисъ сдержалъ довольную улыбку. Онъ ожидалъ этого протеста обвинителя, но то, что онъ хотѣлъ сказать, было сказано и дошло до ушей присяжныхъ засѣдателей. Онъ вѣжливо извинился и продолжалъ допросъ.

— Мистрисъ Смисъ, у васъ есть основанія предполагать, что подсудимый былъ нетрезвъ вечеромъ двадцатаго мая?

— Да.

— Объясните.

— Видите ли, господинъ защитникъ, я слаба

здоровьемъ и по предписанію врача у меня всегда имѣется коньякъ...

Въ залѣ раздался смѣхъ. Предсѣдатель суда нѣсколько разъ сердито ударилъ молоткомъ. Мистрисъ Смиль бросила въ публику сердитый взглядъ черезъ плечо.

— Продолжайте, — любезно напомнилъ ей мистеръ Мэррисъ.

— Я иногда должна принимать коньякъ, — отъ волненія сильно подкинувъ языкомъ свою вставную челюсть, снова заговорила мистрисъ Смиль, — поэтому онъ всегда стоитъ у меня на буфетѣ. Я часто изъ вѣжливости предлагала мистеру Носкову выпить со мною, но онъ всегда отказывался отъ этого. Увидѣвъ его пьянымъ на улицѣ, я сейчасъ же сообразила, что онъ все-таки рѣшился перехватить нѣсколько рюмочекъ безъ меня. Придя домой, я убѣдилась, что не ошиблась. Моя бутылка коньяку была почти пуста, а вѣдь я только что откупила ее, когда ушла....

— Ваша Честь, я рѣшительно протестую противъ неясныхъ, полныхъ необоснованныхъ предположеній показаній свидѣтельницы и прошу ограничить ея отвѣты краткими „да“ или „нѣтъ“, — раздраженно проговорилъ Вебстеръ Тэнлей.

— Вашъ протестъ принять, — кивнулъ предсѣдатель суда, — мистеръ Мэррисъ, свидѣтельница должна отвѣчать вамъ краткими „да“ или „нѣтъ“.

— У меня больше нѣтъ вопросовъ для этой свидѣтельницы, ваша Честь. Я передаю ее на перекрестный допросъ.

— Мистрисъ Смишь, — обратился къ свидѣтельству чарующимъ тономъ прокуроръ. — Вы только что сказали, что знаете подсудимаго давно и считаете его джентельменомъ. Какъ же сопоставить съ этимъ то, что вы, найдя портретъ Моники Динтонъ въ его альбомѣ, сейчасъ же догадались, что убійство было совершено именно имъ?

— На это все указывало, господинъ прокуроръ. Однако, въ душѣ я была потрясена. Я не могла повѣрить... Не могла понять...

— Прошу васъ отвѣчать на мои вопросы только да, или нѣтъ, — холодно прервалъ ее Вебстеръ Тэнлей. — Это вы навели на слѣдъ подсудимаго полицію?

— Да.

— У васъ были данныя, по которымъ вы сразу догадались, что преступленіе совершилъ подсудимый?

— Да.

— Вы показываете подъ присягой, мистрисъ Смишь. Можете ли вы еще разъ подтвердить, что подсудимый былъ пьянъ вечеромъ двадцатаго мая?

— Онъ былъ похожъ на пьянаго.

— Вы должны отвѣчать только да, или нѣтъ.

— Это невозможно, господинъ прокуроръ. Я не могу сказать, что мистеръ Носковъ не былъ пьянъ, а былъ-ли онъ пьянъ я не знаю. Онъ былъ похожъ на пьянаго. На невмѣняемаго. Вотъ это вѣрно, — вымещая раздраженіе на свой вставной челюсти, упрямо отвѣтила мистрисъ Смишь.

Какъ ни сбивалъ ее Вебстеръ Тэнлей, она оста-

лась тверда въ своемъ стремленіи показывать за, а не противъ подсудимаго.

Николай Петровичъ былъ удивленъ и тронутъ ея неожиданною преданностью.

„Мама была права,“ подумалъ онъ: „Бѣдная старуха раскаивается. Она всѣми силами старается искупить причиненное мнѣ ею зло и придумала эту исторію съ коньякомъ, чтобы создать смягчающее обстоятельство.“

— Мистрисъ Носкова, — съ оттѣнкомъ особеннаго уваженія, вызвалъ мистеръ Мэррисъ.

При появленіи Маріи Михайловны въ публикѣ пробѣжало волненіе. Исчезли всѣ улыбки. Было что-то невыразимо скорбное и благородное во всей ея исхудалой маленькой фигуркѣ. Она была въ своемъ вѣчномъ „хорошемъ черномъ костюмѣ“, сшитомъ еще на ея полную фигуру, и теперь какъ-то жалко свисавшемъ съ ея плечъ. Она держалась очень прямо, Руки ея были судорожно сжаты на талии, какъ въ институтѣ, когда она отвѣчала урокъ.

Сердце Николая Петровича больно рванулось къ ней. Глаза ихъ встрѣтились и сказали другъ другу все, что въ такую минуту могутъ испытать мать и сынъ.

Марія Михайловна негромко произнесла слова присяги и послѣ нея невольно перекрестилась на Распятіе православнымъ крестомъ.

Во всемъ ея обликѣ была такая беззащитность, такая покинутость, что у многихъ женщинъ на глазахъ показались слезы.

— Какъ васъ зовутъ? — мягко спросилъ ее мистеръ Мэррисъ.

— Марія Носкова.

— Гдѣ вы живете?

— 54 Альтонъ-стритъ.

— Чѣмъ вы живете?

— Я зарабатываю шитьемъ.

— Мистрисъ Носкова, пожалуйста садитесь. Вы можете показывать сидя, — бережнымъ голосомъ обратился къ ней мистеръ Мэррисъ. — Скажите мнѣ, вы видѣли вашего сына передъ тѣмъ, какъ онъ вышелъ на прогулку двадцатаго мая вечеромъ?

— Я видѣла его за часъ до этого. Мы ужинали въ восемь часовъ въ кухнѣ. Потомъ мой сынъ ушелъ въ гостиную, а я осталась и стала мыть посуду и все готовить къ слѣдующему дню. Приблизительно часъ спустя я слышала, какъ мой сынъ прошелъ черезъ переднюю и крикнулъ мнѣ оттуда: „До свиданія“. Тогда я выбѣжала вслѣдъ за нимъ на лѣстницу и посоветовала ему взять съ собою пальто.

— Онъ былъ трезвъ?

Красныя пятна появились на скулахъ Маріи Михайловны. Она знала, что опьяненіе смягчающее обстоятельство, но въ эту минуту стоя передъ Распятиемъ, не въ силахъ была солгать. Глаза ея поднялись къ сыну.

„Говори правду. Одну правду,“ прочла она на его лицѣ.

— За обѣдомъ онъ ничего не пилъ кромѣ воды, господинъ защитникъ, — насилуя свой голосъ отвѣтила она.

— Въ какомъ настроеніи былъ вашъ сынъ въ этотъ день?

— Онъ былъ, какъ всегда, разсѣянъ, печаленъ. Какъ всегда онъ мало разговаривалъ. Онъ съ дѣтства такой.

— Онъ былъ здоровымъ, нормальнымъ ребенкомъ?

— Я протестую, ваша Честь, — сорвался съ мѣста Вебстеръ Тэнлей, — своими вопросами господинъ защитникъ внушаетъ свидѣтельницамъ отвѣты.

— Я отклоняю вашъ протестъ. Мистрисъ Носкова мать подсудимаго и показываетъ подъ присягой. Кто лучше нея можетъ выяснить намъ личность подсудимаго? — возразилъ судья. — Продолжайте, господинъ защитникъ, — сдѣлалъ онъ мистеру Мэррису пригласительное движеніе рукой.

— Итакъ, мистрисъ Носкова, скажите намъ, былъ-ли вашъ сынъ здоровымъ и нормальнымъ ребенкомъ? — повторилъ тотъ свой вопросъ.

— Нельзя сказать, чтобы онъ былъ нормальнымъ ребенкомъ, господинъ защитникъ, — медленно, обдумывая каждое слово, заговорила Марія Михайловна. — Онъ былъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ другія дѣти. Онъ сторонился всѣхъ людей. Жилъ совсѣмъ обособленной жизнью. Онъ любилъ во все всматриваться, прислушиваться... У него была склонность задумываться, такъ сказать привязываться къ одной какой-нибудь мысли. Но было больше похоже на то, что мысль эта привязывалась къ нему и терзала его. Мой мужъ покойный находилъ, что у него недоразвитъ разумъ и болѣзненно развито воображеніе. А по мнѣ въ

немъ не было ни въ чемъ ни своей воли, ни своего желанія и вотъ этой-то пустотой въ немъ иногда пользовались какія-то жуткія силы... Онѣ вселялись въ него и управляли имъ...

Марія Михайловна въ краткихъ, уже давно обдуманныхъ словахъ рассказала случай съ канарейкой и еще нѣсколько другихъ.

Въ залѣ все затихло. Предсѣдатель суда слушалъ Марию Михайловну наклонившись впередъ. Въ умныхъ глазахъ его было глубокое вниманіе и участіе.

Когда она замолкла, кто-то ударилъ въ ладоши, раздались аплодисменты. Вебстеръ Тэнлей съ презрительной улыбкой повелъ плечомъ, но хранилъ молчаніе. Нѣсколько глухихъ ударовъ молотка быстро водворили тишину.

— Благодарю васъ, мистрисъ Носкова. Вы сказали мнѣ много интереснаго, — сказалъ мистеръ Мэррисъ. — Но я хотѣлъ-бы еще узнать ваше мнѣніе о томъ, измѣнился-ли съ годами характеръ вашего сына? Исчезли-ли его странности?

— Нѣтъ, господинъ защитникъ. Онѣ, наоборотъ, усилились. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что страшный поступокъ, совершенный имъ двадцатаго мая, былъ выполненъ имъ въ минуту полной невмѣняемости.

— Ваша Честь, я долженъ заявить протестъ, — сдержанно проговорилъ Вебстеръ Тэнлей, — суду предоставленъ выводъ медицинской экспертизы о томъ, что подсудимый вполне нормаленъ. Поэтому я считаю недопустимымъ, чтобы передъ вами и господами присяжными засѣдателями такъ опредѣленно

и необоснованно высказывалось противоположное мнѣніе.

— Вашъ протестъ принять, господинъ прокуроръ, — послѣ короткаго раздумья рѣшилъ судья. — Вторая половина отвѣта мистрисъ Носковой должна быть вычеркнута изъ протокола, начиная со словъ: „Я не сомнѣваюсь въ томъ.“ Продолжайте, господинъ защитникъ.

— Я кончилъ допросъ мистрисъ Носковой, — отвѣтилъ мистеръ Мэррисъ. — Господинъ прокуроръ, — съ изысканной любезностью обратился онъ къ своему противнику.

Тотъ слегка наклонилъ корпусъ впередъ.

— Благодарю васъ, для этой свидѣтельницы у меня нѣтъ вопросовъ, — съ легкимъ удареніемъ сказалъ онъ.

Марія Михайловна, стараясь не смотрѣть на сына, не видѣлъ его скорбной, поникшей фигуры, нетвердымъ шагомъ перешла залу и, пройдя мимо ряда стульевъ, предназначенныхъ свидѣтелямъ, сѣла среди публики.

Николай Петровичъ проводилъ ее долгимъ, горестнымъ взглядомъ.

— Аурель Динтонъ, — прозвучалъ мягкій баритонъ мистера Мэрриса.

Со свидѣтельской скамьи поднялся молодой человекъ, одѣтый въ плохо сидящій, но щеголеватый бѣло-черный клѣтчатый костюмъ.

Вьющіеся каштановые волосы его были причесаны на проборъ. Очень тонкое, но извѣденное опую лицо его растерянно улыбалось. Эта растерян-

ная улыбка продолжала мучить его и во время принятія присяги.

— Какъ васъ зовутъ? — спросилъ его мистеръ Мэррисъ.

— Аурель Динтонъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я парикмахеръ.

— Гдѣ вы живете?

— На пятнадцатой улицѣ 40.

— Расскажите мнѣ, что вы знаете по дѣлу объ убійствѣ Моники Динтонъ?

— Дѣло вотъ въ чемъ... Я собственно свидѣтель по револьверу, — смущенно перебирая худыми короткими руками красный галстукъ, въ которомъ сверкалъ фальшивый брилліантъ, заговорилъ Аурель Динтонъ. — Этотъ самый револьверъ я получилъ отъ пріятеля, который уѣхалъ въ Европу. Укладывая свой сундукъ, онъ выбрасывалъ изъ шкаповъ накопившійся старый хламъ. Онъ хотѣлъ выбросить и несчастный револьверъ, но я взялъ его себѣ. Мой пріятель смѣялся: „На что тебѣ? Онъ ужъ сколько лѣтъ не стрѣляетъ.“ Я началъ пробовать выстрѣлить. Пыжился, пыжился, ничего не вышло. А бросить все-таки жалко. Все-таки оружіе. Можно на стѣну повѣсить. Да и такъ просто... Я рѣшилъ, если не дорого, отдамъ починить. Черезъ нѣсколько дней понесъ его въ починку. По дорогѣ встрѣтилъ знакомаго. Посидѣлъ съ нимъ на лавочкѣ въ Пиксиль-скверѣ, поговорилъ. Потомъ мы разошлись, а про револьверъ-то я и забылъ, оставилъ его на лавочкѣ. Вспомнилъ о немъ, когда уже далеко отъ

сквера былъ. Вернулся. У самаго сквера встрѣчаю свою кузину Монику Динтонъ. Она мнѣ говоритъ: „У меня свиданіе съ шикарнымъ типомъ, съ однимъ русскимъ княземъ. Посмотри на него, вонъ онъ тамъ на лавочкѣ сидитъ.“ Я посмотрѣлъ, куда она показывала. Смотрю, сидитъ ея господинъ, какъ разъ на той лавочкѣ, на которой я револьверъ оставилъ. Ну, думаю, навѣрно, еще до этого господина кто-нибудь тамъ сидѣлъ и мой револьверъ унесъ. А подойти и спросить неловко. Я еще постоялъ немного. Видѣлъ, какъ Моника подошла къ... такъ называемому господину подсудимому и ушелъ домой.

— Такъ вы увѣрены въ томъ, что револьверъ не дѣйствовалъ еще до совершенія преступленія? — особенно ясно и раздѣльно спросилъ мистеръ Мэррисъ.

Я совершенно въ этомъ убѣжденъ, господинъ защитникъ. Я двадцать разъ пробовалъ изъ него стрѣлять и ничего не выходило. Да и къ тому-же, какъ я уже заявилъ господину судебному слѣдователю въ этомъ злосчастномъ револьверѣ уже до, такъ называемаго преступленія, было двѣ пули. Откуда-же, господинъ защитникъ, въ него могла попасть третья? А если третья не попала, какъ же могъ господинъ Носковъ убить изъ него Монику? Я готовъ чѣмъ угодно поклясться, что мистеръ Носковъ Моники не убивалъ.

— Ваша Честь, я протестую. Я уже часто повторять во время этого засѣданія, что здѣсь не мѣсто ни предположеніямъ, ни необоснованнымъ утвержденіямъ.

— Вашъ протестъ принять, — отвѣтилъ пред-

сѣдатель суда, внимательно разглядывая перстень на своей рукѣ. — Продолжайте допросъ, мистеръ Мэрисъ.

— Я закончилъ допросъ и передаю свидѣтеля господину прокурору.

— Мистеръ Динтонъ, — громкимъ голосомъ обратился къ свидѣтелю Вебстеръ Тэнлей. — Это вѣрно, что два года тому назадъ васъ выписали изъ лечебницы душевно-больныхъ въ Лонгъ-Исландъ, гдѣ вы пробыли два года?

— Это вѣрно, господинъ прокуроръ, — задрожавшимъ отъ возмущенія голосомъ воскликнулъ свидѣтель, — но это не имѣетъ ничего общаго съ моими показаніями. Я совершенно излѣчился. Я совершенно нормаленъ...

— Благодарю васъ. Вы можете вернуться на ваше мѣсто, — съ оттѣнкомъ соболизующаго снисхожденія сказалъ обвинитель.

— Странно, что здѣсь позволяютъ оскорблять свидѣтелей! — сорвавшимся тонкимъ теноркомъ крикнулъ Аурель Динтонъ и, дернувъ плечомъ, вернулся на свое мѣсто.

Въ публикѣ кто-то засмѣялся; раздалось шиканье. Предсѣдатель суда сердито застучалъ молоткомъ.

— Ваша Честь, — торжественно обратился къ нему письменоводитель, — допросъ свидѣтелей законченъ.

Артуръ Линкольнъ величественно наклонилъ свою сѣдую голову.

— Господинъ защитникъ, вы имѣете слово, — обратился онъ къ мистеру Мэррису.

Тотъ медленно приподнялся.

— Ваша Честь, господа присяжные засѣдатели, — съ особенною, подчеркнутою почтительностью склонился онъ передъ судьей и присяжными засѣдателями. — Изъ слышанныхъ вами здѣсь показаній свидѣтелей, особенно же изъ словъ матери подсудимаго, его невѣсты и его друга мистрисъ Свифдъ, вы имѣли возможность составить себѣ мнѣніе о его личности, о его душевныхъ свойствахъ и поняли конечно, что этотъ переуточенный, нервный, болѣзненно впечатлительный человѣкъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ обыкновенномъ звѣрскомъ убійствѣ съ цѣлью грабежа. Вы поняли, что этотъ культурный, безкорыстный человѣкъ, добровольно вернувшій мистрисъ Свифдъ десять тысячъ долларовъ, не могъ польститься на жалкую сумму двухъ тысячъ долларовъ и совершить убійство, чтобы присвоить ихъ. Вы поняли, что подсудимый слишкомъ уменъ, чтобы „обдуманно“ и „съ предвзятою цѣлью“ разбить свою жизнь безсмысленнымъ преступленіемъ, которое неминуемо должно было раскрѣпиться... Когда вы поняли все это, господа присяжные засѣдатели, вамъ стало ясно, что причину, побудившую подсудимаго совершить страшный поступокъ, нужно искать не въ арсеналѣ такихъ грубыхъ побужденій, какъ корысть или жестокость, а въ гораздо болѣе глубокихъ и сложныхъ душевныхъ переживаніяхъ, — горячо, однимъ духомъ проговорилъ мистеръ Мэррисъ, и видя, что слова его сразу захватили слушателей, почувствовать, уже привыч-

ное ему, опьяненіе успѣшнаго оратора. Спокойный, увѣренный въ силѣ своей рѣчи, онъ, обращаясь исключительно къ присяжнымъ засѣдателямъ, рѣшительно заявилъ, что не можетъ согласиться съ выводомъ медицинской экспертизы суда, признавшимъ его подзащитнаго психически здоровымъ и дѣйствовавшимъ въ ночь убійства безъ аффекта и въ здоровомъ умѣ. Ссылаясь на труды извѣстныхъ психологовъ, онъ сталъ доказывать, что то состояніе „навожденія“, въ которомъ находился подсудимый въ ночь на двадцатое мая, опредѣляется всеми ими тяжелой душевной болѣзнью. — Возможно, что эта душевная болѣзнь еще не изучена и не регистрована психіатріей, возможно, что она еще не получила латинскаго названія, — съ легкой ироніей воскликнулъ онъ, — но развѣ это даетъ право господамъ психіатрамъ отвергать самую возможность ея существованія? Я нахожу, что господа психіатры берутъ этимъ на себя тяжелую отвѣтственность и было-бы осторожнѣе съ ихъ стороны поставить діагнозъ въ слѣдующей формѣ: „Подсудимый не страдаетъ ни одной изъ признанныхъ и изученныхъ психіатріей душевныхъ болѣзней и только на этомъ основаніи мы объявляемъ его нормальнымъ и отвѣтственнымъ за свои поступки человѣкомъ!“ — Мистеръ Мэррисъ говорилъ убѣдительно и блестяще. Каждое его отчеканенное слово попадало въ цѣль. Зала суда была полна сочувственной тишиной.

Николай Петровичъ весь подался впередъ и не отрывалъ глазъ отъ своего защитника. Лицо его ожи-

вилось. Легкій румянецъ появился на его впалыхъ щекахъ.

Мистеръ Мэррисъ выпилъ нѣсколько глотковъ воды и снова заговорилъ. Онъ драматично сталъ передавать переживанія Николая Петровича въ ночь убійства и въ послѣдовавшіе за нимъ долгіе мѣсяцы. Потомъ необыкновенно талантливо набросалъ его возвышенный и чистый обликъ, говорилъ о великомъ просвѣтленіи, снизошедшемъ на него, о его полной покорности и безропотности, о его внутреннемъ избранничествѣ.

Въ залѣ раздавались всхлипыванія.

Николай Петровичъ почувствовалъ, какъ внезапно потеплѣла его кровь, участилось его дыханіе. Онъ точно началъ просыпаться отъ долгой летаргіи. Душа его горячо вздрогнула въ немъ, полная острой мукой раскаянія, жаждой искупленія и самоотверженія. Онъ жадно слѣдилъ за каждымъ словомъ своего защитника, изумляясь тому, какъ этотъ по виду неглубокій, свѣтскій человѣкъ, такъ проникновенно понималъ его.

Мистеръ Мэррисъ говорилъ долго, все сильнѣе убѣждая и захватывая слушателей:

— Господа присяжные засѣдатели, — вдохновенно воскликнулъ онъ въ заключеніе. — Въ темномъ лабиринтѣ каждой души, въ непроницаемыхъ глубинахъ подсознанія cadaго, даже самаго чистаго по природѣ человѣка, таятся сонмы подавленныхъ инстинктовъ, мечутся сонмы чудовищныхъ побужденій... И вотъ, что страшно, иногда достаточно совершенно неожиданнаго внутренняго толчка, чтобы

какое-нибудь изъ этихъ побужденій превратилось въ навязчивую мысль и чтобы вина была готова изъ нея родиться. Мысль мгновенна, мгновенно и выполненіе самаго безумнаго поступка, внушеннаго ею. Внезапное затменіе... Выстрѣлъ... Ударъ кинжала... И кончено! Преступленіе совершено. Ничто не можетъ вернуть жизни несчастной жертвѣ. Жизнь убійцы разбита на вѣки. Вы видите этому здѣсь потрясающій примѣръ. Мистеръ Носковъ, человѣкъ самой высокой морали, истинный христіанинъ, добровольно отдавшійся въ руки правосудія; человѣкъ, глубоко выстрадавшій свою вину, выплакавшій ее кровавыми слезами, въ двадцать шесть лѣтъ, еще не узнавъ и не извѣдавъ жизни, вырванъ изъ міра, лишень его красоты, на вѣки обреченъ нести въ сердцѣ своемъ страшное воспоминаніе одного мига безумія. Господа присяжные засѣдатели, не бросайте въ него камень. Въ ночь убійства онъ былъ невмѣняемъ. Это подтвердили всѣ свидѣтели, видѣвшіе его двадцатаго мая и принявшіе за опьяненіе виномъ его страшное душевное затменіе. Господа присяжные засѣдатели, самое великое въ мірѣ, это любовь и прощеніе. Откройте ваши души сладостному состраданію. Подумайте о томъ, что въ какой-нибудь страшный часъ нашей жизни мы всѣ можемъ быть захвачены страшнымъ водоворотомъ неожиданныхъ явленій, можемъ оказаться во власти таящихся въ насъ всѣхъ пагубныхъ силъ и, какъ мой подзащитный, можемъ стать ихъ игрушкой! Въ этомъ мірѣ мы окружены тайнами. Многое непостигаемо нашему уму. Какъ объяснить, на примѣръ, что револьверъ, не стрѣляв-

шій столько лѣтъ, вдругъ выстрѣлилъ именно въ такую роковую минуту. Да и выстрѣлили-ли онъ? Бываютъ совершенно невѣроятныя стеченія обстоятельствъ, на вѣки остающіяся трагическими загадками... Да, мы окружены жуткими тайнами... Повѣрьте мнѣ, господа присяжные, подъ мирной поверхностью каждой нашей жизни таятся страшныя, разрушительныя силы. Ихъ изверженіе всегда такъ же неожиданно и ужасно, какъ изверженіе вулкана. Мы всѣ безсильны противъ нихъ. Повѣрьте мнѣ, мы всѣ, какъ мой подзащитный, можемъ стать ихъ жертвами. Господа присяжные засѣдатели, трагичная судьба, постигшая подсудимаго, можетъ постичь и васъ и вашихъ дѣтей. Думайте объ этомъ, произнося надъ нимъ вашъ приговоръ!

Когда мистеръ Мэррисъ умолкъ, самъ глубоко взволнованный и блѣдный, разразился оглушительный громъ рукоплесканій, послышались возгласы одобренія. Всѣ были потрясены. Даже восковыя фигуры двѣнадцати судей ожили на нѣсколько минутъ и глаза ихъ были доброжелательно устремлены на подсудимаго.

Но вотъ раздались призывающіе къ порядку удары молотка.

Вебстеръ Тэнлей угрожающе поднялся во весь ростъ и началъ свою обвинительную рѣчь, съ рѣзкаго протеста противъ выраженнаго защитникомъ сомнѣнія въ вѣрности вывода медицинской экспертизы суда, признавашаго подсудимаго вполне нормальнымъ и не страдающимъ никакой душевной болѣзнью.

— Ваша Честь, господа присяжные засѣдатели,

прошу васъ вспомнить, что экспертами были свѣтила науки, авторитетъ которыхъ совершенно неоспоримъ, — запальчиво воскликнулъ онъ. — Они единогласно постановили, что подсудимый психически здоровъ. Однако, господинъ защитникъ стремится доказать, что онъ страдаетъ какимъ то новымъ душевнымъ недугомъ, діагнозъ которому поставленъ не врачомъ, а самимъ мистеромъ Мэррисомъ подъ впечатлѣніемъ какихъ-то прочитанныхъ брошюръ. Мистеръ Мэррисъ всѣмъ намъ знакомъ какъ геніальный юристъ, а не какъ психологъ. Предполагая, что въ вопросахъ психологическихъ онъ такой-же дилетантъ, какъ и я, думаю, что намъ было-бы безцѣльно предаваться психоаналитическимъ преніямъ, которые здѣсь не мѣсто, и что здравый смыслъ требуетъ отъ насъ признать неоспоримую вѣрность вывода медицинской экспертизы суда, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы направлять ненормальныхъ преступниковъ въ психіатрическія больницы и предавать суду только тѣхъ, которые отвѣтственны за свои поступки. То, что подсудимый совершилъ преступленіе съ предвзятымъ намѣреніемъ и вполнѣ отвѣтственъ за свой поступокъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ самъ утверждалъ у судебного слѣдователя, что двадцатаго мая былъ совершенно трезвъ. Разумную послѣдовательность его дѣйствій легко возстановить.

Отпивъ глотокъ воды, прокуроръ неторопливо, холодно и спокойно повторилъ всѣ факты, на которыхъ было построено обвиненіе, и подбиралъ ихъ такъ мастерски, съ такой убійственной ледяной ло-

ликой доказывалъ предумышленность преступленія, что вина Николая Петровича, только что казавшаяся многимъ трагичною случайностью, стала обрисовываться въ другомъ свѣтѣ.

Сначала прокуроръ говорилъ кратко, отчетливо, только по существу, но вдругъ, перемѣнивъ тонъ, сталъ краснорѣчиво убѣждать присяжныхъ засѣдателей не поддаваться обаянію обманчивой наружности подсудимаго, не видѣть въ немъ ни жертву несчастнаго случая, ни человѣка, дѣйствовавшаго въ минуту умственного затменія, а обыкновеннаго бандита, иностранца, безжалостно изъ самыхъ низменныхъ корыстныхъ побужденій убившаго американскую дѣвушку, любившую его.

— Моника Динтонъ! — съ пафосомъ воскликнулъ онъ. — Бѣдная, довѣрчивая дѣвочка, мечтавшая о счастіи и любви! Мечтавшая о поцѣлуяхъ возлюбленнаго и нашедшая смерть отъ его руки. Она привела его въ „протъ поцѣлуевъ“ и не успѣла обернуться къ нему, протягивая губы, какъ грянулъ выстрѣлъ, коварно проникшій черезъ спину прямо въ ея сердце. Она упала безшумно, безъ вскрика. Не успѣла попросить о пощадѣ, не успѣла понять, что человѣкъ, которому она готова была отдать всю свою любовь, лишилъ ее святаго дара жизни, для того, чтобы завладѣть ея деньгами. Да, господа присяжные засѣдатели, жизнь это самый священный Божій даръ. Но какъ легко загасить это горящее въ насъ святое пламя. Какъ плохо оберегаетъ его въ насъ природа отъ случайностей, отъ злыхъ умысловъ людей, не отличающихъ добра отъ зла, отъ изверговъ съ животными

инстинктами. Господинъ защитникъ правъ. Такимъ людямъ убить легко. „Выстрѣлъ, ударъ кинжала и конецъ.“ Совершенно неисправимое злодѣяніе. Господа присяжные засѣдатели, преступники опасные и вредные для общества люди, но мы не дикари. Мы живемъ въ культурной странѣ, въ которой законъ защищаетъ общество отъ изверговъ. Господа присяжные засѣдатели, вы собрались сюда, чтобы судить человѣка, который хладнокровно и обдуманно совершилъ звѣрское убійство, мысль о которомъ заставляетъ дрожать отъ ужаса. Такой поступокъ наказывается во всемъ мірѣ наивысшей карой. Къ нему непримѣнимы никакія смягчающія обстоятельства. Господа присяжные засѣдатели, прошу васъ не забывать, что убійца изъ-за ничтожной суммы денегъ лишилъ жизни полу-ребенка. Что онъ отнялъ у матери дитя! Мы всѣ здѣсь слышали безутѣшныя рыданія мистрисъ Динтонъ. Что должна была испытать эта несчастная женщина, услышавъ здѣсь апплодисменты, выражающіе сочувствіе убійцѣ ея дочери! Господа присяжные засѣдатели, повторяю, подсудимый изъ корыстныхъ цѣлей холодно и обдуманно нарушилъ самую великую заповѣдь „Не убей!“ Онъ совершилъ убійство первой степени и заслуживаетъ самой суровой кары... Смертной казни.

Въ залѣ пронесся ропотъ.

Мистеръ Мэррисъ взвился со своего мѣста:

— Да, „не убей“ самая великая заповѣдь. Да, самый драгоценный кладъ всякой матери, — жизнь ея ребенка. Господа присяжные, подумайте о томъ, что въ этой залѣ находится еще одна мать, мать подсу-

димато, которая сегодня перенесла самые страшные душевные пытки. Господа присяжные, сохраните ей жизнь ее сына!

Вебстеръ Тэнлей обратился съ протестомъ къ его Чести, но громъ аплодисментовъ заглушилъ его слова и вдругъ внезапно стихъ. Что-то произошло. Въ первомъ ряду соскользнула со стула женская фигура. Къ ней бросились стражники и, поднявъ ее, вынесли изъ залы.

„Мама“, молча крикнулъ Николай Петровичъ и, уронивъ голову на перегородку, замеръ въ глубокой мукѣ.

— Подсудимый, вы имѣете право на послѣднее слово, — мягко обратился къ нему председатель суда.

Николай Петровичъ медленно приподнялся и, опершись дрожащими руками о перегородку, долго стоялъ, молча собирая мысли. Черты его лица отражали гармонію его внутреннихъ силъ и удивляли своей сложной одухотворенной красотой.

— Я убилъ, — медленно заговорилъ онъ наконецъ. — Не въ моей власти доказать, что я убилъ въ минуту безумія. Однако, это такъ. Съ ночи убійства душа моя жаждала только покаянія. Я горячо стремился высказать правду, всю правду передъ людьми и передъ Богомъ. Я вѣрилъ, что люди поймутъ меня. Въ невѣдѣніи моемъ это казалось мнѣ естественнымъ и простымъ. Теперь я вижу самъ, что мою правду трудно понять. Порою я и самъ сомнѣваюсь въ ней. Она сложна... Она непередаваема..., Дѣло въ томъ, что я созналъ себя убійцей только въ

тотъ мигъ, когда мысль объ убійствѣ... не явилась мнѣ... нѣтъ... а какъ-то извнѣ овладѣла мною... Потомъ, выполняя ее, я дѣйствовалъ безсознательно, какъ въ гипнозѣ. Можетъ быть, какъ въ самогипнозѣ. Подъ мостомъ я мысленно повторялъ себѣ „не надо... не надо...“. Я не вѣрилъ, что убью. Я не хотѣлъ убивать. Я не думалъ ни о деньгахъ, ни о дѣвухкѣ... Я думалъ только о выстрѣлѣ и нажималъ курокъ. Какая-то бѣсовская сила толкала меня на это. То, что я говорю, святая правда... Но кто повѣритъ мнѣ? Господинъ прокуроръ требуетъ для меня высшей кары... Я готовъ ее принять и только прошу замѣнить мнѣ смертную казнь безсрочной каторгой. Я прошу объ этомъ потому, что хотѣлъ-бы изжить до конца мою внутреннюю жизнь, хотѣлъ-бы достигъ на землѣ послѣдней фазы развитія моей души, начавшагося такъ поздно. Она находится теперь на трудномъ, но отрадномъ пути самоуглубленія и сознательнаго искупленія моей ужасной вины... Насильственная смерть прерветъ этотъ путь... Мнѣ кажется, что это слишкомъ жестоко пресѣчь жизнь человѣка на преступленіи... Не дать ему выстрадать своего раскаянія до конца... Не во имя жизни моего тѣла, а во имя жизни моей души я прошу о замѣнѣ смертной казни безсрочной каторгой... Это все, что я имѣю сказать...

Въ залѣ было мертвое молчаніе. Предсѣдатель суда, объявивъ засѣданіе законченнымъ, всталъ со своего мѣста. Присяжные засѣдатели послѣдовали его примѣру и удалились вслѣдъ за нимъ въ комнату для совѣщаній.

Публика оживилась, задвигалась. Раздался гулъ голосовъ. Въ раскрывшіяся двери потянуло свѣжимъ воздухомъ.

Погруженный въ свою глубокую, безвыходную муку Николай Петровичъ больше часа просидѣлъ неподвижно, уронивъ голову на скрещенныя руки.

Кто-то коснулся его плеча:

— Встаньте! Судъ идетъ!

Онъ повиновался. Спокойный, но скорбный голосъ пресѣдателя суда что-то читалъ громко и внятно, но Николай Петровичъ плохо осознавалъ раздававшіяся въ мертвой тишинѣ залы слова. Они долетали до него, какъ издалека черезъ неумолкаемый гулъ крови въ его ушахъ. Но вдругъ онъ насторожился... Воспріятіе его мгновенно утончилось до мучительной остроты и онъ услышалъ страшныя слова:

— По рѣшенію господъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый, русскій эмигрантъ Николай Носковъ, обвиняющійся въ убійствѣ первой степени, признанъ въ этомъ преступленіи виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни черезъ электричество.

Николай Петровичъ былъ готовъ къ этому приговору, но услышавъ его, былъ оглушенъ, пронзенъ имъ, повергнутъ въ подлинный еще никогда не испытанный ледяной ужасъ.

Въ залѣ произошло сильное движеніе. Несмотря на неоспоримость преступленія, всѣ ожидали оправданія.

Раздались истерическіе вскрики женщинъ, свистки, отдѣльные мужскіе голоса, требующіе от-

мѣны смертной казни. Вся публика бурно высказывала свое сочувствіе осужденному. Но онъ не слышалъ его. Онъ былъ одинъ со своею душой. Со своею судьбой.

Ночь послѣ приговора Николай Петровичъ, не смотря на снотворное средство, данное ему докторомъ Марчемъ, провелъ безъ сна, въ какомъ-то тяжеломъ полузабытій, полномъ страшныхъ прорывовъ сознанія, въ которые онъ вспоминалъ весь безвыходный ужасъ своего положенія, чувствовалъ себя пойманнымъ, запертымъ, замученнымъ. Близость смерти ужасала его.

Утромъ къ нему пришелъ докторъ Марчъ, сдѣлалъ ему успокоительное впрыскиваніе и объявилъ его больнымъ, чѣмъ надолго избавилъ его отъ уборки камеры, тягостныхъ прогулокъ во дворѣ тюрьмы и чѣмъ далъ ему возможность жить своей, обособленной отъ всего міра внутренней жизнью.

Около полудня къ нему явился, сильно взволнованный, мистеръ Мэррисъ и сталъ горячо убѣждать его въ томъ, что смертная казнь будетъ бесспорно замѣнена ему всего нѣсколькими годами тюремнаго заключенія, но что однако надо запастись терпѣніемъ, такъ какъ иногда такіа помилованія объявляются чуть-ли не за часъ до выполненія смертной казни.

— Помните, мистеръ Носковъ, что я и мистрисъ Свифдъ, мы оба энергично дѣйствуемъ и что

мы совершенно не сомнѣваемся въ успѣхѣ, — сердечно проговорилъ онъ сжимая на прощаніе его руку.

Увѣренный тонъ мистеръ Мэrrиса и впрыскиваніе доктора подѣйствовали благотворно. Николай Петровичъ почувствовалъ отливъ страданія. Ощущеніе слабости и разбитости пріятно разлилось по всему его тѣлу. Мысли его стали гаснуть и онъ спокойно задремалъ.

XIV

— Мистрисъ Свифдъ, — почтительно доложилъ лакей, неслышной поступью вошедшій въ кабинетъ мистера Мэрриса.

— Простите, — не отрывая глазъ отъ какого-то исписаннаго машиной листа, отвѣтилъ сидѣвшій за своимъ огромнымъ письменнымъ столомъ адвокатъ.

Минуту спустя вошла Коринна вся закутанная въ драгоценные мѣха.

— Я не опоздала, мистеръ Мэррисъ? — улыбнулась она протягивая ему руку. — Я знаю, что ваше время драгоценно и очень торопилась.

— Вы всегда очень точны, мистрисъ Свифдъ, — выбѣгая изъ-за своего стола воскликнулъ онъ. — Вы настоящая американка, умѣющая смотрѣть на часы! Но почему вы потрудились подняться ко мнѣ? Вашъ шофферъ могъ-бы снизу телефонировать моему секретарю, что вы приѣхали и я спустился-бы внизъ.

— Очень любезно. Дѣло въ томъ, мистеръ Мэррисъ, что мнѣ надо переговорить съ вами о нѣкоторыхъ вещахъ до того, какъ мы отправимся къ мистрисъ Динтонъ. Есть одинъ вопросъ, кото-

рый так беспокоить меня, что не даетъ мнѣ спать...

— Я весь къ вашимъ услугамъ. Прошу васъ, садитесь въ это кресло у окна. Вамъ будетъ здѣсь удобно. Въ этомъ эркерѣ я выслушиваю моихъ посѣтительницъ. Это нѣчто въ родѣ исповѣдальни.

— Къ сожалѣнію я безгрѣшна, мистеръ Мэррисъ, и мнѣ не въ чемъ каяться вамъ, — холодно отвѣтила Коринна опускаясь въ низкое мягкое кресло и слегка распахивая шубу на груди. — Вотъ въ чемъ дѣло: я хотѣла бы знать, что вы думаете о томъ человѣкѣ въ кепкѣ, котораго видѣла миссъ Дрейзеръ въ Пиксиль-скверѣ? Онъ безусловно былъ заинтересованъ Моникой и мистеромъ Носковымъ. Почему?

Мистеръ Мэррисъ пренебрежительнымъ движеніемъ поднялъ плечо и пододвинулъ Кориннѣ папиросы.

— Я думаю, что это просто воображеніе миссъ Дрейзеръ, — разсѣянно бросилъ онъ. — Возможно, что этотъ типъ въ кепкѣ заинтересовался сидящей на скамейкѣ парочкой просто такъ... Какъ миссъ Дрейзеръ. Изъ любопытства.

— Итакъ, вы думаете, что его не слѣдуетъ искать?

— Искать? Но вѣдь найти его невысказано, мистрисъ Свифдъ! Никто не знаетъ, что это за человѣкъ. Мало-ли людей въ кепкахъ? Въ дѣлѣ онъ ничего измѣнить не можетъ... Согласитесь сами...

— Не знаю. У меня такое чувство, что въ этомъ человѣкѣ кроется разгадка какой-то тайны. Я каждый вечеръ ѣзжу къ миссъ Дрейзеръ и мы сквозь занавѣски смотримъ въ окно надѣясь на то, что онъ появится въ Пиксиль-скверѣ. Вѣдь возможно, что онъ живетъ въ тѣхъ краяхъ. Пока мы смотримъ въ окно, внизу стоитъ мой силачъ-шофферъ и ждетъ моего знака, чтобы схватить его...

— Но онъ не имѣетъ права хватать его.

— Я знаю. Рискъ ответственности я беру на себя.

— Тогда я ничего не имѣю противъ этого, — разсмѣялся мистеръ Мэррисъ. — Теперь всѣ дамы заражены детективизмомъ.

Коринна встала.

— Вы ошибаетесь, — сдержанно отвѣтила она. — Я далека отъ этого. Я думаю только о томъ, какъ-бы помочь моему бѣдному другу. Вы знаете, мистеръ Мэррисъ, что еще смущаетъ меня? Это разсказъ мистрисъ Динтонъ о томъ, что Моника познакомила съ какимъ-то страшнымъ молодымъ человѣкомъ. Иногда мнѣ кажется, что этотъ молодой человѣкъ и есть этотъ типъ въ жепкѣ.

— Да нѣтъ, мистрисъ Свифтъ. Ваше воображеніе васъ заноситъ слишкомъ далеко. Я увѣренъ, что вся исторія мистрисъ Динтонъ объ этомъ страшномъ молодомъ человѣкѣ просто выдумана ею, чтобы навести тѣнь на мистера Носкова. Но

если хотите, я добьюсь отъ нея правды относительно этого показанія.

— Ахъ да! Прошу васъ. Вы думаете вамъ удастся?

— Я увѣренъ, что почувавъ деньги мистрисъ Динтонъ будетъ, какъ воскъ въ моихъ рукахъ. Итакъ, поѣдте, — предложилъ онъ взглянувъ на часы-браслетъ.

Автомобиль Коринны быстро доставилъ ихъ къ подъѣзду высокаго закончѣлаго дома, въ которомъ жила мистрисъ Динтонъ. Одна изъ автоматически поднимающихся и опускающихся кабинокъ подняла ихъ на мансарду. Они позвонили у небольшой захватанной и облупившейся двери.

Отворившая имъ мистрисъ Динтонъ испуганно откинулась назадъ.

— Не бойтесь, дорогая, — ласково обратилась къ ней Коринна, — мы къ вамъ съ добрыми намѣреніями.

— Я не могу впустить къ себѣ друзей убійцы моей дочери! — истерично вскрикнула несчастная женщина.

— Мы и ваши друзья, мистрисъ Динтонъ, — спокойно проговорилъ мистеръ Мэррисъ закрывая за собою дверь. — Принявъ во вниманіе ваше несчастье и трудное положеніе, мистрисъ Свифдъ рѣшила положить вамъ пожизненную пенсію. Однако, неудобно говорить объ этомъ въ передней.

Мистрисъ Динтонъ, еле придя въ себя отъ радостнаго изумленія, открыла передъ ними дверь

въ крохотную кухню-столовую и придвинула три стула къ покрытому синей клеенкой столу.

— Прошу извинить. Это моя лучшая комната, — вѣжливо сказала она стараясь побороть охватившую ее нервную дрожь.

Коринна сѣла и притянула мистрисъ Динтонъ на стулъ около себя. Мистеръ Мэррисъ сѣлъ съ другой стороны стола.

— Мистрисъ Динтонъ, — медленно заговорилъ онъ стягивая перчатки, — нѣтъ человѣка въ Нью-Йоркѣ, который не сочувствовалъ-бы вашему горю. Но вѣдь большая часть людей сочувствуетъ только на словахъ. Однако, въ лицѣ мистрисъ Свифдъ нашлось счастливое исключеніе. Она хочетъ помочь вамъ провести остатокъ вашей жизни въ довольствѣ.

Тутъ нервы мистрисъ Динтонъ не выдержали больше. Закрывъ лицо чернымъ фартукомъ, она порывисто зарыдала. Обнявъ ее, Коринна старалась заставить ее выпить воды. Наконецъ она успокоилась и замерла въ неудобной позѣ, уткнувшись лицомъ въ душистый мѣхъ Коринны, которая ласково гладила ее по спинѣ.

— Не плачьте. Со всѣми вашими печалями всегда обращайтесь ко мнѣ. Я всегда буду вамъ помогать во всемъ, — мягко говорила она ей.

Мистеру Мэррису эта сентиментальная сцена показалась слишкомъ продолжительной. Онъ закурилъ папиросу и сталъ нетерпѣливо шагать между дверью и плитой. Наконецъ онъ остановился передъ мистрисъ Динтонъ и коснулся ея плеча:

— Итакъ, моя милая, — бодро обратился онъ къ ней. — Поздравляю васъ. Вы теперь обезпеченная женщина. Чтобы доказать вашу благодарность мистрисъ Свифдъ, скажите намъ, что это за страшный молодой человѣкъ, о знакомствѣ съ которымъ вамъ говорила ваша дочь и о которомъ вы упомянули, давая показанія въ судѣ?

Мистрисъ Динтонъ оторвалась отъ душистой шубы Коринны и снова всхлипнула въ черный фартукъ.

— Вамъ нечего такъ волноваться, — снисходительно остановилъ ее мистеръ Мэррисъ. — Скажите намъ только истинную правду. Намъ очень важно ее знать.

— Моника не говорила мнѣ ни о какомъ молодомъ человѣкѣ, — сквозь фартукъ съ усиліемъ заговорила мистрисъ Динтонъ. — Это я со зла на убійцу... Хотѣла его зачернить.

— Это правда? Чистая правда? — строго спросилъ мистеръ Мэррисъ.

— Какъ передъ Богомъ. Никакого страшнаго молодого человѣка не было. Я солгала.

Мистеръ Мэррисъ многозначительно взглянулъ на Коринну, давая ей этимъ понять, что онъ былъ правъ въ своихъ предположеніяхъ. Она молча кивнула ему въ отвѣтъ и встала.

Мистеръ Мэррисъ досталъ изъ кармана большой синій конвертъ и положилъ его на столъ.

— Мистрисъ Динтонъ, вотъ бумага, по которой вы будете получать въ національномъ банкѣ сто пятьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ, — сказалъ онъ.

Мистрисъ Динтонъ почти испуганно оторвала отъ фартука заплаканное лицо и всплеснула руками.

Счастливая ея радостью, Коринна обняла ее на прощаніе.

— Вы увидите, моя милая, у васъ будутъ еще хорошіе, пріятные дни, — утѣшающимъ голосомъ сказала она. — И помните, я всегда готова все сдѣлать для васъ.

— Она хорошо вела себя, — довольнымъ тономъ заключилъ мистеръ Мэррисъ садясь рядомъ съ Коринной въ автомобиль, — сначала была горда, потомъ проста, а получивъ деньги, не разсыпалась въ униженныхъ благодарностяхъ, хоть и просіяла вся отъ радости. Въ общемъ какая ничтожная сумма можетъ осчастливить человѣка. Какая сила въ деньгахъ.

— Да, на нихъ можно купить счастье дѣлать добро... Но только это счастье, — съ легкой горечью проговорила она.

— Развѣ это такъ мало? — неискренне спросилъ мистеръ Мэррисъ.

Коринна молча пожала плечами.

XV

Нѣсколько недѣль послѣ приговора Николай Петровичъ провелъ въ привычныхъ ему снахъ на яву и въ часахъ долгихъ внутреннихъ созерцаній. Съ внѣшней жизнью его соединяла только переписка съ Вѣрочкой, отъ которой онъ почти ежедневно получалъ длинные письма. Онъ писалъ ей много рѣже. Какъ-то утромъ онъ всталъ особенно свѣжимъ со своей койки. Камера его была залита солнечнымъ свѣтомъ. За открытымъ окномъ сверкало голубое небо. Чувствовалась весна. Чирикали птицы. Николай Петровичъ почувствовалъ вдругъ сильный приливъ жизненныхъ силъ. Его потянуло на волю, во Флориду къ своей далекой невѣстѣ и онъ сѣлъ къ столу, чтобы побесѣдовать съ ней хоть на бумагѣ.

„Вѣрочка, моя любимая, моя далекая,“ писалъ онъ стремясь къ ней всей душой: „Вѣрочка, моя свѣтлая, прости мое долгое молчаніе. Всѣ эти дни, не знаю сколько ихъ было, я не вставалъ съ постели. Не думай, что я обезсиленъ ужасомъ передъ смертью. Нѣтъ, что-то во мнѣ отказывается вѣрить въ ея близость. Самъ не знаю, что это? Несовершенство, неполнота человеческого разу-

ма, или предчувствіе, предугадываніе того, что не смотря на смертный приговоръ, я еще нескоро уйду изъ этого міра. Не знаю! Знаю только, что совершенно не осознаю того, что переживаю дни между жизнью и смертью, не замѣчаю, что живу въ мрачномъ мірѣ за рѣшетками. Въ моей душѣ отрадная тишина и вся жизнь моя, какъ и до приговора, — это внутреннее созерцаніе, углубленіе въ себя, воспоминаніе прошлаго. Не думай, что это бездѣйствіе. Нѣтъ, это лихорадочный творческій трудъ души. Точно долженъ я спѣшить достичь какой-то опредѣленной фазы самоуглубленія въ этой жизни, точно долженъ еще разъ пережить и соединить въ моемъ умѣ всю длинную цѣпь событій моего существованія.

Знаешь, что меня изумляетъ больше всего въ этомъ повтореніи прошлаго? То, что, вспоминая о немъ, я испытываю его, какъ настоящее. Это не галлюцинаціи, не живость воображенія, а подлинное переживаніе себя вторично. Назови это безуміемъ, но я убѣжденъ, что всѣ эти мои безконечныя „я“, неизвѣстно, какъ и когда отколовшіяся другъ отъ друга, все еще живутъ во мнѣ раздѣльно... Я убѣжденъ, что все, что люди привыкли считать преходящимъ, на самомъ дѣлѣ не преходящее вовсе, а гдѣ-то закрѣплено какъ на невидимой живой фильменной лентѣ, въ которой мы живемъ и умираемъ каждый мигъ, чтобы тотчасъ-же воскреснуть вновь, какъ каждый мигъ гаснетъ снимокъ на экранѣ, чтобы дать мѣсто новому. Ты улыбаешься моему косноязычію? Да, я не умѣю выражать сво-

ихъ мыслей, но вѣдь ты поняла меня? Вотъ въ чемъ еще я признаюсь тебѣ: мнѣ кажется, нѣтъ, я внутренно увѣренъ въ томъ, что есть сфера, гдѣ грезы и мечты, все созданное воображеніемъ становится дѣйствительностью, что во всемъ непостижимомъ намъ таится великій смыслъ... Сегодня ночью, напримѣръ, я стремился подвести итогъ причинъ и слѣдствій моей жизни и пришелъ къ выводу, что въ ней не было ни причинъ, ни слѣдствій, а былъ только длинный рядъ незначительныхъ явленій, недодуманныхъ мыслей, невыполненныхъ стремленій... На первый взглядъ бессмысленный, беспорядочный хаосъ случайностей. Но вдругъ озаренный силой проникновенія въ понятія высшаго порядка, которая иногда быстрой и слабой зарницей освѣщаетъ мой мозгъ, я почувалъ, что всѣ эти кажущіяся случайности непостижимымъ намъ таинственнымъ звеномъ связаны въ одно мудрое цѣлое.

Ты видишь, я живу въ новомъ мірѣ, полномъ новыхъ воспріятій, въ которомъ такъ же безпомощно учусь думать, какъ маленькія дѣти учатся ходить. Гораздо тверже стою я на ногахъ своихъ воспоминаній. Какъ счастливъ я то купаясь въ Волгѣ, то собирая желуди въ лѣсу... Однако, иногда, я совершенно внезапно съ холоднымъ ужасомъ прихожу въ себя, весь охваченный припадкомъ страха и съ изумленіемъ спрашиваю себя: „Чему ты радуешься, сумасшедшій? Развѣ ты забылъ, что ты въ тюрьмѣ, изъ которой, можетъ быть, не выйдешь живымъ? Ты забылъ, что вотъ сейчасъ мо-

гутъ придти, чтобы отвести тебя въ камеру смертниковъ, а потомъ на казнь?" Въ такія минуты безысходная тоска тяжело ложится мнѣ на грудь. Леденящій ужасъ охватываетъ меня и одновременно стыдъ этого ужаса. Однако, начинаю думать, что ужасъ этотъ вполне естественное, а не постыдное чувство. Скажи мнѣ, какъ можно не бояться смерти, да еще насильственной смерти? Какъ можно не испытывать передъ ней невольнаго, органическаго ужаса? Мнѣ кажется, что чловѣкъ, спокойно поднимающійся на эшафотъ, либо полонъ такого отчаянія, что съ головой бросается въ смерть, либо просто не сознаетъ происходящаго съ нимъ и всѣ силы свои сосредотачиваетъ на томъ, чтобы сохранить внѣшнее спокойствіе, чтобы умереть съ какой-нибудь эффектной фразой на губахъ... Но это не храбрость, не мужество. Это какой-то трансъ. Я думаю, что истинное мужество въ такія минуты самообладаніе не разума, не воли, а души... То-есть самая высокая степень душевной воспитанности. Однако, возможно, что весь вопросъ въ выносливости нервовъ! За свои я не могу поручиться. Моя воспріимчивость слишкомъ переутончилась. Она стала слишкомъ болѣзненной!

Вѣрочка, моя родная, въ такія минуты слабости я устремляю всѣ свои помыслы къ тебѣ. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ ты упрекаешь меня въ томъ, что ты только въ моемъ умѣ, а не въ моемъ сердцѣ. Такъ знай-же, ты въ моей душѣ. Ты вся во мнѣ. Безъ тебя я больше не могу представить

себѣ ни себя, ни міра, ни жизни, ни радости, ни даже смерти. Любовь моя, совѣсть моя, только черезъ тебя я узналъ Бога, я сталъ инымъ. Безъ тебя мое душевное перерожденіе не было-бы такимъ полнымъ, такимъ окончательнымъ. Вѣдь то-же страданіе, которое въ домѣ Коринны было для меня безысходнымъ, темнымъ гнетомъ, возлѣ тебя превратилось въ чистую и свѣтлую потребность искупленія. Когда я пришелъ къ тебѣ, я былъ падшимъ, низко падшимъ человѣкомъ. Моя сильная, моя свѣтлая, тебѣ больно, что я не зову тебя къ себѣ... Ахъ неужели ты не понимаешь, не чувствуешь, что увидѣть тебя было-бы мнѣ теперь почти непосильнымъ счастьемъ, но и непосильнымъ испытаніемъ моей гордости. Я не хочу, чтобы ты видѣла меня за рѣшетками, въ тюремныхъ отрепьяхъ. Не хочу, чтобы на тебя указывали пальцемъ, какъ на невѣсту преступника... Я знаю, твое чувство ко мнѣ не измѣнилось-бы отъ этого. Наоборотъ, состраданіе ко мнѣ быть можетъ еще углубило-бы его. Но я не хочу твоего состраданія. Я хочу твоего уваженія, твоей любви. Молю тебя, пойми меня, пойми! Скажи мнѣ, что ты поняла меня и я стану мысленно покрывать поцѣлуями твои красныя туфельки, твои тонкія, дѣятельныя руки въ звенящихъ браслетахъ.

Сейчасъ раздалась музыка за окномъ. Должно быть уличный пѣвецъ поетъ предсмертную арію Скаварадосси. Какъ чутокъ былъ геній Пуччини. Именно такъ долженъ чувствовать человѣкъ, вырванный изъ яркой, радостной жизни и брошенный

въ крѣпость. Онъ весь еще полонъ жгучаго отчаянія, неутолимой жаждой жизни, любви. Ахъ, если бы онъ, какъ я, пережилъ долгое тюремное заключеніе, все это утасло-бы въ немъ, уступило-бы мѣсто инымъ переживаніямъ.

Я теперь много читаю по утрамъ и мнѣ открывается міръ совершенно новой, невѣдомой мнѣ еще красоты. Библія и Дантэ особенно захватываютъ меня, уносятъ меня съ земли. Ты знаешь, я нахожу, что между Библіей и Дантэ есть что-то общее. Въ нихъ есть что-то извѣчное! Какъ прекрасна цѣломудренная чистота ихъ слова! Какъ непостижима ихъ глубина! Она порою представляется мнѣ темнымъ хаосомъ, въ которомъ дѣйствуютъ и переплетаются всѣ мірскія силы и страсти... Духъ захватываетъ передъ такою мощью.

Ты не находишь, что въ музыкѣ создано гораздо меньше великаго, чѣмъ въ литературѣ? Вѣдь не было и нѣтъ композитора, способнаго передать въ звукахъ Библію или Дантэ... Не говоря ужъ о Евангеліи.

Но довольно. Кончаю это письмо, чтобы поскорѣе отослать его въ милую Флориду. Мнѣ сладко думать, что почтальонъ пройдетъ съ нимъ черезъ славную скрипучую калитку, понесетъ его черезъ длинную аллею, полянку и цвѣтникъ, прямо въ столовую! Я вижу, какъ ты входишь, берешь конвертъ и убѣгаешь въ свою комнату, у окна которой я молился тебѣ, навсегда уходя отъ тебя и земной жизни... Вѣрочка, моя нѣжная, моя стро-

гая, моя бесконечно любимая, къ тебѣ стремится моя бѣдная измученная душа. Н.“

Николай Петровичъ устало провелъ рукою по своимъ волнистымъ, густымъ волосамъ, всталъ съ табурета и медленно началъ ходить по камерѣ отъ постели къ окну. Нѣсколько минутъ спустя вошелъ Бернсъ съ тарелкой тюремнаго супа и, сокрушенно качая головой, поставилъ ее на столъ. Ему жаль было вкусныхъ завтраковъ Коринны, затрепанныхъ послѣ приговора суда. Николай Петровичъ даже не замѣчалъ этой перемѣны питанія. Опустивъ въ супъ оловянную ложку, онъ разсѣянно сталъ ѣсть.

— Бернсъ, вотъ возьмите письмо, — обратился онъ къ стражнику. — Какъ вы думаете, когда оно пойдетъ?

— Завтра вечеромъ его бросятъ въ почтовый ящикъ.

Бернсъ, какъ всегда, постоялъ, помялся на мѣстѣ и ушелъ глубоко вздохнувъ.

Доѣвъ супъ, Николай Петровичъ хотѣлъ лечь на постель, но этому помѣшало внезапно зародившееся въ немъ смутное безпокойство. Онъ почувствовалъ потребность движенія и снова сталъ медленно ходить вдоль и поперекъ своей камеры. Сердце его больно ныло и точно надувалось изнутри. Страхъ легкимъ холодкомъ пробѣгалъ по его тѣлу.

„Странно, точно предчувствіе... Да, точно какое-то страшное предчувствіе, — думалъ онъ продолжая ходить по камерѣ и чуть не вскрик-

нулъ, когда громко щелкнувъ замкомъ раскрылась дверь.

На порогѣ появился мистеръ Мэррисъ. Его всегда жизнерадостное лицо было блѣдно и серьезно. Онъ направился къ Николаю Петровичу съ протянутой рукой:

— Дорогой мой, мистеръ Носковъ, я къ вамъ съ плохой вѣстью. Та инстанція, въ которую я обратился съ просьбой о замѣнѣ вамъ смертной казни другимъ наказаніемъ, отказала, и выполнение приговора назначено на завтра въ шесть часовъ утра... Ради Бога! — бросился онъ къ Николаю Петровичу, который покачнулся смертельно поблѣднѣвъ. — Успокойтесь, мистеръ Носковъ, и слушайте. Я былъ сейчасъ принятъ президентомъ. Я долго говорилъ съ нимъ о васъ. Онъ общалъ просмотрѣть дѣло и я увѣренъ, слышите-ли, увѣренъ, что онъ помилуеъ васъ. Однако предупреждаю васъ, что вѣсть о помилованіи можетъ придти въ самую послѣднюю минуту. Вѣрьте мнѣ и будьте мужественны.

Онъ подвелъ Николая Петровича къ постели, заставилъ его лечь и сѣлъ возлѣ него.

Николай Петровичъ не повѣрилъ его словамъ. Глаза его были закрыты, зубы стиснуты. Онъ усиливался взять себя въ руки. Наконецъ онъ поборолъ невыносимую слабость, взглянулъ на своего защитника.

— Мистеръ Мэррисъ, вы хотите только утѣшить меня. Я знаю теперь, что долженъ умереть... — проговорилъ онъ угасшимъ голосомъ.

— Да нѣтъ-же! — воскликнулъ мистеръ Мэррисъ. — Я къ вамъ прямо изъ бѣлаго дома и, повторяю, совершенно увѣренъ, что президентъ помиловать васъ. Досадно только, что этого помилованія надо будетъ ждать нѣсколько часовъ, а тѣмъ временемъ вамъ придется продѣлать нѣсколько тягостныхъ формальностей. Васъ переведутъ въ другую камеру...

— Въ камеру смертниковъ, — поблѣвшими губами проговорилъ Николай Петровичъ.

— Не безразлично-ли, какъ она называется? — пожалъ плечами мистеръ Мэррисъ. — Вамъ разрѣшатъ сегодня свиданіе съ родными...

— Послѣднее свиданіе...

— Яко-бы послѣднее, — съ удареніемъ отвѣтилъ мистеръ Мэррисъ, — Да повѣрьте-же мнѣ, мистеръ Носковъ, я увѣренъ, совершенно увѣренъ въ вашемъ помилованіи. Итакъ до свиданія, дорогой мой. Возможно, что черезъ нѣсколько часовъ я уже вернусь къ вамъ съ радостной вѣстью. Однако запаситесь терпѣніемъ. Помилованіе, какъ я уже говорилъ вамъ, можетъ придти и подъ утро. Но придетъ оно несомнѣнно.

Мистеръ Мэррисъ взялъ холодныя, безжизненные руки Николая Петровича въ свои, крѣпко пожалъ ихъ и стремительно вышелъ, подавъ Бернсу знакъ открыть ему дверь.

XVI.

Часъ спустя Николай Петровичъ былъ переведенъ въ камеру смертниковъ. Все въ ней внушало ему ужасъ. И узкая постель, на которой провели свою послѣднюю ночь на землѣ столькіе обреченные на смерть, и черное распятіе на стѣнѣ, на которое они молились.

Когда его оставили одного, онъ почти безъ силъ опустился на стулъ, уронилъ голову на руки, скрещенныя на столѣ, и застоналъ въ нѣмомъ отчаяніи. Ему казалось, что вокругъ него рушится весь міръ, что душа его летитъ въ темное ничто. Онъ просидѣлъ такъ безконечно долго. Звукъ тяжело отворяющейся двери привелъ его въ себя. Онъ испуганно вскочилъ. Къ нему вошелъ надзиратель, худой невзрачный человѣкъ, съ большой лысиной и холодными, свѣтлыми глазами.

— Вамъ разрѣшены свиданія въ камерѣ, — равнодушнымъ голосомъ сообщилъ онъ ему. — Но я долженъ присутствовать при нихъ. Тамъ ждетъ госпожа Свифдъ. Вы хотите ее видѣть?

Николай Петровичъ всталъ, провелъ рукою по лицу, нервно передернулъ плечами.

„Нельзя показаться въ такомъ состояніи,“ про-

мелькнуло у него въ головѣ: „Я долженъ овладѣть собою. Я долженъ сдѣлать надъ собою неимовѣрное усиліе и тогда...“

— Ну, что-же? — вяло спросилъ надзиратель.

— Пожалуйста, попросите мистрисъ Свифдъ.
— Николай Петровичъ весь выпрямился, стараясь овладѣть своими мускулами, своими нервами.

Раскрылась дверь. Въ комнату не вошла, а бросилась Коринна и упала на грудь Николая Петровича.

— Мой бѣдный, мой бѣдный, — повторяла она сквозь рыданія. — О, я не дамъ имъ убить васъ... Президентъ обѣщалъ помилованіе... Но если... — рука ея быстро и незамѣтно вложила что-то въ его карманъ. — Мой бѣдный, мой бѣдный Ники, — продолжала она всхлипывать.

Николай Петровичъ осторожно отстранилъ ее отъ себя, усадилъ ее на табуретъ:

— Полно, Коринна, мистеръ Мэррисъ увѣренъ въ помилованіи, — спокойно проговорилъ онъ, держа ея руки въ своихъ. — Какая вы добрая, что такъ хлопочете за меня.

— О, Ники, Ники, зачѣмъ вы предали себя имъ въ руки, этимъ тупымъ палачамъ.

— Тссъ, Коринна, — Николай Петровичъ указалъ глазами на стоявшаго въ глубинѣ комнаты надзирателя. — Забудемте все это. Я много думалъ о васъ. Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ вы такъ жаловались на одиночество, на безсодержательность

вашего существованія. Дорогая моя, вамъ непременно надо найти цѣль жизни.

— Нѣтъ. Теперь мнѣ уже не нужно ничего, — горько воскликнула она и губы ея вздрогнули. — Впрочемъ... Ваша невѣста написала мнѣ. То, что она хочетъ предпринять на своей родинѣ, опасно и неисполнимо. Однако, я буду помогать ей... И если... можетъ быть уѣду съ нею. Она удивительная дѣвушка. Она такая сильная, а я такая слабая.

— Коринна, моя дорогая, вы не знаете, какъ я благодаренъ вамъ за все, за все... — онъ приникъ губами къ ея рукѣ.

Слезы снова полились изъ ея глазъ.

— Ники, какъ жестока, какъ ужасна жизнь...

— Нѣтъ, Коринна, это только кажется намъ иногда. Жизнь прекрасна и Господь безконечно справедливъ.

— Разрѣшенные вамъ десять минутъ уже прошли, — тономъ, не допускающимъ возраженія, заявилъ надзиратель, взглянувъ на свои часы.

Коринна поблѣднѣла такъ, что ни кровинки не осталось въ ея лицѣ. Николай Петровичъ бережно приподнялъ ее съ табурета. Она обвила его шею руками.

— Ники, помните, что я все сдѣлаю для васъ. Вы не должны сомнѣваться въ помилованіи... — голосъ ея оборвался. Чтобы не разрыдаться снова, чтобы не закричать, зубы ея прикусили нижнюю губу.

Николай Петрович нѣжно коснулся губами ея лба:

— Прощайте, Коринна. — Онъ мягко повлекъ ее къ двери.

Она дѣлала неимоверное усиліе надъ собою, чтобы быть спокойной, чтобы внушить ему вѣру въ помилованіе.

— До свиданія, Ники, — она жадно смотрѣла на него, желая навсегда запомнить его черты.

Надзиратель отперъ дверь:

— Прошу васъ, мистрисъ Свифдъ. Я отвѣчаю за соблюденіе порядка, — раздраженно проговорилъ онъ.

Коринна порывисто обняла Николая Петровича и, еле держась на ногахъ, вышла изъ камеры.

Николай Петровичъ чувствовалъ себя сильнѣе и спокойнѣе, чѣмъ раньше. Свиданіе съ Коринной отвлекло его отъ себя и внѣшнее спокойствіе, къ которому онъ принудилъ себя для нея, странно успокоило его. Въ возможность помилованія онъ не вѣрилъ. Ему казалось несомнѣннымъ, что Коринна хотѣла его только утѣшить, говоря о немъ, а мистеръ Мэррисъ всегда щедро сыпалъ обѣщаніями.

„Значить, конецъ? Черезъ нѣсколько часовъ навсегда угаснетъ свѣтъ для меня. На... все...гда угаснетъ свѣтъ. Я перестану быть. Я оказался недостойнымъ жизни,“ — раздѣльно, съ глубокимъ недоумѣніемъ, съ глубокимъ недовѣріемъ всего своего существа подумалъ онъ.

Новый стражникъ, замѣнившій Бернса, пожи-

лой рыжеватый человекъ съ нависшими бровями, изъ подъ которыхъ глядѣли живые, хитрые глаза, внесъ въ камеру нѣсколько бѣлыхъ картоновъ, перевязанныхъ красивыми лентами и золотыми шнурами.

— Это вамъ цвѣты, — отвѣтилъ онъ на удивленный взглядъ Николая Петровича, — отъ разныхъ дамъ изъ публики. При каждомъ картонѣ визитная карточка. Наканунѣ смертной казни такія подношенія разрѣшаются тюремной администраціей.

„Цвѣты... Цвѣты для моей могилы... Впрочемъ, у меня и не будетъ могилы...“ съ ужасомъ подумалъ Николай Петровичъ.

Стражникъ развернулъ и положилъ на столъ бѣлый букетъ воздушной и нѣжной сирени.

Николай Петровичъ, весь затрепетавъ отъ отвращенія къ этимъ надгробнымъ цвѣтамъ, порывисто сбросилъ ихъ на полъ.

— Вонъ! Унесите все это вонъ! — не своимъ голосомъ крикнулъ онъ. — Какъ отвратительно они пахнутъ. Вонъ. Я говорю вамъ вонъ! Вы не понимаете?

— Да куда-же ихъ? — удивился стражникъ.

— Вонъ! Вонъ!

— Я снесу ихъ въ женское отдѣленіе. Бабы любятъ цвѣты.

— Куда хотите. Только вонъ отсюда!

Съ полнымъ недоумѣніемъ сунувъ букетъ сире-

ни подъ руку и забравъ картоны, стражникъ пово-
зился у двери, открывая ее, и наконецъ исчезъ.

Николай Петровичъ сталъ возбужденно бѣгать по камерѣ.

„Я не хочу... Я не хочу... Я боюсь холода смерти... Боюсь своего мертваго... нѣтъ, своего умерщвленнаго тѣла... Боюсь спокойныхъ лицъ моихъ убійць... Боюсь ихъ несморящихъ на меня глазъ...“ молча кричалъ онъ про себя. „Я хочу жить! Жить просто для жизни... Чтобы вотъ ходить. Чтобы дышать...“

„Стыдись. Гдѣ твоя вѣра? Гдѣ твое человѣческое достоинство? Гдѣ твоя покорность Все-
вышнему? Усмири свой разумъ. Усмири свою плоть“, шепталъ ему внутренній голосъ, но онъ не хотѣлъ, не могъ его слушать. Слишкомъ неистово, слишкомъ бурно бушевало въ немъ отчаяніе.

Въ камеру вошелъ тотъ-же надзиратель и сей-
часъ-же вслѣдъ за нимъ Марія Михайловна.

Для Николая Петровича это было такъ неожиданно, что онъ на мгновеніе застылъ на мѣстѣ, потомъ бросился къ матери. Она поблѣднѣла и покачнулась. Надзиратель придвинулъ ей стулъ. Николай Петровичъ невольнымъ движеніемъ опустился передъ ней на колѣни и весь такъ и прильнулъ къ ней, неотрывно глядя ей въ лицо, которое вдругъ стало безконечно, болѣзненно дорого ему. Она тоже не отрывала отъ него глазъ. Они дрожали оба. Николай Петровичъ въ первый разъ почувствовалъ всю силу соединяющей ихъ внутренней связи, ко-

торой раньше не замѣчалъ, какъ не замѣчалъ и воздуха, которымъ дышалъ. Онъ продолжалъ вглядываться въ ея черты такіа родныя, такіа вѣчно-знакомыя. Но какія страдальческія складки залетли у ея глазъ и у рта. Сколько у нея появилось морщинъ. Какъ запали, когда-то прекрасные голубые глаза ея, видѣвшіе всю его жизнь. Какъ скорбно они смотрятъ. Какъ невыносимо скорбно.

— Мама, мама, что я сдѣлалъ съ тобою, — прошепталъ онъ сквозь сжатые зубы. — Что, кромѣ мученія, принесъ я тебѣ за всю жизнь... И теперь... Какъ ты вынесешь все это?

— Да Христосъ съ тобою, Котикъ... Что ты это? Ничего не будетъ. И Мэррисъ увѣренъ и Коринна. Это такъ только...

— Говорите по-англійски, — съ равнодушною строгостью проговорилъ надзиратель.

— Родная моя, не пробуй хоть ты обмануть меня.

— Да что ты, Котикъ?

— Я вѣрилъ до сихъ поръ этой баснѣ о помилованіи. Но теперь я знаю, что это ложь изъ состраданія. Ложь. Ложь... Они убьютъ меня завтра утромъ... Преспокойно убьютъ... — Николай Петровичъ вскочилъ на ноги. Глаза его расширились. Каждый фибръ его тѣла дрожалъ отъ снова охватившаго его и все увеличивающагося животнаго страха. — Да, они умертвятъ меня хладнокровно, методично съ часами въ рукахъ. Умертвятъ при почетныхъ гостяхъ. Они совершатъ надъ моею душою страшное насиліе, разъединя ея съ тѣломъ. Но я не хочу... Я не дамъ

ся имъ, — съ безумною, безсильною яростью запертаго въ клѣтку звѣря, закричалъ онъ. — Я не могу умереть теперь, когда узналъ всю красоту, всю чудесную сущность жизни... Я хочу испытывать еще долго ея радости и печали... Жить... Жить... Я хочу утолить всю свою ненасытную жадность жизни... воздуха... свѣта. Я боюсь смерти... Я не хочу... Я не хочу... — голосъ его надорвался. Лицо его было совершенно искажено отъ дикаго ужаса. Въ немъ промелькнуло безуміе.

Въ этотъ мигъ острое страданіе достигло въ Маріи Михайловнѣ той сокровенной глубины души, гдѣ оно уже не ранитъ, а навѣки обрываетъ внутреннюю связь съ жизнью. Но несчастная женщина не осознала этого умомъ. Она видѣла только страшный ликъ безумія на ненаглядномъ лицѣ своего Котика и чувствовала себя пронзенной, уничтоженной имъ. Хотѣла броситься къ сыну и не могла.

Все это продолжалось лишь краткій мигъ.

Вдругъ Николай Петровичъ рухнулъ на колѣни. Пальцы его вцѣпились въ волосы и онъ глухо зарыдалъ раскачиваясь всѣмъ корпусомъ. Постепенно рыданія его переходили въ дикій вой.

Привыкшій къ подобнымъ сценамъ, надзиратель подскочилъ къ нему, схватилъ его за руки. Но тутъ Марія Михайловна бросилась къ нимъ, отстранила надзирателя и, наклонившись, прижала къ себѣ голову сына.

— Меня пожалѣй... Меня пожалѣй, — стала она умолять его.

Себя ей не было жаль, но она чутьемъ угадывала, что только состраданіе къ ней можетъ вернуть ему самообладаніе.

Дѣйствительно, ея голосъ сталъ медленно проникать въ ея сознаніе, какъ въ дѣтствѣ, когда онъ слышалъ его въ сильномъ жару. Онъ узналъ прикосновеніе ея руки и самъ, испуганный своимъ неистовствомъ, сталъ затихать.

Марія Михайловна платкомъ вытирала его влажный лобъ, шептала ему безсвязныя, дѣжныя слова.

— Говорите по-англійски, — съ безвыразительностью попугая сказалъ надзиратель и взглянулъ на часы, но Марія Михайловна не обратила на него вниманія.

— Котикъ, повѣрь-же мнѣ, — продолжала она умоляюще шептать ему. — Ты слышишь, что я говорю тебѣ? Я вѣдь Мэrrиса сама видѣла. Онъ мнѣ клялся, что въ послѣднюю минуту придетъ помилованіе. Придетъ обязательно. Но въ послѣднюю минуту. Понимаешь? Это у нихъ часто здѣсь.

„Господи, что будетъ съ нимъ, когда за нимъ придутъ, когда его схватятъ...“ подумала она. Отъ боли въ сердцѣ прервалось ея дыханіе: „Что бы сказать ему? Что бы придумать?“

Въ головѣ ея промелькнула странная, наивная мысль и въ своемъ отчаяніи она ухватилаcь за нее:

— Слушай, Котикъ, по-русски-то я могу тебѣ сказать. Вѣдь онъ ничего не пойметъ, — сама увлекаясь своимъ вдохновеніемъ, горячо заговорила она. — Знаешь, на случай, если не придетъ помилованіе,

Коринна уже съ докторами сговорилась. За сто тысячъ долларовъ они все только для вида сдѣлають, пустятъ совсѣмъ слабый токъ. Ты только лишишься чувствъ. Понимаешь? Потомъ тебя, какъ мертвого, выдадутъ Кориннѣ. Она увезетъ тебя. У нея все готово. Она хочетъ бѣжать съ тобою. Сама видѣла бумати. Много придется тебѣ пережить приключеній... Тяжело тебѣ будетъ завтра, если не придетъ помилованіе, да ничего не подѣлаешь, потерпи! Придешь потомъ въ себя и хорошо тебѣ будетъ.

Николай Петровичъ не двигался. Слушалъ ее заставивъ дыханіе. Буря улеглась въ его душѣ. Въ ней наступало затишье. Въ головѣ его летѣли мысли, такія ясныя и отчетливыя, что остротою своею утомляли его усталый мозгъ. Онъ понималъ, что Марія Михайловна сама не вѣритъ въ помилованіе. Понималъ, что ея таинственное сообщеніе о купленномъ за сто тысячъ Коринной спасеніи только сказка, но онъ окончательно овладѣлъ своимъ ужасомъ и его единственнымъ желаніемъ было теперь успокоить мать.

— Мама, это правда? Ты увѣрена? — стараясь укрѣпить свой голосъ, спросилъ онъ.

— Ну, еще-бы, Котикъ! Сама же я все видѣла, — начала съ жаромъ убѣждать его Марія Михайловна, почувствовавшая вдругъ такое сильное облегченіе на сердцѣ, что оно было похоже на радость. — Сама я была при томъ, какъ Коринна съ докторомъ объяснялась.

— Говорите по-англійски, — раздался равнодуш-
ный возглас надзирателя.

— Мамочка, любимая, прости меня за мою дикую
выходку, — съ безграничною нѣжностью произнесъ
Николай Петровичъ. — Это былъ неукротимый
бунтъ моего тѣла! Страшная минута подкралась
ко мнѣ такъ неожиданно. Она такъ внезапно овла-
дѣла мною. Я потерялъ голову... Но знаешь, я
всегда предчувствовалъ, что Коринна спасетъ меня.
Она мнѣ даже сама намекнула на это сегодня. Ко-
нечно, по-англійски ей неудобно было сказать....

— Ну, вотъ видишь, — оживилась Марія Михай-
ловна. — А ты ужъ потерпи, Котикъ. Вѣдь все
только для вида это будетъ. Тяжело и противно
тебѣ будетъ. Я понимаю... Только ты вида не по-
давай, что знаешь...

— Нѣтъ, нѣтъ. Что ты?

— Свиданіе закончено, — рѣшительно заявилъ
надзиратель, щелкнувъ крышкою своихъ часовъ.

Николай Петровичъ невольно плотнѣе прижался
къ матери.

„Никогда больше не увижу...“ одновременно съ
одинаковой мукой подумали они.

Марія Михайловна улыбнулась. Это была страш-
ная, за душу хватающая улыбка.

— Ну, до свиданія, мой маленькій. Мой Котикъ.
Дай перекрещу. Потерпи! — съ самообладаніемъ
безпредѣльной любви говорила она. — Ужъ потерпи,
а потомъ заживемъ. Вѣрочка приѣдетъ. Довольно

намучились. Помни только, вида не подавай, что знаешь. Не улыбнись смотри...

Николай Петрович до боли стиснул челюсти. Рыданія подступали къ его горлу.

„Не сдержаться теперь, это — убить ее,“ — почувствовалъ онъ и челюсти его разжались.

— Мамочка, когда же я тебя увижу? — спросилъ онъ.

— Потомъ, Котикъ. Чтобы незамѣтно было. Ну, черезъ мѣсяцъ. А пока я къ Вѣрочкѣ хочу. Она все меня зоветъ.

— Вотъ это отлично. Вотъ я радъ.

— Пожалуйте, сударыня, — съ легкимъ нетерпѣніемъ проговорилъ надзиратель.

Марія Михайловна быстро, быстро закрестила сына. Покрыла поцѣлуями его лицо. Сама отняла у него руки, которыя онъ цѣловалъ и, уходя, какъ-то странно спиною къ двери, все крестила его и все улыбалась свою страшною улыбкой.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ корридорѣ, она остановилась.

— Пожалуйте, сударыня, — съ невольнымъ состраданіемъ сказалъ надзиратель, — здѣсь не полагается стоять. Вы знаете дорогу, или мнѣ проводить васъ къ выходу?

Марія Михайловна, молча и все улыбаясь, непонимающими глазами смотрѣла на него.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ свой вопросъ, пробовалъ, тронувъ Марію Михайловну за локоть, заставить ее сдвинуться съ мѣста, но она продолжа-

ла молча смотрѣть на него стекляннымъ взглядомъ и улыбаться. Ему стало жутко. Вдали, въ простѣнкахъ, гдѣ скрещивались корридоры, показалась немолодая, полная сестра милосердія. Онъ позвалъ ее.

— Мнѣ некогда, — отвѣтила она, быстро подходя, — я должна перевязать тутъ одного въ камерѣ 17. Въ чемъ дѣло?

Надзиратель отвелъ ее немного въ сторону.

— Да вотъ не знаю, что дѣлать съ этой женщиной. Это мать того русскаго, который завтра будетъ казнень. Не могу ее никакъ увести. Боюсь, не помѣшалась ли она?

На добродушномъ лицѣ сестры милосердія отразилось участіе.

— Я отведу ее въ лазаретъ къ доктору Марчу, — отвѣтила она надзирателю и, подойдя къ Маріи Михайловнѣ, ласково взяла ее подъ руку:

— Вы пойдете со мною? Да? — спросила она ее. — Пойдемте, я дамъ вамъ выпить чего-нибудь успокоительнаго.

Марія Михайловна довѣрчиво позволила ей увести себя. Она не помнила рѣшительно ничего изъ только-что происшедшаго съ нею; не понимала и того, что происходитъ съ нею сейчасъ. Однако, близость сестры была пріятна ей и когда та, уложивъ ее на диванъ, сняла съ нея шляпу и башмаки, ей даже стало хорошо. Она пальцемъ тронула ее очки и улыбнулась совсѣмъ иначе. Какъ-то беспомощно и довѣрчиво. Появленіе доктора Марча оставило ее совершенно равнодушной.

— У нея легкій припадокъ амнезіи, — сказали онъ, осмотрѣвъ ее, сестрѣ. — Это бываетъ иногда послѣ сильныхъ потрясеній. Пожалуй, было бы чловѣчнѣй оставить ее въ этомъ состояніи нѣсколько дней. Но я боюсь за ея разсудокъ. Попробую привести ее въ себя. Одинъ такой случай удался мнѣ. Приготовьте все для укола.

Марія Михайловна, безучастно лежа на спинѣ, спокойно позволяла доктору и сестрѣ что-то дѣлать съ собою. Глаза ея не отрывались отъ блестящаго никкелеваго шара искусственнаго солнца, на длинныхъ шнурахъ свисающаго съ потолка.

Вдругъ она сознательно почувствовала, какъ внезапно согрѣлось ея тѣло, какъ кровь горячей волной залила ея мозгъ и разомъ съ острой болью вспомнилась все. Однако не вскрикнула, не зарыдала. Только теперь поняла, что оборвалась ея внутренняя связь съ жизнью, что жизнь ужъ не можетъ принести ей новыхъ страданій, что она сегодня же уйдетъ изъ нея.

— Ну что, вамъ лучше? — склонился надъ нею докторъ. — Будьте милой, мистрисъ Носкова, останьтесь у насъ на эту ночь. Сестра уже приготовила для васъ постель.

Марія Михайловна стремительно приподнялась съ дивана. Сильное беспокойство овладѣло ею. „Остаться въ этомъ домѣ, быть здѣсь завтра утромъ во время казни! Развѣ это вообразимо?“

— Я не могу остаться, господинъ докторъ. Мнѣ нужно домой. У меня ключи, — испуганно засуети-

лась она, отыскивая свою шляпу. — Ужъ и такъ поздно. Темно совсѣмъ...

— Я не могу отпустить васъ въ такомъ состоянїи, мистрисъ Носкова. Послушайте меня. Оставайтесь! Или поѣдѣте ко мнѣ. Моя сестра позаботится о васъ, — неувереннымъ голосомъ уговаривалъ онъ ее.

Но Марїа Михайловна, съ помощью сестры, уже надѣла шляпу, башмаки и принесенное изъ передней пальто. Она лихорадочно торопилась, боясь, что ее не выпустятъ, удержать силой.

Понявъ, что происходитъ въ ней, докторъ Марчъ не настаивалъ больше. На прощаніе онъ крѣпко пожалъ ея руку.

— Вы не одна. Надъ вами Господь, — тихо проговорилъ онъ.

— Да будетъ на все Его святая воля, — отвѣтила она.

Сестра проводила ее до улицы и долго, глазами полными слезъ, смотрѣла вслѣдъ ея удаляющейся худенькой, жалкой фигуркѣ.

Стоялъ холодный туманъ, пропитанный запахомъ бензина и гари. Вокругъ фонарей блѣдно мерцали матовыя сіянія. Изрѣдка, рыча и брызгая грязью, пролетали автомобили.

Сначала, чувствуя на себѣ взглядъ сестры, Марїа Михайловна шла слѣдя за собою и осторожно ступая по мокрому, скользкому тротуару. Но скоро ноги ея ослабѣли и она стала покачиваться, порою даже прислоняться къ стѣнѣ. Идти къ подземной

дорогѣ было недалеко, однако ей казалось, что она не дойдетъ до нея никогда.

На перекресткѣ узкой улочки ей неожиданно пересѣкъ дорогу беззвучно прокатившійся мимо нея велосипедъ. Внезапно освѣтившій ей лицо фонарь испугалъ, ослѣпилъ ее. Она споткнулась, еле устояла на ногахъ.

— Стыдно, бабушка, напиваться, — грубо разсмѣялся какой-то прохожій.

Она вздрогнула. Перекрестилась. Пошла дальше. Ее настигла подозрительно покрашенная женщина въ красномъ беретѣ, надѣтомъ набокъ.

— Вы нездоровы? — охрипшимъ голосомъ спросила она. — Если вамъ недалеко, я провожу васъ. Хотите?

Марія Михайловна съ благодарностью взглянула на нее.

— Мнѣ нужно къ подземной желѣзной дорогѣ. Да вотъ ноги не слушаются, — виновато улыбнулась она.

— Такъ это за угломъ. Ну пойдемте. Обопритесь на меня, — покровительственно сказала женщина, подставляя ей локоть. — Я ужъ давно за вами наблюдаю и вижу, что вамъ плохо. Авось не пропущу изъ-за васъ кавалера. Сегодня даромъ всѣ ноги исходила. Въ животѣ дыра.

Марія Михайловна испуганно взглянула на нее своими скорбными глазами, остановилась, долго шарила въ сумочкѣ, нашла кошелекъ, вынула изъ него

нѣсколько монетъ, зажала ихъ въ рукѣ, а кошелекъ протянула женщинѣ.

Та съ радостнымъ изумленіемъ смотрѣла на нее.

— Вотъ возьмите. Вамъ на нѣсколько дней хватитъ. Отдохнете... совсѣмъ по-старчески закивала Марія Михайловна. — Ну, а теперь, милочка, пойдете. Пойдете скорѣе.

Нѣсколько минутъ спустя она уже сидѣла въ поѣздѣ. Женщина въ красномъ беретѣ кивала ей въ окно, но она уже забыла о ней.

„Лишь бы доѣхать домой. Лишь бы вотъ доѣхать,“ твердила она про себя: „А то, если опять что... затменіе какое, высадятъ, въ больницу отвезутъ. Мнѣ теперь главное — домой, чтобы до утра поспѣть. Вотъ вѣдь не думала никогда, что безъ страха грѣхъ такой смертельный совершу. А можетъ быть ниспослалъ мнѣ Господь испытаніе такое, чтобы мнѣ самой на себя руки наложить? Хорошо, что пятница сегодня. Смисиха у Долли спитъ. Мнѣ свободно. Только бы доѣхать, дотерпѣть, не думать... ни единой мысли не думать о томъ... о страшномъ! Да и о чемъ мнѣ мучиться-то! Еще часъ одинъ и конецъ всѣмъ страданіямъ. Навсегда конецъ. Наступитъ забвеніе всего земного, избавленіе отъ тѣла моего измученнаго, изношеннаго, болящаго. Тамъ оно уже не будетъ мерзнуть, голодать, утомляться непосильной работой. Вотъ и ноги перестанутъ болѣть и дѣлать ничего не надо. Руки-то сложатся навсегда. Избавлюсь отъ тѣла, а душа будетъ жить. Можетъ быть ужъ завтра встрѣчусь съ

Котижомъ уже тамъ, въ радости, въ вѣчномъ блаженствѣ... Сейчасъ Котику хорошо. Успокоился онъ. Вѣрить въ спасеніе. Можетъ быть спокойно спать. Какая мнѣ пришла счастливая мысль. Вѣдь я всегда такая ненаходчивая, а тутъ меня вдругъ точно осѣнило. Да я какъ будто уже слышала о такомъ случаѣ, когда мать такъ утѣшила сына. Да когда же это? Гдѣ?“

Марія Михайловна стала усиленно припоминать и постепенно изъ волнъ прошедшаго въ памяти ея возникли давно забытыя картины. Концертъ въ институтѣ! Большая, залитая свѣтомъ, зала. Институтки сидятъ длинными рядами. Онѣ всѣ въ парадной формѣ. Классныя дамы въ васильковыхъ платьяхъ. У всѣхъ разрисованныя программы въ рукахъ. Впереди на бархатныхъ креслахъ сидятъ почетные гости. Между ними, какъ королева, возсѣдаетъ начальница. Она разговариваетъ съ важнымъ старикомъ, затянутымъ въ расшитый мундиръ. Онъ улыбается полными губами, поправляетъ пенсне на крупномъ римскомъ носу. Это сынъ Пушкина.

Марія Михайловна, тогда еще Муся Красовская, видитъ все это изъ-за слегка отодвинутой портьеры. Мусѣ восемнадцать лѣтъ. Она выступаетъ въ первый разъ и сильно волнуется. Ей сейчасъ выходить. Кто-то мягко выталкиваетъ ее на высокій, покрытый краснымъ ковромъ, подмостъ. На ней, какъ и на другихъ воспитанницахъ, зеленое камлотовое платье и бѣлый батистовый передникъ съ черной бархаткой, продернутой у вырѣза. Въ ея рукахъ,

затянутыхъ полудлинными бѣлыми лайковыми перчатками, маленькій костяной вѣеръ. Она низко присѣдаетъ публикѣ и читаетъ стихи, въ которыхъ описывается прощаніе матери съ сыномъ, приговореннымъ къ смерти. Мать, чтобы утѣшить его, увѣряетъ, что разстрѣлъ будетъ только разыгранной комедіей. Сынъ вѣритъ ей...

Все это такъ живо вспомнилось Маріи Михайловнѣ, такъ ярко всплыло изъ глубины того счастливаго, далекаго прошлаго, въ которомъ такія страшныя понятія, какъ преступленіе, тюрьма, казнь, были знакомы только изъ книгъ и казались невообразимыми въ собственной жизни, что слезы умиленія навернулись на ея усталые, воспаленные глаза.

„Вотъ вѣдь годами, годами не вспоминала я этихъ стиховъ, а какъ нужно стало, точно всплыли, точно надоумѣли они меня что сказать! Самой бы мнѣ никогда этого не придумать...“ растроганно подумала она.

Поѣздъ остановился. Марія Михайловна торопливо протерла нитяной перчаткой запотѣвшее окно, стремительно поднялась и стала выходить. Она чувствовала себя бодрѣе. Благополучно дошла домой, медленно раздѣлась, повѣсила пальто и платье въ шкапъ. Шляпу положила на полочку. Потомъ долго рылась въ сѣромъ сундучкѣ, еще московскомъ, отъ Мерилиза. Достала изъ него бѣлый, чисто вымытый и сложенный, какъ рубашка, пикейный капотъ, въ которомъ когда-то купала Котика, прошла въ ванную комнату, долго мылась, перемѣнила

бѣлье, гладко причесалась, надѣла капоть. Онъ застегивался на перламутровыя пуговицы, пришитыя отъ высокаго воротника до самыхъ ногъ. Ей понрзвилось: „Аккуратно. Хорошо подходитъ,“ подумала она, вытирая умывальникъ и собирая разбросанныя вещи.

Наконецъ все нужное было сдѣлано. Марія Михайловна прошла въ гостиную и сѣла на диванчикъ. Теперь все было въ порядкѣ. Можно было думать и о страшномъ. Да мысли какъ-то не вязались. Въ сердцѣ не было ни страха, ни печали. Точно и самой стало вѣриться въ придуманное для сына утѣшеніе.

„Теперь все хорошо, — думала она по-старчески качая головой. — Теперь Котикъ спитъ. Завтра увидимся тамъ. Вотъ только-бы Котику тамъ простилось. Только-бы ему тамъ не страдать. Объ этомъ еще помолиться-бы надо. Хорошенько помолиться. Да, и о себѣ... Вѣдь грѣхъ какой совершу...“

Марія Михайловна соскользнула съ диванчика на колѣни, оперлась локтями о его сидѣнье и закрыла лицо руками. Ей хотѣлось молиться истово, горячо, проливая слезы умиленія, но ей лишь съ трудомъ удавалось находить слова для молитвы:

„Богородица. Пресвятая Матерь Божія, — медленно шептали ея губы: — Ты видѣвшая казнь Сына Твоего, распятаго на Твоихъ глазахъ, Ты принявшая на себя наивысшую муку на землѣ, муку непосильную мнѣ простой смертной, сжался надо мною слабой, грѣшной... Не могу я больше... Сама

видишь не могу... Благослови меня на смерть... Будь заступницей милостивой мальчику моему въ его страшный, смертный часъ. Если положено ему еще страдать, заступись! Сдѣлай такъ, чтобы мнѣ дано было выстрадать за него, хоть-бы и мучиться мнѣ во вѣки вѣковъ... Мнѣ дай отстрадать за него... Вѣдь черезъ меня даровалъ ему жизнь Господь. Мнѣ, мнѣ его поручилъ, а я не уберегла его... Не уберегла..."

Марія Михайловна съ напряженіемъ стала искать болѣе пламенныхъ, болѣе убѣдительныхъ и молитвенныхъ словъ, но ничего больше не могла найти въ своей усталой головѣ. Тогда, отодвинувшись отъ диванчика, она стала класть низкіе земные поклоны: — Прости и спаси. Прости и спаси. Прости и спаси, — шептала она крестясь и склоняясь трясущеюся головою до старенькаго истертаго ковра... — Прости и спаси... — Потомъ встала:

„Что это со мною? — подумала она: — Я точно уже мертвая на половину. Холодъ во мнѣ какой-то и точно нѣтъ ничего больше на свѣтѣ. Ну пора..."

Она нагнулась, вытащила изъ-подъ дивана, все еще лежащій подъ нимъ соломенный мѣшокъ Николая Петровича и потащила его за собою въ кухню, къ газовой плитѣ.

„Пыльный“, промелькнуло у нея въ головѣ: „надо-бы простыней покрыть. Ну да и такъ. Такъ лучше послѣ Котика. А гдѣ-же ключи?"

Долго искала. Нашла въ сумочкѣ, отперла шкафъ въ гостиной, достала альбомы Николая Петровича, положила ихъ вмѣсто подушки на мѣшокъ,

открыла газовый кранъ, легла на мѣшокъ, оправила капотъ, прижала къ сердцу образокъ Николая Чудотворца, подаренный ей Котикомъ еще въ Москвѣ. Все выполнила такъ, какъ часто уже обдумывала за послѣднее время, безутѣшно рыдая и горько жалѣя себя. Но выполнила спокойно, не испытывая никакой боли въ помертвѣвшей душѣ.

Газъ струился, наполняя комнату тяжелымъ сладкимъ запахомъ и пѣлъ въ проводахъ. Марія Михайловна неподвижно лежала на спинѣ, глаза ея были закрыты. Она глубоко и торопливо вдыхала воздухъ.

„Теперь скоро... теперь сейчасъ,“ думала она: „Теперь все хорошо. Только-бы Котику тамъ-то ужъ больше не страдать... Ахъ, плохо я помолилась.“ Губы ея снова стали торопливо шептать „Матерь Божія, Пресвятая Богородица будь заступницей моему Котику... Если положено ему еще страдать, дай мнѣ... Не уберегла я его...“

Дыханіе ея становилось все короче и тише, мысли начали расплываться и угасать, губы крѣпко сжались и умолкли навсегда.

XVII

„Ни одной слезы... Она не позволила себѣ ни одной слезы. Какъ она улыбалась. Съ какою горячностью старалась внушить мнѣ вѣру въ свой трогательно-наивный вымыселъ,“ съ глубокою болью и восхищеніемъ передъ душевной силой матери думалъ Николай Петровичъ нѣсколько часовъ послѣ свиданія съ нею.

За этотъ короткій срокъ въ немъ произошла сильная перемѣна: тѣло его было еще слабо и разбито бурнымъ припадкомъ отчаянія, но душа его переступила высшую границу страданія, смирилась, начала терять связь съ землею. Онъ долго молился стоя на колѣняхъ передъ Распятіемъ и вдругъ слѣпымъ внутреннимъ осязаніемъ сталъ угадывать таинственную сущность смерти и сердце его раскрылось ей. Онъ провелъ весь день въ размышленіяхъ о ней. Необыкновенное спокойствіе охватило его. Лицо его было озарено такимъ яснымъ внутреннимъ свѣтомъ, что поразило своимъ нездѣшнымъ выраженіемъ вошедшаго подъ вечеръ въ его камеру надзирателя. Въ глазахъ этого черставаго человѣка появился теплый блескъ. Подойдя

къ Николаю Петровичу, сидѣвшему на стулѣ у стѣны, онъ погладилъ его по плечу.

— Молодой человѣкъ, я пришелъ васъ спросить, что вы хотите заказать себѣ сегодня на ужинъ? — спросилъ онъ его.

Николай Петровичъ печально усмѣхнулся:

— На мой послѣдній ужинъ? Я уже слышалъ, что тюремный обычай разрѣшаетъ осужденнымъ на смерть власть наѣсться наканунѣ казни. Но мнѣ даже и думать непріятно о пищѣ. Я хотѣлъ бы хорошихъ папирозъ, чашку кофе, стаканъ вина...

— Что-же это можно. Я доложу кому надо. Можетъ быть еще чего-нибудь хотите?

— Нѣтъ. Спасибо.

Надзиратель пожевалъ губами. Ему хотѣлось сказать Николаю Петровичу что-нибудь утѣшительное, но сказать было нечего и, еще разъ погладивъ его по плечу, онъ ушелъ.

Полчаса спустя появился стражникъ съ подносомъ, на которомъ было все потребованное Николаемъ Петровичемъ. Онъ жадно закурилъ.

— Пожалуйста, принесите мнѣ бумаги. Мнѣ нужно написать письмо, — обратился онъ къ стражнику.

Тотъ хитро взглянулъ на него изъ подъ нависшихъ желтыхъ бровей.

— Сейчасъ подамъ. Я общалъ мистрисъ Свифдъ пронести ей ваше письмо безъ контроля. Мистрисъ Свифдъ очень щедрая дама. Такъ часа черезъ два я зайду за письмомъ.

— Не возьмете-ли вы два письма?

— Да сколько хотите. Въ часъ ночи кончается мое дежурство. Выйдя изъ тюрьмы, я опущу ихъ въ почтовый ящикъ. Марки у меня уже приготовлены. Да, очень щедрая мистрисъ Свифдъ и ловкая. Сегодня входя къ вамъ вслѣдъ за надзирателемъ она сунула мнѣ въ руку записку и деньги. Я даже испугался, — стражникъ ухмыляясь покачалъ головою и удалился.

Николай Петровичъ только теперь вспомнилъ, что Коринна и ему что-то принесла. Опустивъ руку въ карманъ, онъ извлекъ изъ него небольшой, зашитый въ шелковую ленту пакетикъ, похожій на сашэ. Въ немъ оказались порошокъ и записка. Коринна писала: „Я не дамъ имъ убить васъ. Этотъ ядъ дѣйствуетъ мгновенно. Примите его только въ самую послѣднюю минуту, если придутъ за вами. Я увѣрена въ помилованіи. Всѣмъ сердцемъ ваша К.“

Николай Петровичъ былъ глубоко взволнованъ. Весь ужасъ передъ насильственной смертью внезапно разсѣялся, страшный призракъ электрическаго стула исчезъ навсегда. Свободная смерть показалась ему сладчайшею радостью. Безпредѣльное умиротвореніе охватило его.

Стражникъ принесъ карандашъ, бумагу и конверты. Николай Петровичъ хотѣлъ дать ему нѣсколько папиросъ, но онъ согласился взять только одну. Ему, какъ и надзирателю, хотѣлось сказать Николаю Петровичу что-нибудь доброе, но слова ласки и утѣшенія были такъ чужды ему, что при одной мысли о нихъ онъ смутился и нахмурился.

— Спокойной ночи, мистеръ Носковъ, — пробурчалъ онъ себѣ въ бороду и, мысленно выругавъ себя за глупое пожеланіе, вышелъ изъ камеры.

Николай Петровичъ выпилъ чашку крѣпкого кофе и сѣлъ писать. Первое письмо его было для мистрисъ Свифдъ.

„Милая моя Коринна,“ твердо писала его рука: „Господь черезъ васъ ниспослалъ мнѣ избавленіе отъ жестокой казни. Я твердо вѣрю, что вы были исполнительницей Его святой воли и благословляю васъ. Мои послѣдніе часы будутъ спокойны и отрадны. Моя душа кажется мнѣ сейчасъ еле прикрѣпленной къ тѣлу. Мысль о смерти такъ завладѣла мною, что мнѣ трудно было-бы теперь продолжать жить. Не горюйте обо мнѣ, дорогая. Я испыталъ много радостей въ этомъ мірѣ и умру полный устремленія къ моей будущей потусторонней жизни. Да сохранить васъ Господь, Коринна. Еще разъ горячо, отъ всего сердца благодарю васъ за все, что вы сдѣлали для меня.

Вашъ Н.

Будьте поддержкой моей матери въ эти ужасные для нея дни. Постарайтесь, съ помощью добраго доктора Марча, убѣдить ее, что я умеръ во время сна естественною смертію.“

Николай Петровичъ запечаталъ письмо въ конвертъ и принялся за второе, Вѣрочкѣ. Оно было много труднѣе. Столько надо было ей сказать, столько объяснить. Онъ задумался, потомъ, чуть коснувшись губами бѣлаго листа, сталъ писать, безпрестанно останавливаясь и мучительно погружа-

ясь въ себя для того, чтобы зачерпнуть изъ самой сокровенной глубины сердца и сознанія все то, что вливалось въ нихъ изъ свѣтлыхъ, изсякающихъ источниковъ его бытія.

„Моя Вѣрочка! Мой ангелъ!“, разбѣгающимися буквами писала его дрожащая рука: „Вѣрочка моя голубая лампада! Это обращеніе кажется тебѣ страннымъ? Но мнѣ сладко назвать тебя такъ. Я всегда видѣлъ тебя въ голубомъ сіяніи. Нѣтъ, въ голубой дымкѣ. Всегда въ моихъ воспоминаніяхъ ты обвѣяна ею... Вѣрочка, моя любимая, какъ бѣденъ человѣческій языкъ. Въ немъ совсѣмъ нѣтъ тѣхъ словъ любви, ласки и утѣшенія, которыми я всегда говорю съ тобою въ душѣ и которыя полны такой убѣдительности, такой полноты и завершенности. Какъ трудно, какъ тяжело мнѣ сейчасъ, стоя на границѣ жизни, на которой кончается жизнь, говорить съ тобою на обыкновенномъ языкѣ. Любимая, въ это мгновеніе ты вся во мнѣ. Я такъ ясно вижу твое лицо, твои глаза. Я прижимаю тебя къ груди... Ты со мною... Однако, душа моя уединяется, что-то замыкается въ ней, становится недоступнымъ земнымъ чувствамъ. Лишь одно земное желаніе еще сильно во мнѣ, — чтобы ты и мама приняли мою смерть покорно, даже радостно. Чтобы вы видѣли въ ней не великое горе, а великую милость Создателя, поднявшаго меня на болѣе высокую ступень бытія. Мысль о смерти еще сегодня утромъ повергала меня въ ужасъ. Мнѣ казалось труднымъ умереть, разстаться съ жизнью, съ міромъ. Я страстно желалъ

извѣдать жизнь моей души во всѣхъ ея фазахъ, дать ей изжить, осуществить себя до конца, до послѣдняго предѣла на землѣ. Сознавая, что я стою въ самомъ началѣ моего духовнаго пути, я жаждалъ дойти до послѣдней глубины самосознанія, до высшаго внутренняго просвѣтленія... Я чаялъ сверхъестественныхъ видѣній, экстатическихъ полетовъ... полнаго растворенія въ Богѣ. Смерть казалась мнѣ уничтожающимъ жизнь вѣчнымъ мракомъ. Узнавъ о выполненіи завтра приговора, я неистовствовалъ. Бунтъ моего тѣла былъ отвратителенъ и страшенъ. Но Господь сжалился надо мною, недостойнымъ, Онъ озарилъ меня и я понялъ, что смерти, той смерти, которой боимся мы человѣческимъ нашимъ чувствомъ самосохраненія, не существуетъ вовсе. Я понялъ, что люди неспособны постичь истинной сущности смерти уже потому, что думаютъ о ней, о сверхразумной тайнѣ своимъ немощнымъ, плотскимъ воображеніемъ, которое видитъ въ смерти только разрушеніе нашего тѣла. Оно показываетъ намъ его бездвижнымъ, разлагающимся трупомъ, съ закрытыми глазами, сначала въ закрытомъ гробу на траурномъ жуткомъ катафалкѣ, потомъ въ темной засыпанной черной землей могилѣ на ночномъ кладбищѣ, объятomъ тьмой. Все это заставляетъ насъ представлять себѣ смерть жуткимъ мракомъ, и полные ужаса, мы забываемъ, что трупъ не что иное, какъ сброшенная изношенная одежда и что духъ нашъ безсмертенъ. Сбросивъ тяжелое бремя тѣла, онъ будетъ продолжать жить, но не во тмѣ, а въ свѣтѣ потусторонняго сознанія. По-

гѣрь мнѣ, ужасъ и отвращеніе смерть вызываетъ только по ту сторону бытія. Я не могу точно передать тебѣ то, что открылось мнѣ сегодня во время молитвы, я думаю, что это доступно только душамъ, находящимся у послѣдняго предѣла земного существованія, и было-бы тебѣ непостижимымъ. Любимая моя, запомни только то, что предчувствія мои отрадны. Я знаю, что впаду въ легкій сонъ безъ сновидѣній и душа моя бережно и любовно отдѣлится отъ моего тѣла. Молись о ней. Ей предстоитъ трудное восхожденіе...

Ты узнаешь отъ Коринны о томъ, какъ избавилъ меня Господь отъ страшнаго часа казни. Но пусть для мамы это навсегда останется тайной. Она не переболѣла-бы этого никогда. Я сейчасъ какъ-то особенно сильно и радостно чувствую всю силу своей внутренней связи съ ней. И не только это. Я чувствую ее здѣсь, возлѣ себя и ощущаю ея присутствіе какъ-то совсѣмъ иначе, какъ-то болѣе реально, чѣмъ твое... Ты въ моемъ сердцѣ, въ моихъ мысляхъ, она вокругъ меня, какъ великое умиротвореніе. Я хотѣлъ-бы взять ее съ собою, но если это мнѣ не суждено, пусть она останется съ тобою. Я знаю, что ты станешь ей дочерью, возмешь ее къ себѣ, пригрѣешь ея бездомность, ея одиночество, ея старость. Пора кончать. Я уже долго пишу это короткое письмо... Мнѣ становится все труднѣе находить слова, улавливать свои мысли. Моя душа уединяется все сильнѣе. Въ ней новая радость... Да, блаженная радость и великое ожиданіе. Мой часъ насталъ. Вѣрочка, моя един-

ственная чистая, свѣтлая любовь, прощай. Я слышу звонъ твоихъ браслетовъ. Я вижу твои строгіе глаза, твои нѣжныя губы съ уголками приподнятыми кверху, какъ у ангеловъ Ботичелли. Я придижаю къ твоимъ рукамъ въ послѣднемъ предсмертномъ поцѣлуѣ... Прощай...”

Николай Петровичъ былъ мертвенно блѣденъ. Послѣднія силы оставили его. Проведя по своему тонкому изможденному лицу заклеяннымъ тюремнымъ платкомъ, онъ надписалъ адреса на конвертахъ, запечаталъ ихъ, выпилъ чашку кофе и закурилъ папиросу.

Въ комнату вошелъ стражникъ:

— Готовы письма, мистеръ Носковъ? — озираясь на дверь спросилъ онъ. — Скоро пройдетъ контроль...

— Да, готовы. Вотъ возьмите.

— Не могу-ли я еще сдѣлать что-нибудь для васъ, мистеръ Носковъ?

— Нѣтъ. Спасибо.

Стражникъ заложилъ письма за обшлагъ рукава, низко поклонился и вышелъ.

Николай Петровичъ медленно, словно совершая обрядъ, налилъ вино въ стаканъ, развелъ въ немъ ядъ и поставилъ его на желѣзную полку, замѣняющую ночной столъ. Голова его сильно кружилась. Онъ быстро раздѣлся и легъ подъ одеяло. Ему стало холодно. Нервная дрожь пробѣжала по его спинѣ. Онъ лежалъ навзничъ съ широкооткрытыми глазами, торжественный, спокойный, готовый принять великое таинство смерти.

Въ корридорѣ раздались торопливые шаги и громкіе голоса.

„Какъ уже?“ пронеслось у него въ головѣ.

Онъ приподнялся, протянулъ руку за стаканомъ съ ядомъ, но охватившій его ужасъ окончательно обезсилилъ его. Стаканъ выскользнулъ изъ его дрожащихъ пальцевъ и разбился.

Тяжелая дверь неожиданно растворилась и въ комнату вошли мистеръ Мэррисъ и директоръ тюрьмы Хоберъ.

— Мистеръ Носковъ, какое счастье! Вы будете оправданы, — бросился къ Николаю Петровичу адвокатъ. — Не вы убили Монику Динтонъ. Нашелся ея настоящій убійца.

Николай Петровичъ порывисто приподнялся съ подушки. Лицо его было страшно:

— Вы пришли издѣваться надо мною? — закричалъ онъ въ неожиданномъ припадкѣ неудержимаго бѣшенства. — Я не позволю вамъ... Я... я... я... я убилъ Монику... Слышите, я... я... я... Уйдите вонъ, не мѣшайте мнѣ умереть! Я хочу, я долженъ умереть... Вонъ отсюда. Вонъ... вонъ...

— Успокойтесь! Умоляю васъ, успокойтесь, — растерянно повторялъ мистеръ Мэррисъ, стараясь захватить руки Николая Петровича, обнять его, но тотъ съ ожесточеніемъ отбивался.

Мистеръ Хоберъ послалъ стоявшаго у двери надзирателя за докторомъ, потомъ намочилъ полотенце въ водѣ, силой обернулъ имъ голову Николая Петровича и желѣзными руками заставилъ его лечь.

— Тихо. Не смѣйте двигаться, — сказалъ онъ ему строгимъ голосомъ, привыкшимъ укрощать нервныя припадки заключенныхъ. — Господинъ адвокатъ, попытайтесь объяснить ему, — обратился онъ къ мистеру Мэртису. — Всегда лучше сразу.

— Мистеръ Носковъ, будьте благоразумны... Выслушайте меня, — съ трудомъ преодолая сильное волненіе, началъ тотъ. — Два часа тому назадъ къ мистеру Хоберу явился Билли Чипъ, тотъ чело-
вѣкъ въ кепкѣ, котораго миссъ Дрейзеръ видѣла выслѣживающимъ васъ и Монику Динтонъ въ Пик-скиль-скверѣ двадцатаго мая. Онъ не смогъ вынести мысли о томъ, что вы черезъ нѣсколько часовъ будете казнены за поступокъ, совершенный не вами, а имъ. Его замучила совѣсть и онъ пришелъ съ повинной головой.

Николай Петровичъ лежалъ закрывъ глаза. Грудь его быстро поднималась и опускалась, ноздри трепетали. Изступленіе его замѣтно утихло. Вдругъ онъ съ неожиданной силой оттолкнулъ руки мистера Хобера и приподнялся. Лицо его отражало усиленную, мучительную работу мыслей. Сосредоточенно горящіе глаза его были направлены на мистера Мэртиса.

— Это бредъ? Бредъ? Я сплю... Мнѣ снится? — спросилъ онъ и что-то умоляющее, безпомощное было въ его срывающемся голосѣ.

— Да нѣтъ-же, дорогой, — съ горячимъ состраданіемъ старался объяснить ему мистеръ Мэртисъ. — Поймите-же, не вы убили. Вашъ револьверъ былъ испорченъ. Онъ не дѣйствовалъ. Вы-

стрѣль былъ выпущенъ изъ револьвера Билли Чипа. Вашъ револьверъ не дѣйствовалъ. Вы-же сами говорили, что курокъ не поддавался.

— Не поддавался... — черты Николая Петровича на мгновеніе выразили удивленіе, но тотчасъ же снова исказились отъ муки. Онъ схватился руками за голову, до боли захватилъ пальцами волосы, стремясь физической болью прояснить мысли, но мозгъ его горѣлъ, сознаніе наполнилось гудящею и вращающеюся тьмою. Что-то огромное, тяжелое съ бѣшеной быстротою мчалось на него. Огненные круги завертѣлись передъ его глазами. Онъ весь затрепеталъ, испуганно вскинулъ руки, вскрикнулъ и потерялъ сознаніе.

XVIII

Александръ Александровичъ тревожно шагаль по столовой. Взглядъ его безпрестанно устремлялся на дверь, ведущую въ спальню Анатоля Сергѣевича. Наконецъ она растворилась и закрылась за полнымъ, гладко выбритымъ брюнетомъ съ синеватыми щеками.

— Ну, что, докторъ? Какъ вы нашли мистера Барсукова? — озабоченно спросилъ онъ его. — Миновала опасность?

— Измѣненій мало. Почти ~~никакихъ~~, — отвѣтилъ тотъ близоруко щурясь черезъ очки. — Воспаленіе легкихъ затяжная вещь. Главное, надо слѣдить за тѣмъ, чтобы больной, какъ можно меньше лежалъ въ постели. Въ его годы съ воспаленіемъ легкихъ слѣдуетъ сидѣть въ креслѣ даже ночью.

— Вы считаете его состояніе все еще опаснымъ для жизни, докторъ?

— Въ его годы все опасно, — равнодушно отвѣтилъ докторъ, надѣвая непромокаемое пальто. — Дня черезъ два я смогу высказаться опредѣленно. Итакъ, до завтра въ это-же время, — протянуль онъ руку Александру Александровичу. Взявъ шля-

пу и перчатки, лежавшія на стулѣ, онъ вышелъ на веранду, передъ которой ожидалъ его автомобиль.

Серпуховской постоялъ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и снова зашпатель отъ буфета къ окну.

Въ комнату стремительно вошла Вѣрочка. У нея было больное, взволнованное лицо.

— Не пришла еще почта? Мнѣ нѣтъ телеграммы? — отрывисто спросила она.

— Нѣтъ, пока...

— Ну, скажи во имя Бога, какъ не сойти тутъ съ ума? Сначала это ужасное письмо о его близкой смерти, которое меня чуть не убило... Потомъ извѣстіе о его оправданіи... А теперь на двѣ мои телеграммы ни слова. Это можно голову потерять, — съ горькой досадой воскликнула она, устало опускаясь на стулъ.

Александръ Александровичъ пожалъ плечами:

— Дорогая моя, я столько разъ уже повторялъ тебѣ, что мы не знаемъ, что тамъ происходитъ. Вѣроятно Николай Петровичъ не можетъ отвѣтить тебѣ сейчасъ. Ты напрасно такъ выходишь изъ себя. Я нахожу, что ты неблагоприятна. вмѣсто того, чтобы радоваться, что Николай Петровичъ прямо чудомъ былъ избавленъ отъ смертной казни, ты сама придумываешь себѣ мученія. Повторяю, ты радоваться должна.

— А развѣ я не радовалась, когда прочла въ газетѣ, что онъ будетъ оправданъ, что дѣло будетъ пересмотрѣно? Ты самъ видѣлъ. Я была какъ помѣшанная! Но теперь меня мучить неизвѣстность. Въ газетѣ было все такъ неясно. Гдѣ онъ теперь? Что

съ нимъ? Почему онъ такъ упорно молчитъ уже четыре дня? Ахъ, если-бы папа не былъ при смерти, я давно была-бы въ Нью-Йоркѣ. Увѣрю тебя, Саша, я не могу больше... Не могу...

— Вѣрочка, да не терзай ты себя такъ, дорогая! Вотъ увидишь, все скоро разъяснится. Онъ скоро будетъ свободенъ. Приѣдетъ сюда.

— Если-бы у него было намѣреніе приѣхать сюда, онъ-бы давно телеграфировалъ. Его молчаніе безсердечно. Не защищай его пожалуйста. Если-бы ты былъ на его мѣстѣ, ты бы мнѣ сейчасъ-же телеграфировалъ: „Приѣзжай“.

— Ты не должна такъ сильно испытывать мое великодушіе, — невесело усмѣхнулся Александръ Александровичъ. — Вполнѣ понятно, что я на это отвѣчу утвердительно. Не упускать же мнѣ случая подняться надъ бѣднымъ Николаемъ Петровичемъ въ твоихъ глазахъ.

— Нѣтъ, Саша, ты не такой... Я не знаю никого лучше тебя... Собою я недовольна... Не знаю, что говорю... Не знаю, что дѣлаю... Ахъ, пора папѣ компрессъ ставить. Сейчасъ вернусь. Если придетъ почта, позови меня.

Серпуховской закурилъ сигару и вышелъ въ садъ. Воздухъ слабо и нѣжно благоухалъ весною. На клумбахъ уже цвѣли яркіе, пересаженные изъ теплицы цвѣты. Причудливо искривленные вѣтви магнолій были усыяны крупными бѣло-розовыми бутонами. Деревья и кусты покрывались зеленой дымкой распускающейся листвы. Свѣжая изумрудная травка пробивалась изъ влажной земли. Весь садъ былъ полонъ

виѣшняго очарованія и только пышныя группы пальмъ и цвѣтущихъ миртъ давали впечатлѣніе лѣта.

Сощурившись отъ солнца и дымка сигары, зажатой въ зубахъ, Александръ Александровичъ сталъ медленно бродить по усыпаннымъ гравіемъ дорожкамъ. У него было смутно и тяжело на душѣ, а главное, онъ тоже былъ недоволенъ собою:

„Ну что-же, дождался и подѣломъ мнѣ“, раздраженно разсуждалъ онъ про себя: „Теперь мнѣ остается только слѣзть съ пьедестала, на который я взобрался разыгрывая, такъ нравящуюся Вѣрочкѣ, роль самоотверженнаго болвана. Мое единственное оправданіе въ томъ, что я разыгрывалъ эту роль убѣжденно, не сознавая того, что гдѣ-то въ глубинѣ моей души живетъ увѣренность въ томъ, что Николаю Петровичу не снести головы на плечахъ и что Вѣрочка, несмотря ни на что, станетъ моей женой. Я жилъ подъ гипнозомъ этой предстоящей смертной казни и этотъ гипнозъ направлялъ мои поступки. Да и не я одинъ, а всѣ мы дѣйствовали подъ впечатлѣніемъ постоянной мысли о трагическомъ исходѣ процесса. Вѣдь Вѣрочка только въ порывѣ высшаго состраданія могла написать Николаю Петровичу, что считаетъ себя его невѣстой. А онъ? Развѣ не сказалъ онъ мнѣ самъ: „Вѣрочка моя невѣста... Но вѣдь у меня нѣтъ будущаго. Берегите ее, и такъ далѣе...“ Совершенно ясно, что онъ смотрѣлъ на эту помолвку только какъ на послѣдній подарокъ судьбы... Какъ на что-то нереальное. Иначе онъ навѣрно не рѣшился-бы связать жизнь любимой дѣвушки со своей испорченной жизнью. Онъ для этого слишкомъ по-

рядочный человекъ. Да и Анатолий Сергѣевичъ никогда не далъ-бы согласія на этотъ бракъ, если-бы вѣрилъ, что онъ дѣйствительно состоится. Его просто захватила драматичность положенія. Какъ было ему, доброму, благородному человеку отказать въ послѣдней радости обреченному на смерть... Да, да, мы всѣ жили, думая только о надвигающемся смертномъ часѣ этого несчастнаго. Теперь онъ спасенъ и все измѣнится. Мы всѣ поплатимся за нашу слабость. Анатолий Сергѣевичъ это уже понялъ. Узнавъ, что Николай Петровичъ будетъ оправданъ, онъ только перекрестился и сказалъ: „Ну, слава Богу, слава Богу...“ а лицо у него стало озабоченное... Я знаю, что всѣ эти дни его гложетъ не одна только лихорадка. Видно, что забота о дочери спать ему не даетъ. И понятно. Вѣдь онъ, какъ и я, надѣялся, что Вѣрочка станетъ моей женой. Ко мнѣ онъ привыкъ. Довѣряетъ мнѣ. Знаетъ, что я хорошій хозяинъ. А изъ Николая Петровича можетъ выйти отличный святой, хозяина-же хорошаго изъ него не выйдетъ никогда. Да и мужемъ-то онъ врядъ-ли будетъ сноснымъ. Все это очень печально. Однако поздно горевать. Теперь ничего уже больше не измѣнишь. Мнѣ остается только принять рѣшеніе относительно себя... Хорошо, что я купилъ сосѣднюю ферму и каждый день могу туда переѣхать. Однако, что я буду дѣлать тамъ въ кругломъ одиночествѣ? Пожалуй придется ее продать и вернуться въ Нью-Йоркъ. Мой банкиръ приметъ меня назадъ съ распростертыми объятіями. Нда... Хотѣлъ я перехитрить судьбу, однако она меня пере-

хитрила. Сегодня-же переговорю съ Вѣрочкой. Это мой долгъ. Пока я игралъ роль ея самоотверженнаго друга искренно, или почти искренно, это было... ну, скажемъ простительно. Теперь-же я играю ее съ внутренней гримасой, а это не очень-то красиво. Все это надо поскорѣе привести въ порядокъ.“

Размышленія Александра Александровича были прерваны появленіемъ почтальона. Онъ поспѣшно направился ему на встрѣчу.

— Есть письма? — издали крикнулъ онъ ему.

— Нѣтъ. Только газеты, мистеръ Серпуховской.

Александръ Александровичъ взялъ у него пачку газетъ и сталъ ихъ торопливо просматривать.

„Ахъ вотъ: „Дѣло объ убійствѣ Моники Динтонъ“, промелькнуло у него въ головѣ: „А все-таки, если отложить въ сторону психологію, безобразіе все это. „Два здоровыхъ малыхъ, увидѣвъ у дѣвушки деньги, оба рѣшили ее ограбить... Какъ слабы люди на соблазны. Подлая штука жизнь.“

Александръ Александровичъ опустилсѣ на скамейку передъ верандой и погрузился въ чтеніе газетъ.

Полчаса спустя, Вѣрочка выглянула изъ окна веранды.

— Ну, что? Нѣтъ писемъ? — спросила она.

— Нѣтъ. Зато въ газетѣ много подробностей о дѣлѣ, — отвѣтилъ Серпуховской, не поднимая глазъ отъ газеты.

Вѣрочка неестественно спокойно сошла съ лѣстницы и сѣла рядомъ съ нимъ на скамейку.

Онъ искоса взглянулъ на нее. Она сидѣла, устало наклонившись впередъ. Пальцы ея играли золотыми обручами, соскальзывающими съ ея исхудавшихъ рукъ. Его удивило ея молчаніе. Онъ протянулъ ей газету:

— Вотъ. Прочитай. Здѣсь очень подробно...

— Я не могу, Саша. Строчки разбѣгаются подъ глазами. Расскажи мнѣ. Гдѣ онъ?

— Объ этомъ ни слова...

— Такъ о чемъ-же тутъ?

— О преступленіи...

— Ахъ, я не могу объ этомъ слышать... Впрочемъ, я слишкомъ распускаюсь...

— Долженъ тебѣ сказать, что я пораженъ совершенно невѣроятнымъ сѣщеніемъ трагическихъ обстоятельствъ, происшедшихъ въ этотъ дьявольскій вечеръ двадцатаго мая... Представь себѣ, что, когда Моника Динтонъ привезла платья на Пятое Авеню, счетъ за нихъ былъ уплоченъ ей не самой заказчицей мистрисъ Ллойтъ, а ея горничной, вынесшей деньги въ переднюю, въ которой находилось третье лицо, женихъ этой горничной Билль Чипъ. Онъ служилъ въ какомъ-то отелѣ и пришелъ проститься со своей невѣстой, уѣзжающей съ господами въ Европу. На прощаніе она подарила ему цѣлый узелъ вещей съ плеча мистера Ллойтъ и онъ уже собирался уходить, но появленіе Моника Динтонъ прервало сцену прощанія. Онъ остался и присутствовалъ при томъ, какъ молодая дѣвушка под-

писала счетъ, сунула деньги въ зеленую сумочку, простилась съ горничной и ушла. Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на улицу, Моника стояла у остановки омнибуса. Тутъ у него внезапно возникло рѣшеніе завладѣть ея долларами...

Изъ Вѣрочкиной груди вырвался стонъ.

— Что съ тобою, дорогая? — озабоченно склонился къ ней Серпуховской.

— Ахъ, эта... эта аналогія мнѣ ужасна... Это какая-то пародія, подчеркивающая весь ужасъ... ужаснаго замысла... Но что-же дальше? Что онъ сдѣлалъ, этотъ отвратительный Чипъ?

— Онъ вскочилъ въ омнибусъ, въ который сѣла Моника, и вышелъ изъ него вмѣстѣ съ нею у Пикскиль-сквера. Выслѣживая молодую дѣвушку издали, онъ видѣлъ, какъ она подошла къ Николаю Петровичу и сѣла возлѣ него на скамью. Узелъ съ вещами мѣшалъ Чипу и онъ отнесъ его къ знакомому, живущему поблизости, парикмахеру. Освободившись отъ своей ноши, онъ вернулся въ скверъ. Тутъ-то и увидѣла ее свидѣтельница миссъ Дрейзеръ. Ты помнишь, мы читали...

— Да, да... Значить, тотъ человѣкъ въ кепкѣ и былъ Билль Чипъ.

— Да. Онъ самый. Итакъ, вернувшись въ скверъ, онъ спрятался за деревья и съ этой минуты не выпускалъ больше Моника изъ глазъ.

— Онъ видѣлъ, что она передала деньги Николаю Петровичу?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Это произошло въ то время, когда онъ относилъ свой узелъ

къ парикмахеру. Вернувшись въ скверъ, онъ воображалъ, что деньги все еще находятся въ сумочкѣ Моники и повсюду слѣдовалъ за нею. Онъ былъ и въ кинематографѣ, бродилъ вокругъ кондитерской. Сопровождалъ Монику и Николая Петровича издали въ пустырь. Когда-же онъ увидѣлъ, что они спускаются подъ мостъ, прыгнулъ въ каналъ съ другой стороны моста. Тамъ онъ притаился у выступа стѣны. Сначала Николай Петровичъ и Моника стояли въ просвѣтѣ моста. Чипъ видѣлъ, какъ Николай Петровичъ навелъ на Монику револьверъ и тотчасъ-же прицѣлился въ него, чтобы сначала расправиться съ нимъ. Но тутъ Николай Петровичъ и Моника какъ-то перемѣнили положеніе и очутились въ полной темнотѣ у стѣны. Чипъ выстрѣлилъ наугадъ и попалъ въ Монику. Николай Петровичъ бросился бѣжать. Чипъ съ карманной лампой подошелъ къ Моникѣ. Она была мертва. Зеленая сумочка лежала у ея ногъ. Чипъ схватилъ ее, какъ вѣрную добычу, и пустыремъ спокойно вернулся въ городъ. Придя домой, онъ раскрылъ сумочку. Денегъ въ ней не оказалось. Ты можешь представить себѣ его бѣшенство.

Послышался близкій трескъ мотоциклетки.

— Телеграмма, — воскликнула Вѣрочка.

Она не ошиблась. Нѣсколько секундъ спустя у дома остановился мотоциклистъ и подаль ей продолговато сложенный, заклеенный листокъ. Она стремительно распечатала его и пробѣжала глазами.

„У Ники воспаленіе мозга. Онъ безъ сознанія.

Мнѣ отдали его на поруки. Мы въ Вѣстѣ-Эндѣ санаторіи. Приѣзжайте. Коринна.“

Вѣрочка, побѣлѣвъ до самыхъ губъ, передала телеграмму Александру Александровичу. Тотъ внимательно прочиталъ ее.

— Что-же ты думаешь теперь дѣлать? — безрежнымъ голосомъ спросилъ онъ Вѣрочку.

Она сидѣла, глубоко задумавшись. Крѣпко сжавъ захватившія колѣна руки.

— Я думаю, что это мой долгъ остаться здѣсь, пока жизнь папы въ опасности. Я не могу оставить его на какую-нибудь сидѣлку... А тамъ Коринна...

— Докторъ сказалъ, что скоро наступитъ, какъ я понялъ, что-то въ родѣ кризиса. Если Анатолію Сергѣевичу станетъ лучше, ты спокойно можешь оставить его на меня и на опытную сидѣлку.

— Да. Но, вѣдь, меня зоветъ не Николай Петровичъ, а Коринна.

— Довѣрься ей, Вѣрочка. Она прекрасный, чуткій человекъ и никогда не поставитъ тебя въ неловкое положеніе.

— Я не понимаю, почему мнѣ телеграфируетъ она, а не Марія Михайловна, которой я адресовала свои телеграммы.

Въ лицѣ Серпуховского появилось сильное замѣшательство. Нахмуривъ свѣтлыя брови, онъ нервно потиралъ свои большія розовыя руки и растерянно молчалъ.

— Что съ тобою? — насторожилась Вѣрочка. — Ты, какъ-будто, что-то скрываешь отъ меня?

— Да, Вѣрочка, прости, — смущенно сознался

онъ. — Я не могъ рѣшиться тебѣ сказать... Скрыть отъ тебя... Спрятать газету...

— Да въ чемъ-же дѣло? Не пугай меня... Говори наконецъ, — настаивала она. Легкая судорога страха измѣнила ея лицо.

— Марія Михайловна не вынесла, Вѣрочка, — тихо проговорилъ Александръ Александровичъ. — Наканунъ казни сына, казавшейся ей неминуемой, она покончила съ собой. Отравилась газомъ въ кухнѣ.

— О, Господи!

Вѣрочка уронила голову на колѣни и безутѣшно заплакала.

Серпуховской нѣжно обнялъ ее.

— Ну, полно, полно, — любовно приговаривалъ онъ. — Полно, дорогая. Ей теперь хорошо. Довольно она настрадалась.

Вѣрочка подняла на него измученные глаза, медленно вытерла заплаканныя рѣсницы.

— Саша, это ужъ слишкомъ ужасно! Особенно для него. Онъ никогда не проститъ себѣ этого. Никогда, никогда не переболѣетъ... А я... Мнѣ такъ хотѣлось найти въ ней мать. У меня никогда не было... Мнѣ хотѣлось успокоить ее... Баловать... — слезы снова побѣждали по ея исхудавшимъ щекамъ.

— Надо съ этимъ примириться, дѣтка! Что-же дѣлать. „Мертвый въ гробѣ мирно спи. Жизнью пользуйся живущій.“

— Саша, а когда ты узналъ о ея смерти?

— Кажется дня три тому назадъ прочелъ въ газетѣ.

— Какъ сразу все рушилось на меня: папина бо-

лѣзнь, ужасныя испытанія Николая Петровича, а теперь еще это...

— Да. Недаромъ говорится, что рѣдко бѣда приходитъ одна...

— Вотъ видишь, Саша, Николай Петровичъ не хотѣлъ, чтобы я ѣхала въ Нью-Йоркъ. А если-бы я была тамъ съ Маріей Михайловной, этого-бы не случилось. Я не оставила-бы ее тамъ одну, ни на минуту.

Эта мысль такъ больно рѣзнула ее по сердцу, что она снова заплакала, закрывъ лицо руками.

— Вѣрочка, ты должна теперь думать только о будущемъ. Ты уже сегодня должна начать собираться въ дорогу, — попробоваль измѣнить ходъ ея мыслей Александръ Александровичъ.

Она подняла на него заплаканное лицо.

— Не знаю, хотѣлось-бы сегодня-же, сейчасъ-же броситься туда... А вмѣстѣ съ тѣмъ... Ты не знаешь, что воспаленіе мозга смертельная болѣзнь?

— Я предчувствую, что Николай Петровичъ поправится.

— Я тоже, Саша. Я въ этомъ прямо какъ-то внутренне увѣрена. Мнѣ кажется, что если Господь спасъ его отъ ужасной смерти, то и теперь онъ не дастъ ему умереть. Я чувствую, что онъ будетъ жить. И все-таки у меня почему-то очень тяжело на душѣ.

— Полно, милая. Все образуется. Тяжелыя переживанія этого года сдѣлали тебя пессимисткой, лишили тебя твоей прирожденной жизнерадостности. Но, ты увидишь, скоро все измѣнится къ лучшему и

ты будешь счастлива. Вы поселитесь здѣсь. Я, по сосѣдству, на моей фермѣ. Видишь, какъ она мнѣ пригодилась.

— Нѣтъ, Саша. Ты останешься здѣсь, съ нами. Я не могу безъ тебя...

— Знаю, Вѣрочка, что ты привыкла ко мнѣ... какъ къ старой нянѣ. Но когда ты будешь замужемъ, тебѣ уже не нужно будетъ меня.

— И не правда... Зачѣмъ ты, Саша? Ты знаешь, что я тебя очень люблю.

— Вотъ именно очень... Очень любишь, — вдругъ прорвалось въ немъ такъ долго сдержанное чувство ревнивой обиды. — А тебѣ никогда не приходило въ голову, что этого мнѣ мало... Что мнѣ будетъ тяжело здѣсь жить и видѣть, какъ ты любишь другого не „очень“, а по-настоящему. Всей душой. Тебѣ не приходило въ голову, что у меня есть своя личная жизнь?

Вѣрочка удивленно и испуганно взглянула на него. Нѣтъ, ей этого никогда въ голову не приходило, ей даже какъ-то обидно и больно думать, что у Александра Александровича можетъ быть своя жизнь, въ которой нѣтъ мѣста для нея.

— Прости. Я кажется большая эгоистка. Я не думала, что мы можемъ когда-нибудь стать чужими... Вѣдь бываетъ-же дружба, — печально проговорила она, приподнявшись со скамьи.

Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ.

— Дружба? Возможно. Я постараюсь быть твоимъ другомъ. Уѣхавъ отсюда, я только избавлю себя отъ ненужныхъ страданій. А тебѣ и безъ ме-

ня будетъ хорошо. Вотъ увидишь... — на лицѣ его появилась вымученная улыбка.

— Какъ хочешь... Я не знала... Не думала, — смущенно отвѣтила Вѣрочка. — Ты такъ хорошо владѣлъ собою. Прости. Теперь я поняла, что мучила тебя. Какъ ты былъ терпѣливъ и великодушень.

На верандѣ появилась Ясмينا:

— Миссъ Вѣра, — позвала она. — Васъ зоветъ мистеръ папа. Ему пора чай пить.

— Иду, — кивнула Вѣрочка.

Серпуховской сжалъ ея руку, которую все еще держалъ въ своей.

— Не сердись, — виновато проговорилъ онъ, глядя на нее снизу вверхъ. — Пока ты будешь въ Нью-Йоркѣ и пока все выяснится, я конечно останусь здѣсь съ Анатолиемъ Сергѣвичемъ. Не сердись на меня? Скажи!

— Нѣтъ... Какъ-же я могу... — больная улыбка промелькнула на ея губахъ. Отвѣтивъ пожатіемъ на долгое пожатіе его руки она медленно направилась къ дому.

XIX

Нѣсколько дней спустя докторъ объявилъ Анатолія Сергѣевича внѣ опасности. Изъ Пальмъ-Бича была вызвана опытная сестра милосердія, которая въ первый-же день своего пребыванія на фермѣ весело и энергично завладѣла положеніемъ и своимъ пациентомъ.

Ничто не мѣшало больше Вѣрочкиному отъѣзду и она на другое утро тронулась въ путь. Анатолій Сергѣевичъ взволнованно благословилъ ее въ дорогу.

— Смотри, дѣвочка, если съ тобой будутъ заговаривать въ вагонѣ, никому не отвѣчай, даже женщинамъ, — озабоченно напутствовалъ онъ ее. — Если будутъ предлагать тебѣ конфеты, не бери. Могутъ подсунуть съ дурманомъ.

— Да что ты, папочка. Я-же не маленькая, — невесело смѣялась Вѣрочка. — Что со мною можетъ случиться?

— Ну, ну. Господь съ тобою. Возвращайся поскорѣе. Да и его привози.. Отлично заживемъ всѣ вмѣстѣ, — бодрился добрый старикъ, но на глаза его все набѣгали непрошенныя слезы.

Александръ Александровичъ отвезъ Вѣрочку на ея маленькомъ Фордѣ на вокзалъ, посадилъ ее въ

пустое дамское отдѣленіе. Потомъ долго и мучительно топтался передъ ея вагоннымъ окномъ. Все важное было между ними сказано и теперь они обмѣнивались ненужными, утомительными фразами и оба облегченно вздохнули, когда тронулся поѣздъ. Но тутъ Александръ Александровичъ вспомнивъ, что забылъ купить Вѣрочкѣ газетъ на дорогу, схватилъ цѣлую пачку иллюстрированныхъ журналовъ съ открытаго книжнаго прилавка и пустился догонять поѣздъ. Вѣрочка махала ему руками и кричала, чтобы онъ не попалъ подъ колеса. Наконецъ журналы влетѣли въ купэ. Принявъ ихъ, Вѣрочка перевѣсилась черезъ окно и долго смотрѣла на уходящую назадъ высокую фигуру Александра Александровича, махающего ей свѣтлыми перчатками.

Экспрессъ, все прибавляя ходу, быстро мчался между роскошныхъ садовъ, бѣлыхъ дворцовъ, причудливыхъ виллъ и скромныхъ фермъ. Надъ всѣми этими зданіями были раскинуты воздушныя антенны. Солнце заливало ихъ свѣтлыя стѣны, ихъ колонны, веранды и балконы, съ которыхъ ниспадали гирлянды глициній, или мелкихъ розъ. Голубые фонтаны искрились ослѣпительными брызгами. Мѣстами вдали сверкалъ океанъ. Повсюду блестяли полосы стальныхъ рельсъ.

Вѣрочка достала сумку изъ нессесера, удобно усѣлась въ своемъ креслѣ и глубоко, облегченно вздохнула. Ей вдругъ стало хорошо. Страданія и тревоги разсѣялись и на короткій срокъ уступили мѣсто отрадному душевному отдыху. Усталый

отъ бессонной ночи разумъ отказывался соображать.

„Все образуется, какъ говоритъ Саша,“ вяло думала она: „Зачѣмъ заглядывать впередъ? Сомнѣваться? Все въ Божьей волѣ.“

Легкое покачиваніе вагона вливало тихую лѣнь въ ея тѣло. Ей хотѣлось бездумнаго покоя. Прижавшись въ уголокъ, лицомъ въ подушку, она сладко погрузилась въ полудрему.

Гулъ шаговъ и голосовъ на большихъ станціяхъ приводилъ ее въ себя. Она покупала черезъ окно сандвичи, или ледяную воду. Потомъ снова начинала дремать. Къ вечеру она почувствовала себя совсѣмъ отдохнувшей и бодрой. Попробовала даже мечтать о своей встрѣчѣ съ Николаемъ Петровичемъ, но при этомъ каждый разъ ея сердце сжималось отъ боли и хрупкія мечты ея разлетались при мысли о Кориннѣ. Ее страшило знакомство съ нею. Встрѣча съ Николаемъ Петровичемъ въ ея присутствіи представлялась ей пыткой. Она была увѣрена въ его любви къ себѣ, но сознавала, что значеніе Коринны въ его жизни очень велико и ревность мучила ее. Чѣмъ ближе подходилъ поѣздъ къ Нью-Йорку, тѣмъ тягостнѣе становилась ея тревога.

Когда автомобиль остановился передъ стекляннымъ подъездомъ Вестъ-Эндъ-санаторіи и весь унизанный серебряными путовками бой въ голубой ливреѣ, взявъ ея чемоданы, понесъ ихъ къ подъемной машинѣ, она почувствовала такую острую душевную боль, что поблѣднѣла вся.

— Вамъ угодно? — спросилъ ее представительный швейцарь.

— Мистера Носкова, — стараясь утвердить свой голосъ отвѣтила Вѣрочка.

— Ахъ, это къ мистрисъ Свифдъ, — удвоивъ учтивость поклонился швейцарь. — Джо, это помещеніе номеръ девятый, на третьемъ этажѣ, — обратился онъ къ голубому бою.

Это противопоставленіе имени Николая Петровича имени Коринны непріятно задѣло Вѣрочку.

„Что это со мною?“ съ досадой подумала она поднимаясь въ лифтѣ. „Я совсѣмъ не радуюсь, что нахожусь такъ близко отъ него, что сейчасъ увижу его. Я этого какъ-то не сознаю. Какъ это горько. Однѣ плохія, ревнивыя мысли владѣютъ сегодня мною.“

Бой повелъ ее по длинному бѣлому корридору, устланному дорожкой голубого бобрика, и остановился у послѣдней двери.

— Это здѣсь, миссъ, — еще дѣтскимъ голосомъ доложилъ онъ Вѣрочкѣ и негромко постучалъ.

Вѣрочкино сердце забилося до самого горла.

„Лишь-бы Коринна не была сентиментальна. Лишь-бы все обошлось просто, безъ мелодрамъ,“ съ тоскою подумала она.

— Войдите, — раздалось за дверью.

Бой раскрылъ ее и посторонился, пропуская передъ собою Вѣрочку. Она вошла въ небольшую, свѣтлую столовую съ бѣлымъ буфетомъ, такими-же стульями, диваномъ и большимъ столомъ, стояв-

шимъ у окна, завѣшаннаго желтымъ шелкомъ. Подъ лампой въ формѣ трехъ матовыхъ шаровъ стояла Коринна.

— Это вы? — Наконецъ-то. Какъ я рада, — искренне сказала она, протягивая Вѣрочкѣ руку. — Вы не устали съ дороги? Какъ вы поживаете?

— Благодарю васъ. Я отлично выпалась въ вагонѣ, — съ подчеркнутымъ спокойствіемъ отвѣтила та. — А гдѣ-же?..

— Передъ тѣмъ какъ войти къ нему, вы должны переодѣться. Этого требуютъ здѣсь доктора. Ванна для васъ уже готова. Видите эту дверь направо. За нею комната Ники. А эта дверь направо ведетъ къ вамъ. Всѣ эти дни я жила въ вашей комнатѣ, но сегодня я переѣхала къ себѣ на Пятое Авеню. Завтра утромъ уходитъ мой пароходъ въ Европу. Меня давно ждутъ тамъ друзья.

— Какъ жаль, — воскликнула Вѣрочка полная раскаянія и благодарности. — Вы не можете отложить вашего отъѣзда хоть на нѣсколько дней?

Коринна съ печальной улыбкой покачала головой:

— Нѣтъ. Это невозможно. Но признаюсь вамъ, я уѣзжаю съ тяжелымъ сердцемъ. Вѣдь Ники все еще безъ сознанія. Положеніе его все еще очень серьезно. Но докторъ Марчъ надѣется спасти его. Боже мой, вамъ дурно? — Коринна придвинула Вѣрочкѣ стулъ и усадила ее на него.

— Я напугала васъ? — ласково продолжала она. — Вы не должны отчаиваться. Я предчувствую, что онъ поправится и наконецъ-то будетъ

счастливъ. У меня сегодня былъ мистеръ Мэррисъ и опредѣленно сообщилъ мнѣ, что Ники будетъ оправданъ. Въ то небольшое наказаніе, которое будетъ возложено на него, зачтутся отсиженные имъ мѣсяцы въ тюрьмѣ. Такъ что вы можете считать его свободнымъ.

— Мистрисъ Свифдъ, вы столько сдѣлали для него, — съ мукой въ голосѣ проговорила Вѣрочка.

— Не будемъ говорить объ этомъ, дорогая, — нахмурилась Коринна. — Сестра уже наполнила вамъ ванну. Смотрите, какъ-бы она не остыла.

— Да. Я пойду. — Вѣрочка съ трудомъ поднялась со стула.

— Не помочь-ли мнѣ вамъ раздѣться? — съ участіемъ спросила Коринна.

— О нѣтъ. Благодарю васъ. Я сама... — смущенно отвѣтила Вѣрочка. — Но мнѣ столько-бы хотѣлось сказать вамъ... Я такъ виновата передъ вами. У меня часто были дурныя чувства къ вамъ. А вы такъ удивительно добры... Такъ великодушны... Такъ просты.

Коринна обняла ее:

— Моя маленькая дѣвочка, я понимаю ваши чувства... Когда-нибудь вы поймете и мои. Вы очень нравитесь мнѣ. Вы самый лучший, самый драгоценный подарокъ, который я могу сдѣлать Ники передъ моимъ отъѣздомъ. Но торопитесь. Какъ-бы не остыла ванна. — Коринна пріоткрыла правую дверь и мягкимъ движеніемъ втокнула въ нее Вѣрочку.

„Какъ странно, — думала та раздѣваясь у

своей новой узкой бѣлой кровати: „вышло совсѣмъ иначе, чѣмъ я думала. Расчувствовалась я, а не Коринна. Она была такъ выдержана, такъ равна. Какая она тонкая, изящная. Какъ чудно она одѣта. Однако досадно, что ея присутствіе, ея слова, мысли о ней мѣшаютъ мнѣ думать о немъ... Я совсѣмъ, совсѣмъ не чувствую, что онъ здѣсь, такъ близко. Я еще не научилась называть его... Мнѣ хотѣлось-бы называть его Котикомъ, какъ звала его мать.“

Полчаса спустя Вѣрочка, освѣженная ванной и переодѣтая въ бѣлое полотняное платье, вернулась въ столовую. Коринны не было въ ней, но за столомъ у окна ужинала худая, высокая сестра милосердія съ сѣдыми волосами и молодымъ лицомъ. Увидѣвъ Вѣрочку, она приподнялась и поклонилась.

— Вы ухаживаете за мистеромъ Носковымъ?
— любезно обратилась къ ней Вѣрочка, — теперь я пріѣхала замѣнить васъ.

— Нѣтъ, миссъ, мы будемъ ухаживать за нимъ вмѣстѣ. Уходъ необходимый ему очень труденъ и отвѣственъ. Онъ требуетъ опытной руки. Докторъ Марчъ заставилъ меня оставить одну мою пациентку, чтобы ухаживать за мистеромъ Носковымъ. Ночью мы чередовались у его постели съ мистрисъ Свифдъ. Сегодня мое дежурство.

— Прошу васъ, уступите его мнѣ...

— Хорошо, миссъ. Я научу васъ всему, что надо дѣлать. Однако, главный уходъ я не поручаю никому и попрошу васъ будить меня каждые четыре часа, какъ это всегда дѣлала мистрисъ Свифдъ.

— Но гдѣ-же она?

— Мистрисъ Свифдъ замѣняетъ меня у больного, пока я ужинаю.

„Она теперь прощается съ нимъ...“ подумала Вѣрочка и сердце ея снова горестно заныло отъ ревности.

— Ну вотъ, я и поужинала, — оторвалъ Вѣрочку отъ мучительныхъ мыслей голосъ сестры. — Пойду приготовлю все на ночь моему паціенту, а потомъ постелю себѣ постель здѣсь на диванѣ.

Когда сестра вошла въ комнату Николая Петровича, Вѣрочка опустилась на стулъ. Ноги ея подкашивались. Нервы были натянуты до крика.

„Я не войду къ нему пока она здѣсь. Я хочу быть одна съ нимъ. Какъ этого не понимаютъ эти женщины,“ съ отчаяніемъ думала она.

Дверь изъ комнаты больного растворилась. Вошла Коринна. Она была уже въ шляпѣ и пальто. Лицо ея было очень блѣдно. Губы улыбались вымученной улыбкой.

— Миссъ Вѣра, у меня для васъ отличная новость, — непринужденно заговорила она. — Ники сейчасъ необычайно спокоенъ. Черты его прояснились. Онъ точно чувствуетъ вашу близость. Прощайте, дорогая. У сестры Мерчедесъ есть мой адресъ. Пишите мнѣ иногда. Вѣдь мы навсегда останемся друзьями? Да?

— Еще-бы! — порывисто обняла ее Вѣрочка.

Онѣ крѣпко поцѣловались и сердца ихъ были въ эту минуту полны пріязни другъ къ другу.

Коринна быстро вышла изъ комнаты. Вѣрочка осталась одна.

„Теперь сейчасъ... Сейчасъ я увижу его,“ почти со страхомъ подумала она и, подойдя къ двери Николая Петровича, тихонько постучала. Послышались легкіе шаги на мягкихъ подошвахъ, и сестра Мерседесъ явилась на ее зовъ.

— Пожалуйста, миссъ. Я все привела въ порядокъ. Вамъ придется только каждый часъ наполнять свѣжимъ льдомъ мѣшокъ, который лежитъ на головѣ больного. Ледъ вы найдете въ холодильнике, около ванной комнаты. Если больной будетъ метаться, или сильно бредить, позовите меня, — ласково говорила она, начиная стлать себѣ на диванѣ постель. — Спиртовка для чая и закуски всю ночь стоять на столѣ. Если вы проголодаетесь, спокойно зажгите здѣсь свѣтъ и кушайте. Я не проснусь. Я сплю, какъ сурокъ.

Вѣрочка не слышала ее. Она стояла судорожно сжимая ручку двери Николая Петровича. Сердце ее такъ билось отъ волненія, что причиняло ей физическую боль. Наконецъ она рѣшилась, вошла въ комнату больного, закрыла за собою дверь и полная сдержанныхъ слезъ, боли и радости, остановилась на порогѣ. Ее охватилъ блѣдный полумракъ ночника, въ которомъ тонули всѣ стоящіе вокругъ предметы. У правой стѣны бѣлѣла низкая кровать. Она подошла къ ней медленно, какъ подходятъ къ алтарю, и склонилась надъ нею.

Николай Петровичъ лежалъ навзничъ. Его изможденное желтое, точно восковое лицо обросло

усаами и бородой. Вокругъ запавшихъ глазъ залегли черныя тѣни. Воспаленныя, запекшіяся губы были полуоткрыты. Это была голова Христа, снятаго съ креста. Вѣрочка смотрѣла въ него расширенными отъ ужаса глазами. Ей только теперь, только въ этотъ мигъ открылась вся безмѣрная глубина перенесенныхъ имъ страданій. Рухнувъ на колѣни передъ нимъ, она зарыдала мучительно, безнадежно, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, захлебываясь отъ слезъ. Сначала въ душѣ ея горѣло и жгло одно только святое состраданіе къ лежащему передъ нею мученику, но потомъ къ этому чувству присоединилось безутѣшное раскаяніе въ томъ, что не поняла она всю глубину страданія любимаго человѣка, что въ то время, какъ онъ поднимался обливаясь кровью своего сердца на Голгофу своей муки, она сама жила испытывая самыя низменныя муки ревности, задѣтой гордости; мечтала только о сказкѣ восторженной земной любви.

„Господи, научи меня покаянной молитвѣ, способной очистить меня, поднять меня до него,“ горячо молилась она прижавшись лбомъ къ желѣзу кровати: „Господи, пусть не узнаю я счастья. Дай мнѣ только стать достойной любимаго человѣка. Дай мнѣ служить ему, залѣчивать его душевныя раны. Дай мнѣ помочь ему вернуться въ міръ, въ которомъ Ты оставилъ его. Господи, дай мнѣ на это силы и разума. Больше ни о чемъ не молю я Тебя.“

Николай Петровичъ безпокойно задвигался. Вѣрочка стремительно поднялась съ колѣни.

„Ледъ. Я забыла перемѣнить ледъ,“ испуганно

подумала она и осторожно сняла пузырь съ головы Николая Петровича. Она была обрита. Что-то жалкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и потрясающее было въ этомъ гладкомъ синеватомъ черепѣ. Вѣрочкѣ казалось, что она видитъ на немъ страдальческій вѣнецъ.

Николай Петровичъ тяжело вздохнулъ. Она нагнулась къ нему и коснулась губами его лба.

„Если онъ откроетъ глаза и узнаетъ меня, все будетъ хорошо,“ суевѣрно подумала она. Но вѣки его даже не дрогнули.

Вѣрочка прошла въ ванную комнату, наполнила мѣшокъ свѣжимъ льдомъ, вернулась въ спальню, бережно положила его поверхъ сложенной фланели на голову Николая Петровича и опустилась въ кресло у его изголовья. Она не отрывала глазъ отъ его лица, всѣми своими духовными силами призывая его къ себѣ, прислушиваясь душой къ его душѣ. Такъ началась первая ночь ея неутомимаго бдѣнія.

XX

Первое, что воспринялъ, приходя въ себя, Николай Петровичъ, было легкое вѣяніе теплаго душистаго воздуха, ласкающаго его руки и лицо. Онъ удобно лежалъ на мягкой постели. Его правую щеку и часть плеча пріятно пронизывало солнце, отраднo наполняя его тѣло нѣгой и тепломъ. Однако, просыпающееся сознаніе его безпокойно сторожили страшныя воспоминанія, онъ съ ужасомъ ощущалъ ихъ близость и пробовалъ спастись отъ нихъ вернувшись назадъ, въ сладкое небытіе, въ которомъ только что находился. Но это не удавалось ему. Наоборотъ, воспріятія его все утончались: онъ почувствовалъ нѣжный запахъ сирени, стоявшей на столѣ, началъ прислушиваться къ чирканью птицъ въ саду. Вдругъ слухъ его уловилъ гармоничное бряканіе легкаго металла. Онъ весь насторожился. Такъ могли звенѣть только Вѣрочкины браслеты. Онъ съ трудомъ приподнялъ тяжелыя вѣки и увидѣлъ Вѣрочку сидящую въ креслѣ, придвинутомъ къ его постели. Голова ея была слегка откинута назадъ и обращена къ окну. Руки теребили длинную нитку розовыхъ коралловъ. Ни-

колай Петровичъ смотрѣлъ на нее какъ зачарованный.

„Мнѣ это снится,“ съ увѣренностью подумалъ онъ: „Какой пріятный сонъ.“

Почувствовавъ на себѣ его взглядъ, Вѣрочка повернулась къ нему. Глаза ихъ встрѣтились. Внѣ себя отъ радости, она соскользнула на колѣни къ его изголовью.

— Какое счастье... Вы пришли въ себя... Наконецъ-то... — негромко говорила она улыбаясь сквозь слезы. — Теперь все хорошо...

„Не сонъ,“ испуганно подумалъ Николай Петровичъ и, спасаясь отъ дѣйствительности внушающей ему необъяснимый ужасъ, закрылъ глаза.

Вѣрочка встревоженно смотрѣла на его строгое, замкнутое лицо.

„Я испугала его. Какая я неумѣлая, неосторожная,“ упрекала она себя, чуть не плача.

„Гдѣ я? Какъ очутилась здѣсь Вѣрочка?“ растерянно и взволнованно думалъ въ это время Николай Петровичъ. „Значить, я свободенъ и кажется, боленъ...“

Внезапно, переживанія его предсмертной ночи подробно вспомнились ему. Особенно ярко освѣтилось въ его памяти неожиданное появленіе мистера Мэрриса. Ему припомнился его рассказъ о томъ, что Монику убилъ человѣкъ въ кепкѣ...

„Это недоразумѣніе какое-то... Я не могу допустить... Я сумѣю опровергнуть... доказать... Лишь-бы не было поздно. Лишь-бы не былъ казненъ этотъ человѣкъ,“ лихорадочно летѣли мысли

въ головѣ Николая Петровича. Вдругъ онъ насто-
рожился. Послышался звукъ закрывающейся две-
ри, раздался знакомый мужской голосъ:

— Ну, какъ нашъ паціентъ, миссъ Вѣра?

— Онъ пришелъ въ себя на нѣсколько секундъ,
докторъ. Но я испугала его. Не знаю, какъ... Онъ
кажется опять безъ памяти, — виноватымъ, упав-
шимъ голосомъ объяснила Вѣрочка.

— Оставьте насъ однихъ. Такъ будетъ лучше,
— мягко отвѣтилъ докторъ Марчъ.

Вѣрочка послушно удалилась.

Николаю Петровичу хотѣлось приподняться,
протянуть доктору руку, но ему казалось, что онъ
этимъ движеніемъ вернется въ реальную жизнь,
свяжетъ себя съ нею, и это страшило его.

Докторъ попробовалъ его пульсъ.

— Отлично, — одобрительно проговорилъ онъ.
— Ну-ка, мой молодой другъ, взгляните на меня.
Сдѣлайте надъ собой маленькое усиліе! Откройте
глаза!

Николай Петровичъ невольно повиновался.

— А-а! вотъ это очень хорошо! Поздравляю
васъ съ выздоровленіемъ, — съ искреннею радостью
воскликнулъ докторъ. — Давно пора. Вотъ уже
двѣ недѣли, какъ вы ничего не хотите о насъ знать.

— Докторъ, онъ казнень? — спросилъ Николай
Петровичъ, и самъ испугался своего слабого охрип-
шаго и совершенно чуждаго голоса.

— Тсссъ... Не волнуйтесь. Билли Чипъ не бу-
детъ казнень. Онъ отдѣляется нѣсколькими года-
ми заключенія въ тюрьмѣ. Онъ сильно располо-

жилъ къ себѣ общественное мнѣніе тѣмъ, что своимъ покаяніемъ спасъ вамъ жизнь. Его защищаетъ мистеръ Мэррисъ.

— Я, я убилъ... Я не могу допустить...

— Не волнуйтесь. Лежите спокойно, или я уйду, — строго сказалъ докторъ Марчъ.

— Какъ могу я быть спокоенъ, когда изъ-за какого-то жуткаго недоразумѣнія будетъ брошенъ въ тюрьму невинный человѣкъ.

— Мой милый, я, какъ врачъ, долженъ былъ-бы вамъ запретить говорить и думать, но какъ человѣкъ я знаю, что вы не можете исполнить такого приказанія.

— Докторъ, расскажите мнѣ все... подробно. Я долженъ знать, — умоляюще проговорилъ Николай Петровичъ.

Опустившись въ Вѣрочкино кресло и взявъ въ свою руку хрупкую руку больного, докторъ Марчъ неторопливо и осторожно, стараясь волновать его какъ можно меньше, сталъ рассказывать ему объ исповѣди Билли Чипа и ея послѣдствіяхъ.

Николай Петровичъ жадно слушалъ, устремивъ на него свои углубившіеся отъ страданія глаза, въ которыхъ дрожало безпокойное пламя.

— Значитъ, я не убійца потому, что не выстрѣлилъ револьверъ, — раздѣльно съ горькой ироніей проговорилъ онъ, когда умолкъ докторъ Марчъ. — Вы понимаете, докторъ, что я не могу съ этимъ согласиться. По моему убѣжденію, я убилъ уже въ тотъ мигъ, когда явилась у меня мысль объ убійствѣ. Да... да, въ этотъ мигъ я сталъ преступни-

комъ, совершилъ преступленіе... Потомъ выполненіе его было почти безсознательнымъ... Паль-ли выстрѣлъ, или нѣтъ, никакого значенія имѣть не можетъ, и не можетъ служить мнѣ оправданіемъ, — грудь Николая Петровича тяжело поднималась и опускалась. Голосъ его безпрестанно прерывался. Онъ блѣднѣлъ все сильнѣе.

— Мой мальчикъ, теперь вы все знаете, и я запрещаю вамъ думать и разсуждать на эту тему, — строго сказалъ докторъ Марчъ. — Радуйтесь вашей свободѣ. Вы видѣли, что такое судъ людей. Предоставьте Богу судить васъ. Вашу вину вы искупили тяжелымъ страданіемъ. Вы можете искупать ее впослѣдствіи примѣрной жизнью, оказываніемъ добра вашимъ ближнимъ, или чѣмъ-нибудь другимъ. Теперь-же вы должны направить всѣ ваши силы на то, чтобы выздороvть. Ваша невѣста поможетъ вамъ въ этомъ. Она такъ самоотверженно ходитъ за вами.

— Но гдѣ-же мама?

— Она очень сильно простужена и раньше двухъ недѣль я не позволю ей встать и увидѣться съ вами. Ей необходимъ полный покой.

— Но гдѣ-же она лежитъ?

— У себя. Итакъ, будьте благоразумны. Все складывается для васъ отлично. Я быстро поставлю васъ на ноги.

— Но гдѣ я лежу, докторъ?

— Въ санаторіи Вестъ-Эндъ.

— Кто-же привезъ меня сюда? Мои средства не позволяютъ мнѣ лечиться въ санаторіи.

— Не думайте объ этомъ. Мистрисъ Свифдъ позаботилась обо всемъ.

— Я не могу столько принимать отъ нея... Я не хочу... Я теперь-же долженъ сказать ей объ этомъ.

— Мистрисъ Свифдъ въ Европѣ, у друзей. Она часто пишетъ мнѣ, справляясь о вашемъ здоровьѣ. Все, что она дѣлаетъ для васъ, доставляетъ ей радость, поэтому вы не должны оскорблять ее отказомъ, пока вы больны. Поправившись вы вѣроятно уѣдете во Флориду съ вашей невѣстой. Тамъ ожидаетъ васъ новая дѣятельность. Вы будете тамъ спокойны и счастливы... Однако, мнѣ пора... Меня замѣнитъ миссъ Вѣра. Но прошу васъ разговаривать какъ можно меньше. Закройте глаза. Попробуйте уснуть, — докторъ ласково пожалъ руку Николая Петровича и направился въ столовую, гдѣ ожидала его Вѣрочка.

— Ну что? Какъ онъ? — спросила она съ трудомъ удерживая нервную дрожь.

— Я доволенъ его состояніемъ, — бодро отвѣтилъ докторъ сядя за столъ, чтобы написать рецептъ. — Онъ необыкновенно ясно соображаетъ. Пожалуй даже слишкомъ ясно. Это изнуряетъ мозгъ. Употребите все ваше вліяніе на то, чтобы онъ не волновался и много, очень много спалъ.

— Онъ спрашивалъ о матери?

— Да. Я сказалъ, какъ мы рѣшили. Онъ кажется повѣрилъ, — голосъ доктора Марча дрогнулъ, но онъ сейчасъ-же утвердилъ его. — Не входите сейчасъ къ нему, миссъ Вѣра. Я надѣюсь, что

онъ уснетъ. Его сильно утомилъ нашъ разговоръ, но онъ былъ неизбѣженъ. Вотъ... я прописалъ новыя лекарства. Отдайте рецептъ сестрѣ. Я могу теперь поздравить васъ. Вашъ женихъ на пути выздоровленія. До-свиданія, миссъ Вѣра. До завтра...

Оставшись одна, Вѣрочка подошла къ открытому окну и облокотилась на подоконникъ. Въ саду бродили выздоравливающіе пациенты. Высокій фонтанъ легкоструйно сверкалъ на солнцѣ. Полосы яркихъ тюльпановъ окаймляли главную аллею, заканчивающуюся стеклянной бесѣдкой, въ которой стояли складныя кресла и качалки. Вѣрочка смотрѣла передъ собою невидящими глазами:

„Я почему-то воображала, что его пробужденіе будетъ радостнымъ... Что онъ будетъ счастливъ увидѣвъ меня,“ съ безконечною тоскою думала она: „Въ дѣйствительности вышло совсѣмъ иначе... Онъ долго смотрѣлъ на меня. Однако безъ радости... Скорѣе съ испугомъ, съ удивленіемъ. Потомъ закрылъ глаза, чтобы не видѣть... А съ докторомъ сразу заговорилъ и говорилъ такъ долго. Я не нужна ему... Вотъ и теперь... Онъ знаетъ, что я здѣсь и не зоветъ меня... Должно быть спать... Мой бѣдный... Какъ онъ измученъ. А я опять все только о себѣ думаю. Мечтаю о романѣ съ нимъ. Какъ это дурно. Онъ спасенъ. Онъ будетъ жить... Вѣдь это такое счастье. Я радоваться должна. А что встрѣча наша вышла не такою, какъ я мечтала, совсѣмъ не удивительно. Вѣдь въ жизни все выходитъ совсѣмъ иначе чѣмъ ожида-

ешь. Надо терпѣть, не поддаваться горю. Надѣяться...”

Вѣрочка долго стояла у окна. Слезы легко и обильно лились по ея блѣднымъ щекамъ. Когда она вошла къ Николаю Петровичу, онъ лежалъ съ закрытыми глазами, но не спалъ. Ему было невыносимо тяжело. Душа его была полна тайной обидой, горькимъ разочарованіемъ и мучительной неудовлетворенностью пережившаго себя человѣка. Онъ думалъ о томъ, что единственнымъ исходомъ изъ его переживаній послѣднихъ мѣсяцевъ могла быть только смерть, къ которой онъ былъ такъ близокъ, и невыносимая горечь загоралась въ его сердцѣ при мысли о людяхъ помѣшавшихъ ему умереть.

Вѣрочка склонилась надъ нимъ. Любовно провела рукою по его отрастающимъ волосамъ.

Онъ раскрылъ глаза:

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Скажи, зачѣмъ? — съ трудомъ выговорилъ онъ пересохшими губами.

— Что зачѣмъ, мой родной, мой любимый? — горячо спросила она его.

— Зачѣмъ они помѣшали мнѣ умереть? Я уже выходилъ изъ жизни. Я подходилъ къ Великому... Понимаешь, я простился съ тобой... Отошелъ отъ міра. Я былъ въ Богѣ... Я былъ полонъ Имъ... И вотъ, я оторванъ отъ Него. Я не знаю, какъ вернуться къ Нему...

— Господь не оставилъ тебя. Онъ только вернулъ мнѣ тебя, — прошептала Вѣрочка, прижимаясь головою къ его плечу.

Онъ коснулся губами ея лба, но тяжесть ея была ему тягостна. Нѣжный запахъ ея волосъ мѣшалъ ему дышать.

„Зачѣмъ я ей сказалъ? Она не поняла... Она не можетъ понять,“ подумалъ онъ съ глубокой тоской: „Пойметъ меня только мама... Мама?“ сердце его больно рванулось къ ней. Увидѣть ее сейчасъ было-бы такимъ утѣшеніемъ для него. Какъ могла она не быть здѣсь, даже больная? Вдругъ, какимъ-то внутреннимъ озареніемъ онъ внезапно узналъ, что ея больше нѣтъ. Онъ не вскрикнулъ, не застоналъ. Не двинулся даже, а весь застылъ въ горестной неподвижности.

Думая, что онъ заснулъ, Вѣрочка осторожно приподняла голову съ его плеча и тихонько сѣла въ кресло.

„Господи, Господи, помоги ему вернуться къ жизни! Помоги ему забыть,“ горячо молилась она про себя.

XXI

Выздоровленіе Николая Петровича затягивалось. Онъ уже вставалъ, гулялъ въ саду, но его слабость и апатія пугали Вѣрочку и доктора Марча. Особенно угнетало ихъ то, что онъ никогда не высказывался, со всѣмъ соглашался, никогда не выражалъ никакихъ желаній, не спрашивалъ о матери.

Когда Вѣрочка заговаривала съ нимъ объ ихъ будущемъ, объ ихъ скоромъ отъѣздѣ во Флориду, онъ слушалъ ее молча, съ вымученной улыбкой на безкровныхъ губахъ. Письма Коринны онъ складывалъ нераспечатанными на столѣ. Появленіе доктора Марча оставляло его совершенно равнодушнымъ. Онъ неохотно и съ видимымъ усиліемъ отвѣчалъ на его вопросы.

Докторъ Марчъ, стараясь не волновать его, дать ему время свыкнуться съ міромъ, по возможности, сокращалъ свои визиты, говорилъ съ нимъ только о самомъ необходимомъ; но видя, что душевное состояніе его пациента не улучшается, рѣшилъ измѣнить свое обращеніе съ нимъ.

— Мистеръ Носковъ, я чувствую, что вы не видите во мнѣ больше вашего друга, — съ проник-

новенною ласковостію сказавъ онъ Николаю Петровичу, сидя съ нимъ какъ-то вечеромъ у открытаго окна. — Вы скрываете отъ меня свои переживанія. Вамъ тягостно мое присутствіе. Если это такъ, я думаю, что мнѣ лучше не приходить къ вамъ больше.

— Ахъ нѣтъ, докторъ, — съ видимымъ огорченіемъ отвѣтилъ Николай Петровичъ. — Вы лучший человѣкъ въ мірѣ. Я такъ благодаренъ вамъ за все. Но я не могу говорить о томъ, что происходитъ во мнѣ. Вы не поймете меня. Никто не пойметъ меня. Я это знаю...

— Можетъ быть вы ошибаетесь, мой дорогой. Попробуйте открыть мнѣ вашу душу. Я зналъ васъ въ тюрьмѣ, лишеннымъ свободы, приговореннымъ къ смерти, и удивлялся вашей жизненности, силѣ вашего духа.

— Да тогда я былъ почти счастливъ. Я чувствовалъ что живу, что выполняю свое трагическое предназначеніе на землѣ, готовлюсь къ чему-то высшему, необычайному... Теперь все во мнѣ опустошено... Я не знаю, какъ объяснить вамъ. Я теперь живу точно въ пустотѣ... Точно въ безвоздушномъ пространствѣ. У меня нѣтъ больше никакихъ переживаній, кромѣ безпричиннаго, безпредметнаго страданія и чувства своей полной ненужности на этомъ свѣтѣ, — голосъ Николая Петровича сорвался, но насилуя его, онъ продолжалъ воодушевляясь все сильнѣе. — Въ тюрьмѣ я, кажется, возмнилъ о себѣ... Чувствовалъ въ себѣ высшее избранничество... Слѣдилъ за развитіемъ, за рас-

цвѣтомъ моей души. Отъ ступени къ ступени поднимался ввысь... Стремился за предѣлы. Въ ночь передъ казнью я уже погружался въ свѣтъ небытія легкій и блаженный... Благоговѣніе и святой восторгъ горѣли въ моей душѣ. Глаза мои были обращены къ вѣчности. Я былъ въ Богѣ. Да, я былъ въ Богѣ... И вдругъ все рушилось. Когда въ камеру ворвался мой защитникъ и сказалъ мнѣ... Меня охватило бѣшенство. Я удивляюсь, что не сошелъ съ ума. Но возможно, что я приближаюсь къ сумасшествію... Я духовно слѣпъ и глухъ. Я лишень высшаго руководства. Свѣтъ внутренней радости угасъ во мнѣ. Я мертвый среди живыхъ. Я живой трупъ... — рыданіе вырвалось изъ груди Николая Петровича. Онъ уронилъ голову на поручень кресла. Тѣло его нѣсколько разъ судорожно вздрогнуло и затихло.

Докторъ Марчъ обнялъ его:

— Мой бѣдный, мой дорогой мальчикъ, — съ горячею задушевностью воскликнулъ онъ, — вы перенесли столько тяжелаго! Вы перенесли, передумали такъ много за этотъ годъ, что реакція, которую вы переживаете теперь, вполне понятна. У васъ пропалъ вкусъ къ жизни. У васъ сейчасъ моральный параличъ. Но я знаю, что вы отдохнете, окрѣпнете душой и вернетесь къ жизни. Сильныя натуры, какъ вы, изъ самыхъ тяжелыхъ переживаній воспринимаютъ лишь то, что необходимо имъ для внутренняго роста. Вы побѣдите страданіе. Вы молоды. Вы стоите у истоковъ жизни. У васъ теперь громадный жизненный опытъ.

Николай Петрович поднялъ свое изможденное лицо:

— Нѣтъ, докторъ, конечно. Меня сломаетъ земная жизнь. Во мнѣ одно стремленіе туда... Вѣдь въ ту ночь моя душа на половину отдѣлилась отъ моего тѣла и вернулась въ полутрупъ...

— Я запрещаю вамъ такъ говорить, такъ думать, — строго прервалъ его докторъ. — Господь продлилъ вашу жизнь. Спасъ васъ отъ преждевременной смерти, а вы вмѣсто того, чтобы благодарить Его, проводите ваши дни въ ропотъ и уныніи. Вспомните вашу рѣчь на судѣ. Тогда вы говорили о томъ, что хотите изжить до конца жизнь вашей души, хотите достичь на землѣ послѣдней фазы ея развитія. Это было храбро, возвышенно, прекрасно, и Господь услышалъ васъ... Такъ благодарите же Его!

— Я не могу... — Николай Петровичъ откинулся на спинку кресла. Глаза его слѣпымъ взглядомъ смотрѣли въ окно, за которымъ угасали вечернія облака.

— Мистеръ Носковъ, слушайте, дорогой мой! — взялъ его за руку докторъ Марчъ. — Я давно хотѣлъ вамъ рассказать. Я знаю одного человѣка, который можетъ вамъ помочь. Это пламенный мистикъ, душа котораго раскрыта всему таинственному, всему святому. Онъ сумѣетъ утолить вашъ душевный голодъ, утвердить васъ на вѣрномъ пути къ Богу и къ самому себѣ. И, вообразите, этотъ избранникъ Божій — русскій. Я не знаю, кѣмъ онъ былъ въ Россіи. Но теперь вы не можете себѣ

представить, что это за озаренный человекъ. Въ его присутствіи кажется, что находишься не на землѣ, а въ какой-то неизмѣримо высокой сферѣ духа. Онъ вызываетъ въ каждомъ человекѣ невообразимый подъемъ нравственного чувства.

Лицо Николая Петровича озарилось внутреннимъ свѣтомъ:

— Я хотѣлъ бы его увидѣть. Гдѣ онъ? — спросилъ онъ съ волненіемъ, отъ котораго задрожали его губы.

— Онъ живетъ въ Канадѣ, въ окрестностяхъ Оттавы. Судьба свела меня съ нимъ тамъ два года тому назадъ, когда я гостилъ у моихъ родителей. Въ то время о немъ много говорили. У него было много приверженцевъ, но и много враговъ среди врачей, которые не прощали ему того, что онъ бесплатно лечилъ и вылечивалъ множество больныхъ. О немъ разсказывали, что онъ основатель новой религіи, вегетарианецъ, магнетизеръ... Я заинтересовался имъ и такъ какъ онъ всѣхъ принимаетъ, отправился къ нему. Откровенно говоря, я думалъ найти въ немъ ловкаго шарлатана, но былъ пріятно изумленъ. Меня встрѣтилъ худой, невысокій и все же величественный человекъ, въ бѣлой сутанѣ съ чернымъ крестомъ на груди. Черты его лица были выразительны и просты. Онъ принялъ меня въ деревянной бесѣдкѣ, стоящей посреди огородовъ, которые воздѣлываютъ его ученики-вегетарианцы, и доходами съ которыхъ они всѣ живутъ въ деревянныхъ баракахъ, построенныхъ тутъ же. Землю эту подарилъ брату Павлу, такъ зовутъ этого удивительнаго че-

ловѣка, одинъ бостонскій миллионеръ, котораго онъ вылѣчилъ отъ злѣйшей подагры.

— Вы думаете, докторъ, что братъ Павелъ принялъ бы меня, сталъ бы говорить со мною, узнавъ кто я? — прервалъ доктора Марча Николай Петровичъ. Глаза его лихорадочно блестѣли. Красныя пятна появились на его впалыхъ щекахъ.

— Да, конечно же, мой мальчикъ. Я увѣренъ, что онъ полюбитъ васъ.

— Я хотѣлъ бы совершить къ нему паломничество. Пѣшкомъ... Съ мыслію о Богѣ въ душѣ...

— мечтательно воскликнулъ Николай Петровичъ.

— Это было бы отлично. Это закалило бы васъ и тѣлесно и духовно, — одобрилъ докторъ. — Я думаю, что недѣли черезъ двѣ вы сможете двинуться въ путь.

— Да... Но я не знаю. Я боюсь, что моя невѣста будетъ противъ этого. Да и возьметъ ли меня братъ Павелъ въ работники? Вѣдь у меня нѣтъ никакихъ средствъ. Мое положеніе ужасно. Я такъ много долженъ Кориннѣ. Это очень тяготитъ меня. Я хотѣлъ бы уйти уже завтра отсюда.

— Нѣтъ. Недѣли двѣ вы еще должны остаться здѣсь, чтобы окончательно окрѣпнуть. Этого я требую отъ васъ, какъ врачъ. Вы еще слабы и до сихъ поръ въ васъ не было желанія поправиться. Если вы возьмете себя въ руки, то дней черезъ десять вы будете совершенно здоровы и свободны дѣлать все, что вамъ угодно. Братъ Павелъ несомнѣнно приметъ васъ въ свою братію. А на дорогу и на необходимые расходы я одолжу вамъ, что нужно. Да,

да. Вы отдадите мнѣ эти деньги, я знаю. Но это неважно между нами. Вѣдь мы друзья.

— Нѣтъ, докторъ, я не достоинъ быть вашимъ другомъ, — съ глубокой серьезностью возразилъ Николай Петровичъ. — Я преклоняюсь передъ вами. Сколько вы дѣлаете добра! Какъ добры вы были ко мнѣ въ тюрьмѣ, а теперь вы дали мнѣ такую свѣтлую надежду, что жизнь снова начинаетъ казаться мнѣ возможной.

— Это меня очень радуетъ, мой дорогой. Итакъ, собирайтесь съ силами и въ дорогу.

— Вы увѣрены, докторъ, что братъ Павелъ все еще въ Калифорніи?

— Какъ же. Недавно отецъ писалъ мнѣ о немъ. Его популярность все растетъ. Его благотная дѣятельность процвѣтаетъ. Здоровье его возстановилось. Когда я видѣлся съ нимъ, у него былъ очень болѣзненный видъ. Вѣдь большевики держали его нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ. Онъ спасся отъ нихъ дѣйствительно чудомъ. Ночью, во время сна, онъ услышалъ голосъ, который подробно объяснилъ ему, что надо дѣлать, чтобы незамѣтно выйти изъ тюрьмы, добраться до пристани и сѣсть на пароходъ, отплывающій въ Англію. Я не помню подробностей. Ихъ расскажутъ вамъ въ братствѣ. Сознаюсь вамъ, эта встрѣча съ братомъ Павломъ была самымъ сильнымъ переживаніемъ моей жизни. Увидѣвъ его, я сразу понялъ, что онъ по духовной силѣ неповторяемое явленіе. Одно его присутствіе какъ-то сразу очищаетъ, возвышаетъ, даетъ свѣтлую вѣру въ глубокій смыслъ жизни и добра. Отъ него

исходить великое утѣшеніе. Онъ находитъ самые ясные, самые простые отвѣты на самые сложные вопросы.

— Есть одинъ вопросъ, который послѣдніе дни мучить меня непрестанно. Но я думаю, что и отецъ Павелъ не сможетъ дать мнѣ на него отвѣтъ, — съ тоскою сказалъ Николай Петровичъ.

— Что это за вопросъ, дорогой мой? Будьте откровенны со мною до конца. Это облегчитъ васъ и докажетъ мнѣ ваше довѣріе.

Николай Петровичъ сидѣлъ опустивъ локти на колѣни и сжавъ виски руками. Его горящіе тяжелымъ блескомъ глаза были устремлены куда-то въ глубь своей души, своей мысли.

— Отвѣтите же мнѣ, дорогой. Я хочу знать, — повторилъ докторъ Марчъ.

— Я хотѣлъ бы знать, почему самоубійство смертный грѣхъ? — медленно и раздѣльно, точно стараясь какъ можно яснѣе выразить свою мысль и сомнѣваясь въ томъ, что это ему удастся, проговорилъ Николай Петровичъ.

Докторъ Марчъ насторожился и встревожился, но ничѣмъ не выдалъ своего волненія.

— Почему? — задумчиво протянулъ онъ. — Я и самъ часто задумывался надъ этимъ вопросомъ. Да, священное писаніе называетъ самоубійство смертнымъ грѣхомъ. Однако Христосъ никогда не высказывался объ этомъ.

— Нѣтъ? Вы знаете навѣрно, докторъ? Христосъ не называлъ самоубійство смертнымъ грѣ-

хоть? — жадно спросилъ Николай Петровичъ и вся мука его души выразилась въ его глазахъ.

— Насколько я помню, нѣтъ. Но почему васъ такъ мучить этотъ вопросъ, мой бѣдный мальчикъ?

— Въ тюрьмѣ я хотѣлъ лишиться себя жизни. Но тогда я не думалъ почему-то, что это грѣхъ... Наоборотъ, мнѣ казалось, что возможность умереть не на электрическомъ стулѣ, а свободною смертию мнѣ ниспослалъ Самъ Господь... Но съ тѣхъ поръ, какъ... Докторъ, вѣдь я же чувствую, знаю, что мама... — не договоривъ, Николай Петровичъ закрылъ лицо руками.

— Ваша мать жила какъ святая и умерла какъ мученица, — тихо сказалъ докторъ Марчъ. — Если есть потустороннія переживанія, иоторыя можно выразить земнымъ языкомъ, ей хорошо теперь.

— Докторъ, расскажите мнѣ, какъ это произошло?

— Она не хотѣла пережить васъ. Открыла газъ въ кухнѣ и спокойно уснула.

— Боже мой...

— Полно, дорогой мой, — обнялъ его докторъ. — Я увѣренъ, что она отдыхаетъ теперь отъ земныхъ страданій. Однако мнѣ пора! Миссъ Вѣра навѣрно встревожена нашимъ разговоромъ.

— Прошу васъ, докторъ, не говорите ей пока ничего о братѣ Павлѣ. Я самъ объяснюсь съ нею и думаю, что она отпуститъ меня къ нему, если повѣритъ, что онъ исцѣлитъ мою больную душу.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ. Ваша невѣста думаетъ только о вашемъ благѣ.

— Я чувствую себя мучительно виновнымъ передъ нею. Когда я вижу ея заботы обо мнѣ, мнѣ хочется сказать ей, что она расточаетъ свои душевныя силы на истукана. Въ такія минуты я съ особенной силой чувствую опустошенность моей души.

— Повторяю вамъ — это реакція. Это пройдетъ.

— Боюсь, что нѣтъ, докторъ. Я два раза всею силой всего моего существа простился съ жизнью и съ любовью. Въ первый разъ это было во Флоридѣ... Во второй передъ смертью. А такъ проститься, значить, оторваться на вѣки.

— Мой мальчикъ, вы слишкомъ молоды, слишкомъ любите жизнь, чтобы не вернуться къ ней. Братъ Павелъ сумѣетъ разбудить васъ отъ вашей душевной летаргіи...

Раздался робкій стукъ въ дверь. Въ комнату заглянула Вѣрочка:

— Ужинъ поданъ. Все остынетъ, — сказала она, озабоченно всматриваясь въ Николая Петровича.

Докторъ Марчъ взялъ шляпу со стола и началъ прощаться.

*   *

*

На другое утро Николай Петровичъ долго стоялъ надъ могилой матери. Онъ думалъ о ней, сосредоточивая всѣ свои душевныя силы, но въ воображеніи своемъ видѣлъ ее живою и не могъ осознать того, что она лежитъ, вотъ тутъ передъ нимъ, въ землѣ подъ этой тяжелой мраморной плитой.

Чувство утраты было въ немъ здѣсь, на кладбищѣ, много слабѣе, чѣмъ въ санаторіи во время мучительныхъ бессонныхъ ночей.

Онъ сорвалъ чайную розу, цвѣтушую у высокаго бѣлаго креста съ русскою надписью: „Господи, да будетъ воля Твоя“, и бережно завернувъ ее въ фуляровый платокъ, положить въ грудной карманъ.

„Когда горе непосильно, душа точно замыкается и не принимаетъ его,“ думалъ онъ, длинной аллеей, окаймленной шпалерами розъ, направляясь къ кладбищенскимъ воротамъ.

Однако тоска его по матери была такъ велика, его желаніе вообразить ея близость такъ сильна, что полчаса спустя онъ очутился передъ домомъ, въ которомъ онъ прожилъ съ нею столько лѣтъ.

Всѣ окна квартиры мистрисъ Смисъ были закрыты ставнями и только окно столовой, изъ котораго Марія Михайловна такъ часто смотрѣла ему вслѣдъ и давала ему безконечныя послѣднія порученія, или совѣты, было раскрыто. За нимъ виднѣлась знакомая кружевная занавѣска. У Николая Петровича невыносимо забилося сердце. Ему казалось, что вотъ-вотъ покажется въ темномъ квадратѣ окна улыбающееся лицо матери, что она позоветъ его, крикнетъ ему что-нибудь. Рыданія подступили къ его горлу:

„Столько разъ.... столько разъ было такъ и я принималъ это, какъ должное, безъ радости. Иногда меня даже сердили и ея забывчивость и ея наивныя напутственные совѣты. Меня раздражало, что она по нѣскольку разъ возвращала меня къ этому

окну, чтобы еще что-нибудь сказать, а мнѣ было спѣшно, я торопился уйти... А теперь... Чего не далъ бы я за все это теперь! Какимъ бы это было счастьемъ, если бы она сейчасъ выглянула... кивнула... Бѣдная, милая, родная, до смерти замученная мной. Она ушла изъ жизни не одна. Она унесла въ могилу часть меня... Всю мою жизнь, прожившую до сихъ поръ...”

Николай Петровичъ стоялъ, прислонясь къ фонарю и закинувъ голову къ окну, пока не стали оставлять его силы. Тогда онъ заставилъ себя отрваться отъ мучительнаго созерцанія.

„Прощай, мама,“ — прошепталъ онъ уходя и почувствовалъ себя безконечно одинокимъ въ какомъ-то новомъ, чуждомъ мірѣ.

XXII

Стояла сильная жара. Выздоровливающимъ больнымъ стали подавать ужинъ въ искусственномъ саду, находящемся на крышѣ санаторіи. Тамъ, въ полосатомъ щатрѣ игралъ джазъ. Яркіе зонты защищали круглые столики отъ заходящаго солнца. Повсюду стояли пальмы, лавровыя деревья, цвѣли рододендроны и камеліи.

Николай Петровичъ, дичась людей, продолжалъ обѣдать у себя, но какъ-то вечеромъ Вѣрочкѣ удалось уговорить его подняться наверхъ. Происшедшая въ немъ за послѣдніе дни переменѣна очень радовала ее. Онъ усердно занимался гимнастикой, лежалъ на солнцѣ, заставлялъ себя много ѣсть и много спать. Лицо его окончательно утратило мрачное выраженіе. Оно было серьезно и печально, но въ немъ не осталось и слѣда тяжелой апатіи, такъ старившей его. Въ обращеніи съ окружающими онъ сталъ много внимательнѣе и привѣтливѣе.

„Въ немъ просыпаются жизненные силы. Онъ точно заново начинаетъ жить,“ съ нѣжностью думала Вѣрочка.

Она угадывала, что эта переменѣна въ немъ вызвана его длиннымъ разговоромъ съ докторомъ. Но

Николай Петровичъ ничего не говорилъ ей о немъ. Она же не хотѣла спрашивать и терпѣливо ждала, чтобы онъ высказался самъ, желала этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то боялась этого объясненія.

Когда они поднялись на верхній садъ, жара уже спала. Только что отшумѣлъ легкій дождь. Воздухъ былъ напоенъ душистыми испареніями насыщенныхъ зноемъ, свѣтомъ и влагой растений. Вдали туманной, серебристой полосой катился Худсонъ. Розовѣющіе въ лучахъ заходящаго солнца, испещренные длинными рядами оконъ, небоскребы казались распиленными и перемѣшанными частями какихъ-то гигантскихъ сквозныхъ строеній. Въ небѣ гудѣли аэропланы. Явайскій джазъ, щадя больные нервы паціентовъ, подъ сурдинку игралъ томный вальсъ Last Paradise.

— Миѣ здѣсь нравится, — сказала Вѣрочка, садясь за столикъ, — прежде я не любила такіа свѣтскія мѣста, въ которыхъ, какъ миѣ казалось, проводятъ время только люди, не знающіе простой жизни и труда. А сейчасъ я нахожу, что есть что-то умиротворяющее въ этой обстановкѣ. Сидишь, смотришь, слушаешь, и начинаетъ казаться, что въ мірѣ ничего нѣтъ кромѣ этой музыки, этихъ цвѣтовъ. Своя личная жизнь куда-то прячется, исчезаетъ. Это хорошо...

— Ты перестала любить свою жизнь? — виноватымъ голосомъ произнесъ Николай Петровичъ и сейчасъ же пожалѣлъ о сказанныхъ словахъ, чувствуя, что они наведутъ разговоръ на тему, кото-

рой лучше не касаться здѣсь, подѣ звуки джаза и на глазахъ у всѣхъ.

То-же почувствовала и Вѣрочка. Однако не въ силахъ была отвѣтить молчаніемъ на этотъ наболѣвшій вопросъ.

— Да, я, кажется, разлюбила свою жизнь... А главное — самую себя, — нерѣшительно, съ грустной улыбкой проговорила она. — Прежде я жила какъ бы только въ ожиданіи жизни, и мнѣ казалось, что, когда для этого наступитъ время, я вступлю въ нее полная силы, буду приносить пользу чуть ли не всему человѣчеству. Буду всегда во всемъ поступать такъ, какъ надо... Въ дѣйствительности же оказалось иначе. Какія требованія ни предъявляла бы мнѣ жизнь, я ни разу не оказалась на высотѣ положенія.

— Дорогая моя, ты несправедлива къ себѣ, — перебилъ ее Николай Петровичъ. — Не забывай, что жизнь сразу поставила тебя передъ задачами, непосильными даже для людей, умудренныхъ житейскимъ опытомъ. Я, наоборотъ, удивляюсь силѣ твоей воли, твоей выдержкѣ, твоему великому терпѣнію...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори такъ, — порывисто воскликнула Вѣрочка. — Я оказалась мелочной, ревнивой, несправедливой. Я оказалась слѣпой законстенѣлой эгоисткой. Мои личныя переживанія всегда заслоняли передо мною все. Помнишь тогда, въ лодкѣ...

— Вѣрочка, да неужели же ты не поняла, что такъ было надо... Что ты не должна была слы-

шать моей исповѣди... Что это было такъ предопредѣлено!

— Ты думаешь? Пусть такъ. Но я не угадала даже всей силы твоихъ страданій. То, что ты вынесъ, открылось мнѣ только, когда я увидѣла тебя. Раскаяніе мое было такъ ужасно... Ахъ, зачѣмъ я заговорила объ этомъ здѣсь... Я не могу... — глаза ея наполнились слезами. Она встала и быстро направилась къ находившейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ столика подъемной машинѣ. Бронзовая дверца захлопнулась за нею, загудѣли провода...

Все это произошло такъ неожиданно для Николая Петровича, что онъ растерялся и не зналъ, какъ лучше поступить — оставить Вѣрочку одну, или послѣдовать за нею. Но внезапно его охватилъ такой горячій порывъ любви и состраданія къ ней, что онъ, дождавшись возвращенія лифта, въ которомъ спустилась Вѣрочка, вскочилъ въ него и приказалъ обслуживающему машину мальчику спустить его на третій этажъ. Но тотъ предупредительно сообщилъ ему, что миссъ Барсукова спустилась въ паркъ, и надавилъ кнопку, обозначающую послѣднюю остановку.

Въ цвѣтникѣ еще рѣзвились дѣти. На искусственной набережной у бассейна садовникъ граблями расчищалъ песокъ, измятый за день любителями солнечныхъ ваннъ.

Николай Петровичъ направился въ самую глубину парка, къ небольшому холму съ обелискомъ, у котораго онъ часто сидѣлъ съ Вѣрочкой по вечерамъ, любуясь закатомъ солнца. Онъ былъ увѣренъ,

что найдетъ ее тамъ, и не ошибся. Она стояла слегка прислонившись къ розовой мраморной колоннѣ и не повернула головы, услышавъ его шаги. Онъ подошелъ къ ней близко. Бережно охватилъ рукою ее станъ и вдругъ, поддаваясь неудержимому порыву, прижалъ ее къ своей груди. Его губы увѣренно и нѣжно приникли въ долгомъ поцѣлуѣ къ ее губамъ. Вѣрочка откинулась отъ него съ легкимъ вздохомъ и вдругъ, страстно зарываѣ, прижалась лицомъ къ его плечу.

— Моя бѣдная, моя нѣжная, моя любимая, — шепталъ онъ, тѣснѣе сжимая объятіе. — О чемъ ты плачешь?

— Я думала, что ты больше не любишь меня. Это было такъ больно... такъ больно... — прерывистымъ голосомъ отвѣтила она.

— Какъ могла ты это думать?!

— Коринна настолько лучше меня... Я была несправедлива къ ней, а она встрѣтила меня такъ искренно, такъ благородно. Она любитъ тебя самоотверженно, безкорыстно. Ты не меня, а ее долженъ любить.

— Вѣрочка, я тебя люблю. Только тебя. До тебя я никого не любилъ и не полюблю никогда. Но я сломанный человѣкъ... Вотъ этого ты не можешь понять.

— Я знаю, ты измученъ. Но дома ты отдохнешь, забудешь. Вѣдь правда? Да? Скажи... — столько муки и надежды было въ ея голосѣ, что Николай Петровичъ не въ силахъ былъ разочаровать ее.

— Да, моя любимая, — тихо проговорилъ онъ. — Я когда-нибудь воскресну моею любовью къ тебѣ. Ты встрѣтишь меня во Флоридѣ, какъ Беатриче встрѣтила Дантэ въ чистилищѣ, и, очистивъ меня омовеніемъ въ рѣкѣ забвенія, вознесешь со мною въ рай, „въ царство свѣта недвижнаго“. Только ты встрѣтишь меня не въ колесницѣ, запряженной гриффами, а на своемъ миломъ маленькомъ Фордѣ.

— Я встрѣчу тебя? Но какъ же? Вѣдь мы уѣдемъ вмѣстѣ? — удивилась Вѣрочка.

Николай Петровичъ разжалъ объятіе. Лицо его стало строго, почти сурово.

— Что съ тобою? — встревоженно спросила Вѣрочка, отстраняясь отъ него. — Что съ тобою опять?

Николай Петровичъ молча спустился на стоящую поблизости каменную скамью и глубоко задумался. Вѣрочка сѣла возлѣ него и, продолжавъ руку подъ его локоть, съ безпокойствомъ слѣдила за выраженіемъ его тонкаго, выразительнаго лица.

Онъ зналъ, что наступила минута полной исповѣди передъ нею, но чувствовалъ, что не можетъ открыть ей всю свою душу, въ которой царитъ туманный хаосъ, въ которой столько непонятнаго для него самого. Кромѣ того, какое-то новое побужденіе заставляло его ревниво оберегать и скрывать отъ всѣхъ, даже отъ любимой дѣвушки, таившіяся въ немъ духовныя чаянія и стремленія. Все это мучительно затрудняло его и, заговоривъ, онъ сначала сильно смущался, искалъ слова, но постепенно сталъ успокаиваться и рѣчь его лилась все

убѣжденіе, все горячѣе. Избѣгая говорить о себѣ, онъ рассказывалъ ей о братѣ Павлѣ, о его удивительной душевной силѣ и о своей надеждѣ на то, что этотъ удивительный человѣкъ поможетъ ему понять себя, вновь приблизиться къ Богу.

— Ты хочешь уйти къ брату Павлу? — спросила она поблѣвшими губами.

— Да, если ты благословишь ипустишь меня.

Она безпомощно уронила руки на колѣни. На губахъ ея появилась жалкая улыбка:

— Какъ могу я не пустить тебя?

— Одно твое слово и я останусь...

— Нѣтъ. Ты не можешь остаться, — съ тоскою проговорила она. — Я поняла теперь, что Господь посылаетъ тебя туда. Я поняла, что это такъ надо. Что какъ разъ это въ твоей судьбѣ. Но вѣдь ты вернешься ко мнѣ? Да? Скажи, ты вернешься? — ея глаза смотрѣли на него непрерывнымъ, умоляющимъ взглядомъ.

Онъ опустилъ голову.

— Если выздоровлю душою, вернусь.

— Ты щадишь меня и этимъ только мучишь. Я хочу знать правду. Не бойся, я все могу перенести.

— Что я могу сказать тебѣ? Развѣ я знаю правду? Мнѣ только кажется, что послѣ того, что мы пережили, послѣ того, что открылось намъ въ жизни и въ духовномъ мірѣ, нашимъ душамъ станетъ тѣсно въ личномъ счастьѣ. Мы не вынесемъ спокойной, обереженной жизни въ довольствѣ.

— Ты говоришь мы, но думаешь только за себя.

— Нѣтъ, дорогая, въ насъ обоихъ стремленіе

изжить наши жизни не въ пріятномъ полуснѣ спокойнаго существованія, а въ постоянномъ горѣніи души, въ постоянномъ достиженіи высшихъ цѣлей. Въ достиженіи ихъ самымъ труднымъ путемъ.

— Но вѣдь мы можемъ стремиться къ нимъ вмѣстѣ. Мы можемъ уѣхать въ Россію. Работать тамъ.

— Къ этой работѣ я не чувствую въ себѣ призванія. Меня влечетъ только то, что не отъ міра сего.

— Тогда ты не вернешься... Нѣтъ, тогда ты никогда не вернешься ко мнѣ.

— Какъ знать, неисповѣдимы пути Господни.

Николай Петровичъ обнялъ Вѣрочку и нѣжно привлекъ ее къ себѣ. Они сидѣли тѣсно прижавшись другъ къ другу, безконечно близкіе, безконечно одинокіе, объятые оба благоговѣйнымъ страхомъ передъ великими тайнами жизни.

К о н е ц ъ